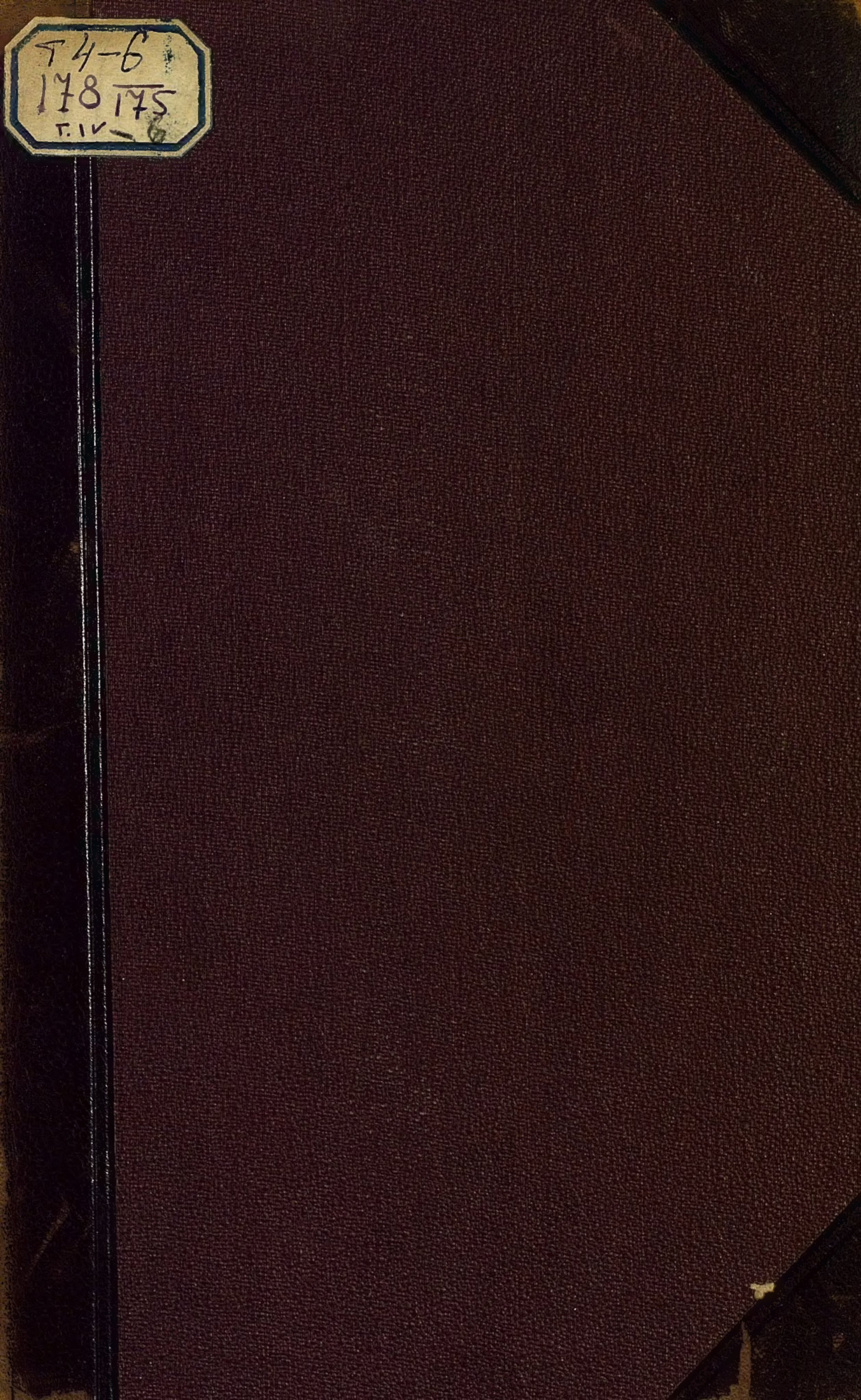

Т 4-6
178 175
Т. IV 6

В. В. Назаревскій.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

IV.

1796—1825.

Съ 133 рисунками.

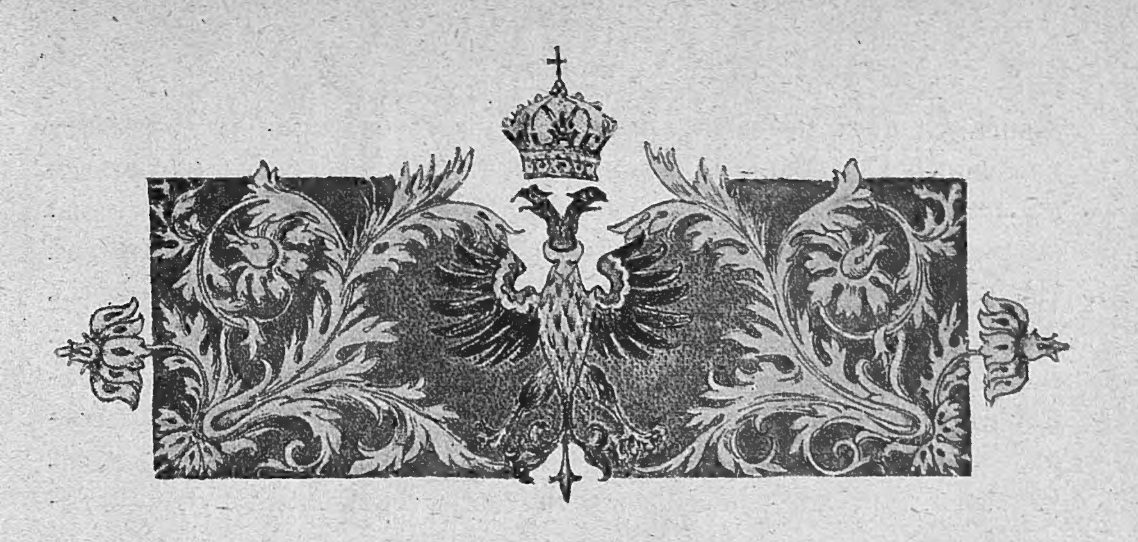

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, соб. домъ.
МОСКВА. —1910.

Императоръ Павелъ I.

Съ геліогравюры В. К. Георгія Михайловича.

I.

Царствованіе императора Павла I и его законодательство.—Законъ о престолонаслѣдіи и особахъ царствующаго дома. Императрица Марія Θеодоровна.—Перемѣны въ административныхъ и сословныхъ учрежденіяхъ императрицы Екатерины II.—Ограниченіе крѣпостного права.—Мѣропріятія относительно просвѣщенія, духовенства и войска.—Первоначальная внѣшняя политика Павла I, воздержаніе его отъ войнъ и отношеніе къ Французской республикѣ въ пору директоріи и консульства Наполеона. Причины вступленія Павла I въ коалицію противъ Франціи.

Продолжавшееся четыре года (1796 — 1801) царствованіе императора Павла I, по самой уже своей недолговременности, не могло имѣть очень большого значенія, какъ во внутренней нашей жизни, такъ и въ дѣлахъ внѣшней политики. Значеніе это умалялось еще тѣмъ, что верховное управленіе въ это время въ своемъ направленіи опредѣлялось не столько развитіемъ того, что сдѣлано было въ предшествующее царствованіе, сколько стремленіемъ передѣлать недавно созданное, что условливалось, при различіи воззрѣній царствовавшихъ лицъ, не чуждыми трагизма отношеніями между Екатериной II и сыномъ ея Павломъ I.

Съ отстраненіемъ Петра III отъ престола и переходомъ его, вмѣсто сына Павла, къ его матери Екатеринѣ, зародился разладъ между ними. Императрицѣ казалось, что сынъ, по мѣрѣ его развитія, чувствуетъ несправедливость этого и ждетъ ея прекращенія, почему его далеко держали отъ двора и дѣлъ правленія; а у самого Павла жила тяжелая мысль, что его хотятъ устранить отъ престола въ пользу его сына, великаго князя Александра Павловича, воспиты-

вавшагося подъ исключительнымъ вліяніемъ бабушки. Вотъ почему преемникъ Екатерины II склоненъ былъ преувеличивать недостатки ея правленія и готовъ былъ итти въ иную сторону. Но самая высота царственнаго положенія и добрые задатки въ характерѣ Павла I, и при многихъ ненормальныхъ, отрицательныхъ явленіяхъ этого времени, сказались, однако, дѣлами положительнаго значенія.

Павелъ Петровичъ вступилъ на престолъ 42 лѣтъ отъ роду. Императоръ имѣлъ высокое понятіе о своей самодержавной власти и стремился, подобно Петру I, поставить ее, какъ можно, ближе къ дѣламъ управленія, желая руководить ими своею собственной рукою непо-

средственно. Любя особенно военное дѣло, онъ много посвящалъ ему времени, лично обучая войско, которое преобразовалъ по прусскому образцу, по уставу Фридриха II; онъ даже объявилъ себя генералъ-адмираломъ флота; прилежно занимался самъ дѣлами иностранной политики и входилъ близко и во внутреннее управленіе, не оставляя безъ вниманія и церковныя дѣла, въ коихъ, чего не было прежде, приписывалъ себѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ главенство. Но недовѣрчивость къ людямъ, до излишества, до мелочей, слишкомъ затягивала его въ дѣла, особенно военныя, что не было ему подъ силу, какъ мощному его прадѣду Петру I.

Въ виду значительной общей распущенности въ предшествующее правленіе, а въ особенности вслѣдствіе опасеній предъ революціонными вліяніями Франціи, самыя условія тогдашней жизни побуждали Павла I всюду вводить строгую дисциплину и безпрекословное повиновеніе. Но, не имѣя ни силы характера, ни проницательности своего прадѣда, онъ предавался очень часто и несправедливо раздраженію и гнѣву, прибѣгая къ чрезмѣрнымъ наказаніямъ и быстро поражалъ опалами не только своихъ сановниковъ, но и членовъ своей семьи. Несмотря на весь контрастъ та-

Гатчинскій дворецъ
времени Павла I.

кого режима съ мягкимъ правленіемъ матери его Екатерины II, суровость новаго правленія, за исключеніемъ узкихъ придворныхъ сферъ, не встрѣчала себѣ какого-либо активнаго противодѣйствія въ болѣе широкихъ кругахъ общественныхъ, а о народѣ и говорить нечего. Даже для подозрительнаго взгляда должно бы быть яснымъ, что въ Россіи, даже и въ ея оторванныхъ отъ народа слояхъ духъ революціоннаго якобинства не можетъ имѣть сколько-нибудь значительнаго успѣха. Самъ Павелъ I, какъ скоро остывалъ его гнѣвъ или для него раскрывалась несправедливость его наказаній, спѣшилъ, въ благородныхъ и великодушныхъ порывахъ, загладить милостями сдѣланную несправедливость или смягчить чрезмѣрную суровость. Громадное же большинство русскихъ людей, всѣхъ классовъ и ступеней образованія, не были склонны изъ-за преходящихъ несправедливостей и временной раздражительности не только подниматься противъ принципа власти, но и противъ временныхъ ея носителей. Даже такія выдающіяся лица, какъ нашъ великій Суворовъ, терпѣливо и благодушно переносили постигавшія ихъ несправедливости (Суворовъ при этомъ говорилъ: „да будетъ воля Твоя, Господи!"). Конечно, и въ то время были исключенія... Но болѣе заслуживаютъ порицанія не тѣ малочисленные люди начала XIX столѣтія, которые, не ограничиваясь естественными неудовольствіями, слишкомъ истерично относились къ печальнымъ явленіямъ этого недолгаго царствованія, а тѣ историки начала XX вѣка, которые сквозь чужія, западныя очки все еще смотрятъ на нашу историческую жизнь, не въ силахъ разгадать ея русскую правду и поэтому слишкомъ ужъ много копаются въ отрицательныхъ, тѣневыхъ, мимолетныхъ явленіяхъ того времени. Мы не станемъ заниматься ими, а перейдемъ къ наиболѣе выдающимся фактамъ царствованія Павла I.

5 апрѣля 1797 года, въ первый день Свѣтлаго праздника, совершилось въ Москвѣ коронованіе императора. Оно отличалось тѣмъ, что Павелъ I при этомъ священнодѣйствіи возложилъ на себя, кромѣ другихъ императорскихъ регалій, еще и византійскій царскій далматикъ и короновалъ императрицу-супругу Марію Ѳеодоровну. По совершеніи коронованія, стоя на возвышеніи въ Успенскомъ соборѣ, императоръ прочиталъ изготовленный имъ, важнѣйшій основной законъ имперіи — актъ о престолонаслѣдіи, отмѣнявшій законъ по этому предмету Петра I и устанавливавшій наслѣдованіе, какъ было въ допетровской Руси, по прямой линіи въ мужскомъ колѣнѣ, по началу первородства. По прочтеніи этого закона государь царскими вратами вошелъ въ алтарь и положилъ этотъ актъ на св. престолъ

Павелъ I.
Съ портрета *Боровиковскаго*.

въ приготовленный серебряный ковчегъ и повелѣлъ его хранить тамъ на всѣ будущія времена. Въ тотъ же день были изданы еще три важныхъ узаконенія: учрежденіе объ императорской фамиліи, установленіе о россійскихъ императорскихъ орденахъ и манифестъ, ограничивавшій крѣпостное право.

Императоръ, отмѣняя порядокъ произвольнаго назначенія наслѣдника престола волею царствующаго государя и замѣняя его законнымъ и неизмѣннымъ, стремился къ тому, чтобы государство никогда не было безъ наслѣдника, дабы наслѣдникъ назначался всегда самымъ закономъ, и не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наслѣдовать, что, по смерти Петра 1 породило у насъ, какъ извѣстно, столько смутъ, до вмѣшательства иностранныхъ державъ въ такія важнѣйшія государственныя дѣла, какъ переходъ престола отъ одного лица къ другому.

Престолонаслѣдіе устанавливалось въ порядкѣ старшинства въ мужскомъ колѣнѣ до послѣдняго его отпрыска; до его смерти престолъ не могъ перейти въ женское колѣно. Лица императорской фамиліи были подданными своего государя, но имѣли преимущества своего высокаго происхожденія. На ихъ содержаніе была отведена часть населенныхъ крестьянами земель, которыя названы были удѣльными.

Одновременно обнародованъ былъ и манифестъ о крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянахъ, въ коемъ говорилось:

„Законъ Божій, въ десятословіи намъ преподанный, поучаетъ насъ седьмой день посвящать Богу; почему въ день настоящій, торжествомъ вѣры христіанской прославленный и въ который мы удостоились воспріять священное миропомазаніе и царское на прародительскомъ престолѣ вѣнчаніе, почитаемъ долгомъ нашимъ предъ Творцомъ и всѣхъ благъ Подателемъ подтвердить во всей имперіи нашей о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненіи, повелѣвая всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣліевъ остающіеся въ недѣлю шесть дней, по равному числу оныхъ раздѣляемые, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ въ пользу помѣщиковъ, при добромъ распоряженіи, достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ потребностямъ“. Это было немаловажнымъ актомъ начинавшагося ограниченія крѣпостного права. Сверхъ того, императоръ Павелъ запретилъ продавать крестьянъ безъ земли.

Впослѣдствіи государственные и удѣльные крестьяне были раздѣлены на волости, не болѣе 3.000 въ каждой; они получили крестьянское самоуправленіе, въ видѣ волостного правленія, которое состояло изъ выборныхъ: волостного головы, старосты и писаря, которые собирали подати, завѣдывали крестьянскими хозяйственными дѣлами волости и судили маловажные проступки крестьянъ.

Въ виду господствовавшаго то время въ заграничныхъ школахъ революціоннаго вольномыслія, въ это царствованіе запрещено было отправлять молодыхъ людей за границу; взамѣнъ этого въ Дерптѣ (Юрьевѣ) основанъ былъ, по образцу нѣмецкихъ, университетъ. Запрещенъ былъ ввозъ иностранныхъ книгъ, и введена была цензура для русскихъ.—Для высшаго образованія духовенства учреждены были духовныя академіи въ Петербургѣ и Казани. Для приготовленія офицеровъ былъ учрежденъ въ Петербургѣ второй кадетскій корпусъ, получившій имя Павловскаго. Для распространенія женскаго образованія были основаны въ Петербургѣ и Москвѣ институты Екатерининскій и Маріинскій, получившіе такое названіе въ честь двухъ императрицъ; покровительницей ихъ стала супруга государя императрица Марія Ѳеодоровна, одна изъ величайшихъ благотворительницъ, какихъ только знаетъ исторія. Она, по смерти Павла I, создала, развила и укрѣпила въ Россіи цѣлую систему благотворительныхъ и учебныхъ заведеній, которыя составили у насъ особое вѣдомство, носящее имя Императрицы Маріи. Она согрѣвала эти учрежденія искреннею и теплою любовью своей и, пользуясь своимъ высокимъ положеніемъ, доставляла имъ обильныя средства; но она вмѣстѣ съ тѣмъ принимала личное дѣятельное участіе въ ихъ жизни. Чрезвычайно заботилась она о брошенныхъ дѣтяхъ, называя ихъ „своими дѣточками". Сильно увеличила размѣры воспитательныхъ домовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, устраивала въ разныхъ частяхъ столицъ пріемныя ясли, куда приносились матерями дѣти, и организовала наборъ кормилицъ для нихъ и раздачу ихъ въ деревни для вскармливанія ихъ крестьянками, за которыми былъ устроенъ, при помощи Воспитательныхъ домовъ, особый надзоръ. Нерѣдко она сама навѣщала больныхъ дѣтей и привозила имъ лакомства, цвѣты, картинки и игрушки. Часто пріѣзжала въ больницы, обходила палаты, участливо осматривая и разспрашивая больныхъ, входила въ малѣйшія ихъ нужды и, по словамъ очевидцевъ, являлась для нихъ ангеломъ-утѣшителемъ. Нерѣдко присутствовала она при трудныхъ операціяхъ, ради того, чтобы облегчить страданія подвергавшихся имъ, ободрить и утѣшить ихъ. Нѣкоторые соглашались на операціи подъ тѣмъ только условіемъ,

чтобы царица сама присутствовала при нихъ, и она всегда исполняла ихъ желаніе.

Въ жизни своихъ учебныхъ заведеній она принимала самое близкое участіе, обсуждая ихъ учебные планы, выбирая учебныя для нихъ руководства, просматривая ученическія работы, присутствуя на экзаменахъ, поощряя успѣвавшихъ и помогая имъ въ избраніи дороги по окончаніи ученія.

Марія Θеодоровна учредила въ Петербургѣ первое училище для глухонѣмыхъ. Свободная отъ другихъ занятій, она занималась во дворцѣ или рукодѣльемъ, или щипаньемъ корпіи для раненыхъ. Такую глубоко симпатичную память о себѣ оставила эта гуманнѣйшая государыня.

Павелъ I не мало сдѣлалъ измѣненій въ сословныхъ учрежденіяхъ императрицы Екатерины II.

Такъ относительно дворянства было установлено, чтобы его губернскія должностныя лица болѣе не избирались дворянствомъ, а назначались правительствомъ. Губернскія же дворянскія собранія были отмѣнены и оставлены были только уѣздныя. Дворяне и записанные въ гильдіи купцы стали попрежнему за уголовныя преступленія подвергаться тѣлеснымъ наказаніямъ наравнѣ съ крестьянами.

Императоръ заботливо относился къ православному духовенству: онъ выражалъ желаніе, чтобы священство имѣло болѣе „соотвѣтственные важности сана своего образъ и состояніе“, вслѣдствіе чего принимались въ это царствованіе мѣры къ улучшенію быта бѣлаго духовенства, и духовнымъ лицамъ давались орденскія награды, и вновь учрежденъ для нихъ наградный наперсный крестъ.

Старообрядцамъ, по мысли бывшаго законоучителемъ государя митрополита Платона, дозволялось, при условіи ихъ подчиненія церковной православной власти, имѣть свои храмы и священниковъ и отправлять церковныя службы по старопечатнымъ книгамъ, на началахъ такъ называемаго единовѣрія (священники для единовѣрцевъ рукополагались православными епископами).

Начавшееся сліяніе съ имперіей западныхъ окраинъ, присоединенныхъ отъ Польши и Швеціи, было на нѣкоторое время отсрочено возстановленіемъ ихъ прежняго устройства. Такъ, въ западно-русскихъ областяхъ возстановлено было дѣйствіе Литовскаго статута и были введены нѣкоторыя польскія учрежденія (высшій судебный трибуналъ, городскіе суды и друг.). По вступленіи на престолъ Павелъ Петровичъ освободилъ изъ заключенія Костюшко и даже назначилъ ему пожизненную пенсію. Въ Прибалтійскомъ краѣ было

Императрица Марія Θеодоровна.
Съ гатчинскаго портрета.

отмѣнено Екатерининское учрежденіе 1775 года о губерніяхъ, и возстановлено дѣйствіе шведско-нѣмецкихъ законовъ.

Новый императоръ обратилъ вниманіе на печальное положеніе въ Россіи финансовъ. Въ концѣ царствованія его матери, во время второй турецкой войны, были три года подъ рядъ сильные неурожаи въ Малороссіи и Бѣлоруссіи, и приходилось покупать для нашей арміи много хлѣба въ Польшѣ, почему много звонкой монеты уходило за границу, а правительство вынуждалось дѣлать новые выпуски ассигнацій и даже прибѣгнуть къ первому заграничному займу (въ 44 милліона рублей). Отъ этого наши ассигнаціи сильно упали въ цѣнѣ. Для поднятія ихъ курса Павелъ I, въ началѣ своего царствованія, приказалъ сжечь въ своемъ присутствіи на 6.000.000 ассигнацій и пріостановилъ дальнѣйшій ихъ выпускъ.

Особенное вниманіе обращалъ императоръ на войско и произвелъ въ этой области не мало перемѣнъ, шедшихъ также въ разрѣзъ съ Екатерининскимъ временемъ.

Будучи наслѣдникомъ престола и живя въ основанной имъ Гатчинѣ, Павелъ Петровичъ получилъ дозволеніе имѣть подъ своимъ начальствомъ отрядъ войска. Любя его, онъ много занимался обученіемъ своихъ гатчинцевъ, но военному дѣлу придалъ другой характеръ, въ сравненіи съ тѣми порядками, какіе были приняты въ екатерининскихъ войскахъ. Ему не нравилось, что въ нихъ было мало правильной организаціи и слишкомъ много давалось мѣста импровизаціи полководцевъ; необходимую же въ военномъ дѣлѣ постоянную дисциплину большею частью замѣняло одушевленіе. Но, какъ и отецъ его Петръ III, онъ былъ поклонникомъ прусской военной системы и Фридриха II, съ которымъ познакомился лично въ свое путешествіе за границей. По его убѣжденіямъ, войско должно быть, при помощи дисциплины и выучки, обращено въ послушный механизмъ, которымъ могли бы руководить и заурядные полководцы. Подъ вліяніемъ такихъ взглядовъ онъ завелъ еще въ своемъ Гатчинскомъ отрядѣ прусскую обмундировку: трехугольныя шляпы, напудренныя букли и косы, узкіе мундиры, башмаки и штиблеты; устраивалъ передъ дворцомъ ежедневные вахтъ-парады. Достигнувъ въ дѣлѣ муштры значительныхъ успѣховъ и чрезмѣрно увлекшись ими, онъ по своемъ воцареніи сталъ вводить и во всей русской арміи всѣ правила тяжелаго прусскаго военнаго устава. Удобные для движеній мундиры екатерининскаго времени замѣнены были увѣсистой нѣмецкой аммуницiей; находчивость (суворовскіе глазомѣръ, быстрота и натискъ) не цѣнились болѣе, и имъ предпочиталась

внѣшняя выправка, стоившая огромнаго труда. Это вызывало не мало недовольства. Самъ фельдмаршалъ Суворовъ не скрывалъ его: „Мы били пруссаковъ, нечему намъ у нихъ учиться... Букли—не пушки, пудра—не порохъ, коса—не тесакъ, я—русскій, а не пруссакъ“, говорилъ прямой и рѣзкій старикъ. Не ограничиваясь только критикой, онъ впадалъ иногда даже и въ противодѣйствіе, хотя только пассивное, и за это поплатился не только отставкой, но и опалой: ему повелѣно было жить въ своей деревнѣ Кончанской (Новгородской губерніи) подъ особымъ надзоромъ... Таковы были наиболѣе характерныя явленія этого правленія.

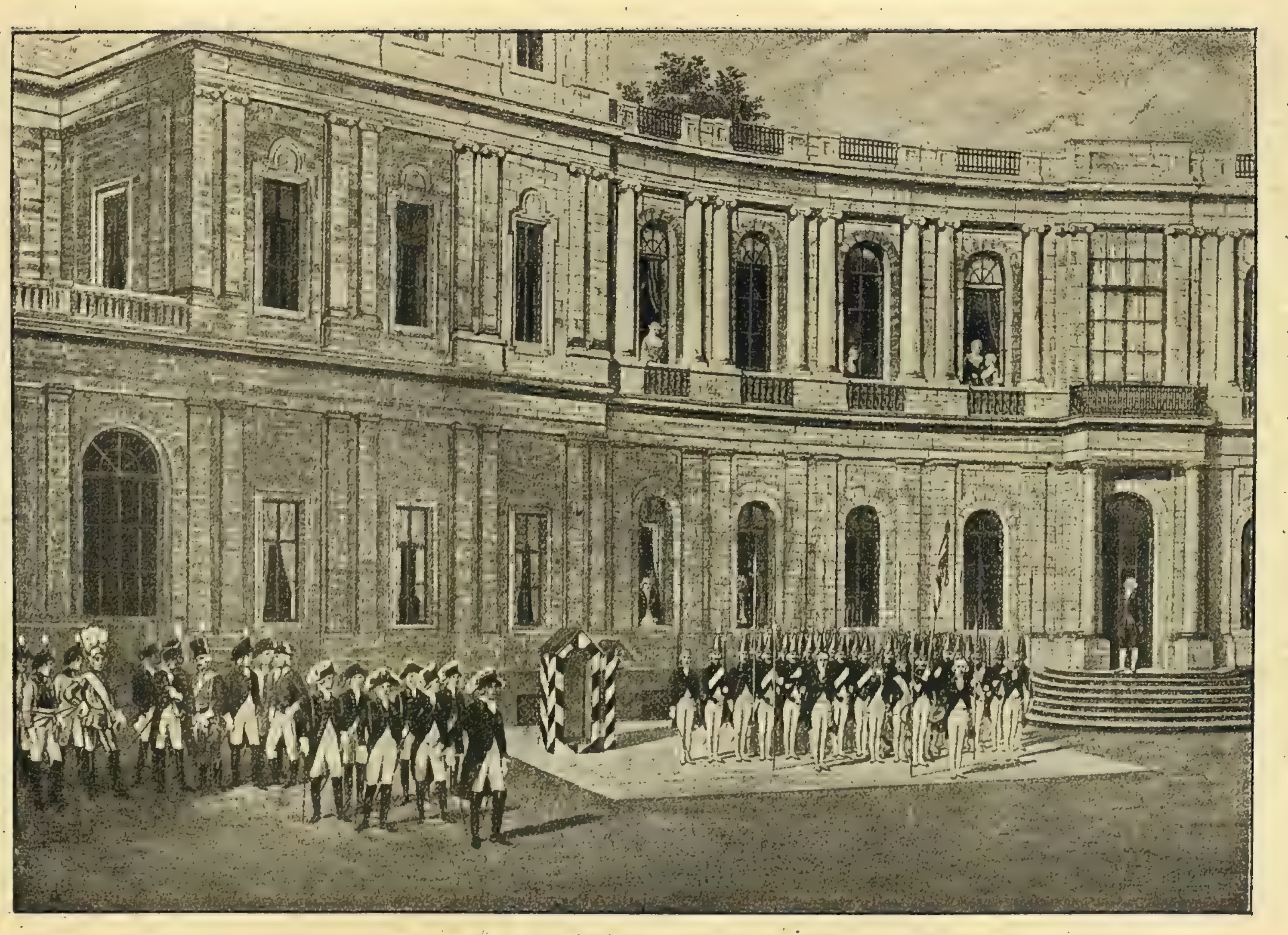
По вступленіи своемъ на престолъ, Павелъ Петровичъ прекратилъ начатую его матерью войну съ Персіей и остановилъ всѣ уже сдѣланныя екатерининскія приготовленія къ войнѣ съ Французской республикой, въ союзѣ съ Англіей, Австріей и Пруссіей. При этомъ европейскимъ державамъ было объявлено, что Россія, будучи въ безпрерывныхъ войнахъ съ 1756 года, есть единственная въ свѣтѣ держава, которая 40 лѣтъ истощала свое народонаселеніе. „Желая дать своимъ подданнымъ пренужное и желаемое ими отдохновеніе послѣ столь долго продолжавшихся изнуреній“, императоръ объявилъ, однако, что хотя россійское войско не будетъ дѣйствовать теперь противъ Франціи, но онъ, какъ и покойная его родительница, остается въ твердой связи съ прежними союзниками и „чувствуетъ нужду противиться всѣми мѣрами неистовой Французской республикѣ, угрожающей всей Европѣ совершеннымъ истребленіемъ законовъ, правъ, имущества и благонравія“.

Скоро, однако, онъ отказался отъ своего невмѣшательства въ международныя отношенія и въ недолгое свое царствованіе то велъ войну съ Франціей, то готовился къ грандіозной войнѣ, вступивъ въ союзъ съ первымъ консуломъ Французской республики Бонапартомъ противъ тогдашнихъ своихъ союзниковъ.

Французская республика въ это время пережила двѣ фазы своего управленія: директорію и начало консульства Наполеона.

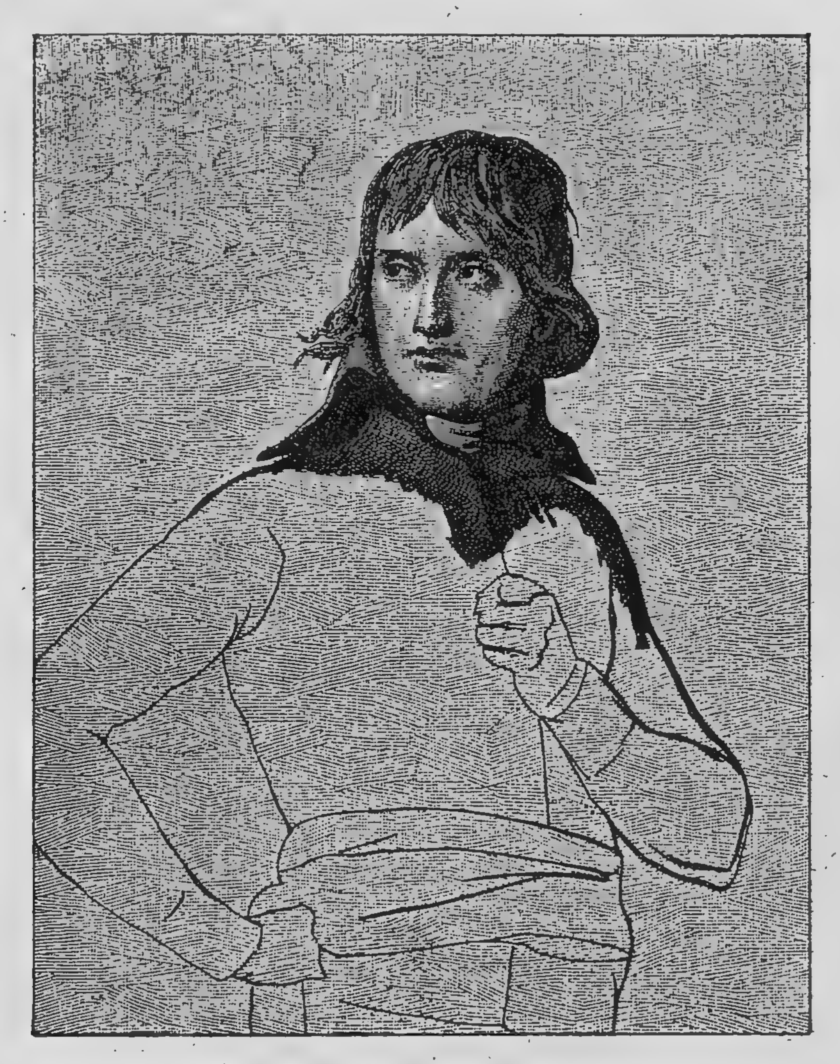
Теперь во Франціи не было уже якобинскаго террора; но военные успѣхи ея, благодаря побѣдамъ Наполеона Бонапарта, продолжались и давали ей возможность въ завоеванныхъ странахъ уничтожать монархическое правленіе и замѣнять его республиканскимъ по французскому образцу.

Главные удары сыпались на Германо-римскую имперію: у австрійцевъ отняты были французами Ломбардія, обращенная въ Цизальпинскую республику, и Бельгія, присоединенная къ Франціи. Изъ Гол-

Парадъ въ Гатчинѣ.
Съ дворцовой акварели.

ландіи былъ изгнанъ штатгальтерскій Оранскій домъ, и она сдѣлана была Батавскою республикой. Занятъ былъ Римъ, и взятъ въ плѣнъ папа Пій VI и отосланъ во Францію, а въ вѣчномъ городѣ учреждена была Римская республика. Въ Швейцаріи было введено взамѣнъ прежняго новое французское республиканское устройство,

Наполеонъ въ пору консульства.

и она получила названіе Гельветической республики. Изъ Неаполитанскаго королевства изгнаны были Бурбоны, и здѣсь монархію замѣнила Партенопейская республика. Сардинское королевство сдѣлано было провинціей Французской республики. Казалось, разливу по Европѣ новаго французскаго республиканства не видѣлось конца, что было угрозой для всѣхъ монархій и что укрѣпляло императора Павла во враждебныхъ его отношеніяхъ къ Франціи. Онъ далъ убѣжище въ

Митавѣ брату Людовика XVI, Людовику XVIII, какъ королю Франціи и назначилъ ему денежное содержаніе; разрѣшилъ также размѣститься въ Волыни и Подоліи 7.000 французскимъ эмигрантамъ, которые образовали подъ командою принца Конде особый корпусъ. Это было, собственно, открытымъ вызовомъ Французской республикѣ на войну.

И Франція, съ своей стороны, не скрывала враждебныхъ отношеній къ Россіи. Она дала пріютъ удалившимся послѣ третьяго раздѣла Польши польскимъ эмигрантамъ, которые съ помощью директоріи замышляли возстановить свое государство. Наполеонъ не постѣснился захватить островъ Мальту, отданный еще императоромъ Карломъ V во владѣніе рыцарскому ордену Іоаннитовъ (основанъ былъ въ эпоху крестовыхъ походовъ въ Святой Землѣ, по ея завоеваніи удалился сперва на островъ Кипръ, а потомъ на Родосъ), невзирая на то, что мальтійскіе рыцари только—что избрали императора Павла своимъ гросмейстеромъ или великимъ магистромъ (въ XVIII вѣкѣ знатные и богатые дворяне Западной Европы считали большою честью записываться въ этотъ орденъ и пріобрѣтали ему сторонниковъ по всей Европѣ). Мало того, Наполеонъ при занятіи Іоническихъ островов арестовалъ русскаго генеральнаго консула; наконецъ стали распространяться въ Европѣ слухи, будто Наполеонъ думаетъ напасть на наше сѣверное побережье Чернаго моря.

Эти обстоятельства и побудили императора Павла примкнуть къ коалиціи противъ Франціи, составившейся изъ Англіи, Австріи, Неаполя и Турціи. Душою же этого союза была первая, замышлявшая обезсилить республиканскую Францію также, какъ она обезсилила ее въ монархическое время, при помощи тайной поддержки революціоннаго движенія при Людовикѣ XVI. Англія, претендующая на міровое вліяніе, уже предвидѣла помѣху для него въ возраставшей славѣ Наполеона.

II.

Павелъ I, по просьбѣ императора Германскаго, назначаетъ главнокомандующимъ австро-русскихъ войскъ въ Италіи Суворова. — Отъѣздъ его изъ села Кончанскаго къ дѣйствующей арміи.—Итальянскій походъ Суворова: Адда, Требія и Нови.—Устройство австрійцами западни для Суворова въ Швейцаріи.—Альпійскій его походъ.—Битвы на Сенъ-Готардѣ и у Чортова моста.—Переходъ черезъ Роштокъ и Мутенская долина.—Перевалъ чрезъ Паниксеръ.—Непримиримый гнѣвъ Павла I на своихъ союзниковъ—австрійцевъ и англичанъ.—Походъ на Индію.—Смерть Суворова и Павла I.

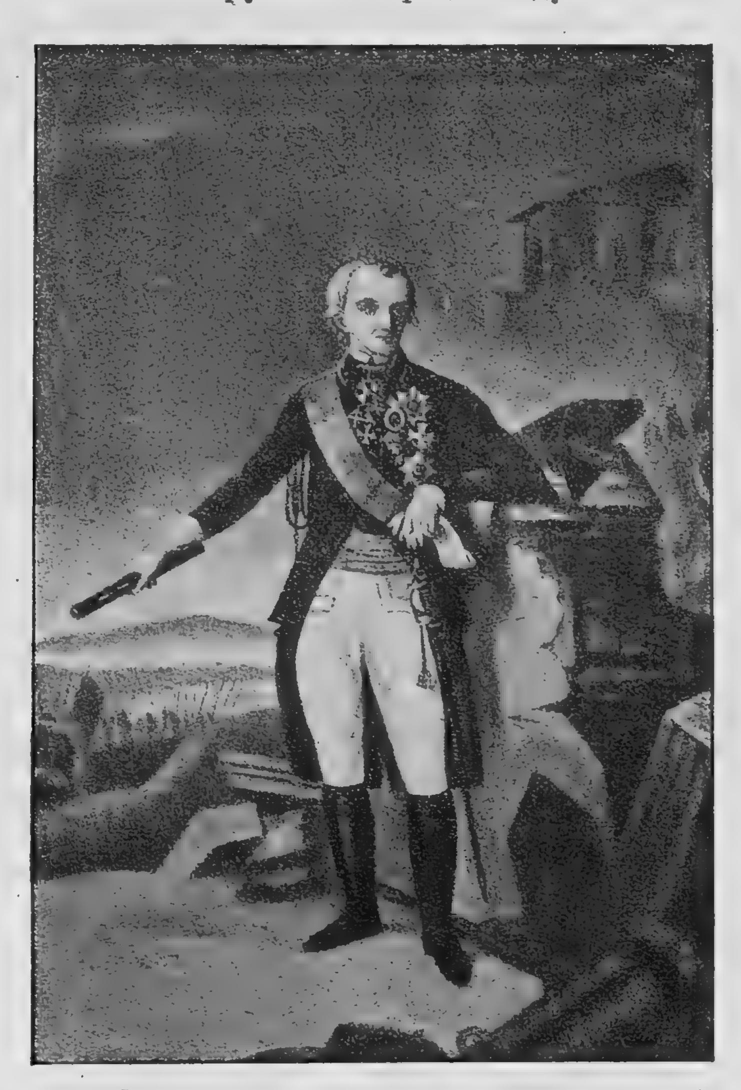
По соглашенію съ главными участниками коалиціи—Австріей и Англіей, Россія взялась дѣйствовать противъ Французской республики на четырехъ театрахъ: на Средиземномъ морѣ и въ южной Италіи (съ Неаполитанскимъ королемъ), въ Сѣверной Италіи и Швейцаріи (совмѣстно съ австрійцами) и, наконецъ, въ Голландіи (вмѣстѣ съ англичанами).

Такимъ образомъ Россія явилась болѣе дѣятельною участницей союза, хотя менѣе, чѣмъ Англія и Германія, была затронута Франціей въ своихъ практическихъ національно-государственныхъ интересахъ.

Россія не извлекла изъ участія въ этой коалиціи практической пользы, кромѣ развѣ познанія, какъ намъ опасно довѣряться западно-европейскимъ союзникамъ, но зато она проявила великую военную мощь свою, какъ въ войскѣ, такъ и въ военачальствѣ,

свидѣтельствующую, что военныя преданія эпохи Петра I, Елизаветы и Екатерины II не умерли въ нашемъ войскѣ при Павлѣ I. Подвиги же Суворова и его чудо-богатырей, являясь чѣмъ-то эпическимъ, чѣмъ-то сказочнымъ, показали удивленному міру, какія могучія силы скрываются въ тайникахъ русскаго народнаго духа.

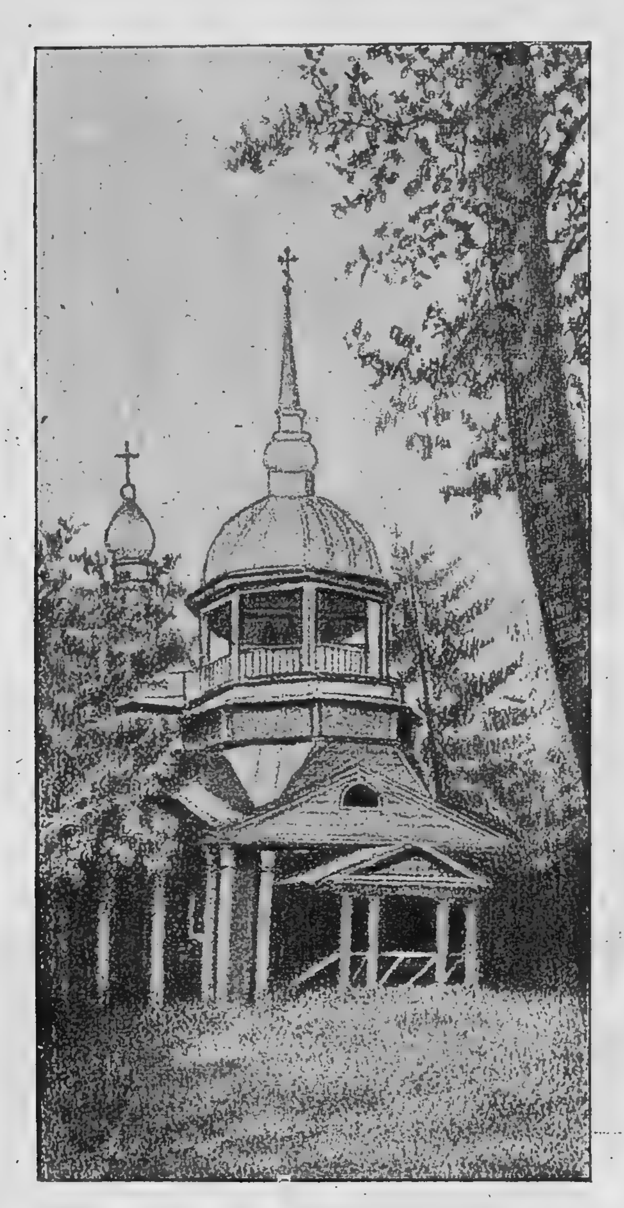
Суворовъ въ эту пору жилъ въ своемъ имѣніи Кончанскомъ (Новгородской губ.), благодушно перенося опалу государя. Въ періодъ ея тяжести онъ находилъ утѣшеніе въ религіи, часто присутствуя на богослуженіи въ сельской церкви, гдѣ всегда горячо молился, по временамъ пѣлъ на клиросѣ и читалъ Апостола, а иногда звонилъ на колокольнѣ. У него даже явилась было мысль кончить жизнь свою въ иночествѣ, и онъ просилъ императора дозволить ему поступить въ Нилову Новгородскую пустынь, но не получилъ на это отвѣта. Добрый помѣщикъ, глубоко сроднившійся въ самомъ образѣ жизни съ народомъ, Суворовъ много заботъ посвящалъ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ, входилъ въ ихъ нужды и особенно любилъ устраивать ихъ свадьбы.

Портретъ А. В. Суворова
въ фельдмаршальскомъ залѣ Зимняго дворца.

Скоро опала была ослаблена и государь пригласилъ Суворова въ Петербургъ, но старикъ, недовольный новыми порядками, выпросился опять въ деревню; онъ сталъ зорче слѣдить за политическими дѣлами,

а особенно за успѣхами Наполеона, съ которымъ, очевидно, хотѣлось перевѣдаться нашему русскому геніальному полководцу. „О, далеко шагаетъ мальчикъ! Пора унять его“, говаривалъ старый фельдмаршалъ. Невозможно, конечно, предсказать, какой исходъ имѣло бы столкновеніе этихъ двухъ великихъ геніевъ, но никакого нѣтъ сомнѣнія, что оно дало бы совсѣмъ другое направленіе событіямъ всемірной исторіи, въ сравненіи съ тѣмъ, какое мы видимъ въ дѣйствительности.

Храмъ въ селѣ Кончанскомъ.

Въ началѣ 1799 года, по соглашенію съ союзниками, 320 тысячъ австро-русской арміи должны были двинуться противъ французовъ въ Сѣверную Италію, чтобы оттуда итти на самую Францію. Англія съ Австріей настояли, чтобы во главѣ этой арміи былъ поставленъ нашъ Суворовъ. Императоръ Францъ въ письмѣ своемъ просилъ Павла Петровича о назначеніи главнокомандующимъ этой арміей „знаменитаго мужествомъ и подвигами Суворова“.

Русское войско по этому поводу сложило слѣдующую пѣсню:

Какъ у насъ было, на Святой Руси,
У коренныхъ было у русскихъ,
Пронеслась вѣсть—намъ, солдатушкамъ,
Вѣсть радостная—во походъ итти.
Пишетъ цесарскій царь, пишетъ, проситъ

Полудомикъ Суворова въ Кончанскомъ.

Нашего царя-батюшку:
„Ой ты гой еси, православный царь,
Славянскій царь всея Руси!
Помоги ты мнѣ, царю, царю бѣдному,
Царю римскому, нѣмецкому.
Разорили меня, погубили меня
Французишки безбожные.
Бьютъ напропалую мои войска цесарскія.
Нѣтъ у насъ генерала славнаго.
Помоги ты мнѣ, русскій царь-батюшка,
Сохранить мое царство бѣдное;
Ты пришли-ка, пришли, православный царь,
Свои войска богатырскія.
Ты пришли-ка, мой отецъ родной,
И своего Суворова, графа Рымницкаго.
До вѣку вѣчнаго не забудетъ тебя
Мое царство бѣдное...

6 февраля въ село Кончанское привезенъ былъ рескриптъ государя, вызывавшій Суворова въ Петербургъ и оканчивавшійся словами: „Долгомъ почитаю не отъ своего только лица, но и отъ лица другихъ, предложить вамъ взять дѣло и команду на себя и прибыть сюда для отъѣзда въ Вѣну“.

Какъ пробудившійся орелъ, встрепенулся Суворовъ, долго думавшій о борьбѣ съ республиканцами Франціи, „съ этими карманьольцами, безбожными и вѣтреными французишками, своего короля нагло до смерти убившими“.

Сборы были недолги. Суворовъ письменно распорядился: „часъ собираться, другой отправляться. Ѣду съ четырьмя товарищами. Приготовить 18 лошадей. Денегъ на дорогу взять 250 руб. Егоркѣ бѣжать къ старостѣ Ѳомкѣ, чтобы такую сумму повѣрилъ; *ѣду не на шутку*, да вѣдь я же служилъ здѣсь дьячкомъ и пѣлъ басомъ, а теперь ѣду пѣть Марсомъ".

Мозаика въ Петербургскомъ Суворовскомъ музеѣ.

Суворовъ, по-православному, стоя на колѣняхъ, выслушалъ въ приходской своей церкви напутственный молебенъ, простился съ своими крестьянами, поднесшими ему икону, и быстро ускакалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ принятъ чрезвычайно милостиво государемъ. Павелъ Петровичъ возложилъ на него большой мальтійскій крестъ Іоанна Іерусалимскаго. Стоявшій при этомъ на колѣняхъ великій фельдмаршалъ сказалъ: „Боже, спаси царя!" Великодушный императоръ отвѣтилъ: „Тебѣ спасать царей!" и крѣпко обнялъ и поцѣловалъ старца. Петербургское населеніе патріотически напутствовало всенароднаго любимца.

На пути онъ посѣтилъ въ Митавѣ брата Людовика XVI, котораго, подъ именемъ Людовика XVIII, признавали уже королемъ Франціи. Выйдя къ Суворову, онъ сказалъ: „Шпага ваша, господинъ

фельдмаршалъ, есть орудіе, которымъ Провидѣніе караетъ враговъ монарховъ". — „Надѣюсь, государь, — отвѣчалъ тотъ, — потратить не слишкомъ много пороху на изгнаніе республиканцевъ изъ Италіи и прошу ваше величество позволить мнѣ назначить вамъ свиданіе въ будущемъ году во Франціи. (Но это свиданіе русскихъ войскъ съ Людовикомъ XVIII состоялось въ Парижѣ лишь въ слѣдующее царствованіе, въ 1814 году.) Во всякомъ случаѣ полагаю надежду мою на святителя Николая и покровительство Божіе"...

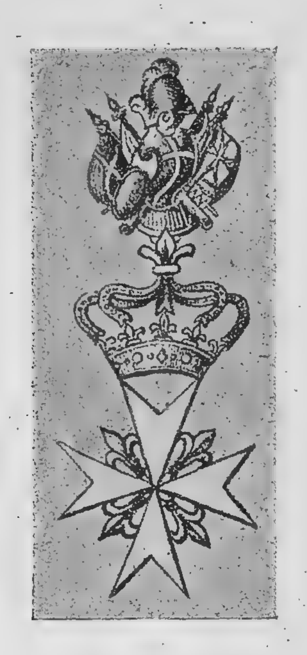

Десница Іоанна Крестителя.
Святыня мальтійцевъ.
Большая церковь Зимняго дворца.

Прибывъ въ Вѣну, гдѣ онъ былъ назначенъ фельдмаршаломъ и австрійскихъ войскъ, онъ проницательнымъ взглядомъ своимъ сразу разгадалъ всю фальшь австрійскихъ отношеній къ Россіи и къ нему въ особенности.

„Полная мочь избранному полководцу", говаривалъ Суворовъ. „Веди войну по-своему, какъ умѣешь", говорилъ ему, отпуская его въ

походъ русскій императоръ, а въ Вѣнѣ хотѣли ему навязать всяческія ограниченія его власти. Императоръ Францъ вручилъ ему инструкцію, отдѣливъ отъ него хозяйственную часть арміи, порученную генералу Меласу, и требуя, чтобы Суворовъ испрашивалъ разрѣшеніе отъ придворнаго военнаго совѣта, во главѣ котораго стоялъ министръ Тугутъ, не знавшій военнаго дѣла, на всѣ предпріятія, которыя онъ захотѣлъ бы начать. Русскій фельдмаршалъ энергически протестовалъ противъ этихъ австрійскихъ ограниченій, и, когда въ Вѣнѣ навязывали ему свои планы компаніи, сказалъ: „Я начну ее переходомъ чрезъ рѣку Адду, а окончу, гдѣ Богу будетъ угодно“, и перечеркнулъ предложенный ему планъ, а на требованія опредѣлить свой планъ подалъ чистый листъ бумаги, говоря, что его дѣйствія будутъ зависѣть отъ условій мѣста, времени и личнаго усмотрѣнія.

Мальтійскій орденъ А. В. Суворова.

3 апрѣля Суворовъ прибылъ въ Италію въ главную квартиру своей арміи въ городъ Верону и въ тотъ же день принималъ начальниковъ отдѣльныхъ частей. Съ особою теплотою отнесся онъ къ молодому генералу Милорадовичу, котораго зналъ еще ребенкомъ. Еще задушевнѣе встрѣтилъ онъ своего давняго сподвижника князя Багратіона. При его имени Суворовъ, стоявшій все время зажмурившись, встрепенулся, обнялъ „князя Петра“, какъ прежде называлъ его, поцѣловалъ его въ лобъ, глаза и губы. „Господь съ тобою“, сказалъ онъ, отпуская Багратіона, до слезъ тронутаго такой задушевною привѣтливостью великаго героя.

Въ полтора мѣсяца, рядомъ блестящихъ побѣдъ, онъ, какъ обѣщалъ, вытѣснилъ французовъ изъ сѣверной и средней Италіи, несмотря на то, что Меласъ интриговалъ въ арміи, а Тугутъ — въ Вѣнѣ, и австрійцы повсюду подставляли ему препятствія и помѣхи, и сталъ готовиться къ походу во Францію...

Настроеніе русскаго войска съ прибытіемъ къ нему великаго русскаго вождя поднялось необычайно, и оно не знало устали и препятствій въ быстрыхъ и трудныхъ движеніяхъ и боевыхъ предпріятіяхъ. Но австрійцы при каждомъ случаѣ поднимали ропотъ.

Суворовъ не скрывалъ своего негодованія по этому поводу. „До моего свѣдѣнія дошли жалобы (австрійскія) на то, что пѣхота промочила ноги,—писалъ онъ Меласу,—за хорошею погодою гоняются только женщины, щеголи и лѣнивцы; большой говорунъ, который жалуется на службу, будетъ, какъ эгоистъ, отрѣшенъ отъ должности... У кого здоровье плохо, тотъ пусть и остается назади".

Суворовъ быстро двинулся на рѣку Адду, на которой расположились французы подъ начальствомъ Моро, второго послѣ Наполеона по дарованіямъ генерала директоріи. Въ нѣсколькихъ боевыхъ схваткахъ непріятель былъ разбитъ, и Суворовъ взялъ въ плѣнъ 5 тысячъ французовъ. „Дай вамъ Богъ здоровья,—писалъ изъ Пе-

Раненый Суворовъ.
Съ статуи Суворовскаго музея.

тербурга императоръ Павелъ Суворову: — о многолѣтіи вашемъ опять молились вчера въ церкви, при чемъ были и всѣ иностранные министры". Въ десять дней вся Ломбардія была занята нашими войсками, и отъ Цизальпинской республики не осталось и слѣда. Въ Свѣтлое воскресенье Суворовъ вступилъ въ столицу Ломбардіи Миланъ. Толпы народа, во главѣ котораго шелъ крестный ходъ съ крестами и хоругвями, восторженно встрѣтили русскихъ. Вождь ихъ сошелъ съ коня, благоговѣйно приложился къ кресту и принялъ благословеніе отъ миланскаго архіепископа.

Быстро отъ миланскихъ иллюминацій и раутовъ Суворовъ поспѣшилъ къ войскамъ, потому что на подкрѣпленіе войскамъ Моро изъ Неаполя уже двинулся другой, тоже талантливый французскій генералъ Макдональдъ.

Занявъ столицу Пьемонта Туринъ, Суворовъ, сдѣлавшій походъ въ мѣсяцъ въ 400 верстъ и уже находившійся въ 100 верстахъ отъ границы Франціи, какъ только получилъ извѣстіе, что прибывшій въ среднюю Италію Макдональдъ уже тѣснитъ австрійцевъ, съ быстротой орла полетѣлъ на ихъ выручку. Съ 24-тысячной арміей онъ сдѣлалъ невѣроятно быстрый переходъ навстрѣчу Макдональду и, несмотря на то, что у того было больше войска и что Меласъ замедлилъ привести на помощь намъ австрійскія войска, вступилъ въ бой съ французами на рѣкѣ Требіи, гдѣ Аннибалъ разбилъ римлянъ.

Трехдневный бой на Требіи — это великое проявленіе героизма русскаго войска и военнаго генія ихъ вождя. Даже такіе герои, какъ князь Багратіонъ, устрашившись нашей малочисленности, совѣтовали ему подождать подкрѣпленій и повременить нападеніемъ на французовъ. Но Суворовъ говорилъ: „Атакуй, князь Петръ, съ Богомъ. Ура!" Первыхъ два дня битвы, несмотря на геройскую штыковую работу пѣхоты и несравненныя атаки казаковъ, не дали намъ рѣшительнаго успѣха, благодаря именно преступному бездѣйствію Меласа.

На третій день битвы, 8 іюня, нашимъ войскамъ пришлось пережить нѣсколько часовъ крайне критическихъ. Изнуренные невыносимой жарой, борьбой съ неравными силами и тяжелой обстановкой предшествующихъ дней, русскія войска Розенберга, Багратіона и Швейковскаго еле держатся. Розенбергъ подъѣзжаетъ къ Суворову, лежащему въ одной рубашкѣ въ тѣни большого камня, и совѣтуетъ ему начать отступленіе. „Попробуйте поднять этотъ камень, — отвѣчаетъ ему старикъ. — Ага! Не можете? Ну, такъ и русскіе не могутъ

Битва на Аддѣ.

Съ современной картины.

отступать". Подъѣзжаетъ къ фельдмаршалу и любимецъ его, князь Петръ, и печально докладываетъ, что войска утомлены до крайности, потеряли уже половину своихъ рядовъ, что ружья отъ пороховой накипи плохо стрѣляютъ. „Плохо, князь Петръ", говоритъ Суворовъ, но быстро садится на коня и вскачь мчится къ войскамъ. Онъ подъѣхалъ къ нимъ, когда солдаты Швейковскаго уже дрогнули, но, увидѣвъ своего полководца, остановились. Носясь среди нихъ, Суворовъ кричитъ: „Заманивай! Шибче, шибче заманивай! Бѣгомъ маршъ!" Успокоенные они двинулись быстро, но вдругъ онъ командуетъ: „Стой!" Скрытая до сихъ поръ батарея брызнула въ лицо французамъ картечью и ядрами. Фельдмаршалъ повернулъ войска и самъ повелъ ихъ въ новую уже успѣшную атаку.

Отсюда онъ мчится къ войскамъ Багратіона. Едва люди увидали стараго фельдмаршала своего, какъ все преобразилось: ружья начали стрѣлять, затрещалъ бѣглый огонь, забили барабаны, откуда только взялись силы у людей. Новая атака русскихъ произведена съ такою стремительностью, что французы сочли эти войска за свѣжія, вновь прибывшія подкрѣпленія. Въ 6 часовъ вечера французы были отброшены по всей линіи и отступили за рѣку Адду. Это — лучшій брильянтъ среди побѣдъ Суворова. Моро и французскіе генералы удивлялись этой побѣдѣ Суворова. Самъ Макдональдъ чрезъ 8 лѣтъ на блестящемъ балу уже не консула, а императора Наполеона, послѣ смерти Суворова, сказалъ русскому послу: „Не видать бы всего этого Тюльерійскому дворцу, если бы въ Россіи нашелся второй Суворовъ". Современные прусскіе писатели ставятъ Суворова за его побѣду при Требіи выше Наполеона. Императоръ Павелъ, посылая побѣдителю свой осыпанный брильянтами портретъ, писалъ въ своемъ рескриптѣ: „Жалуемая награда должна изъявить всѣмъ и каждому признательность государя къ великимъ дѣламъ своего подданнаго, которыя прославляютъ наше царствованіе". Извлекши большую пользу и изъ этой побѣды, австрійцы проявили поразительную неблагодарность. Въ рескриптѣ Франца фельдмаршалу былъ даже оскорбительный намекъ, что главную причину Суворовскихъ побѣдъ составляло „столь часто испытанное счастье". Огорченный Суворовъ не оставался въ долгу и говорилъ объ австрійцахъ: „Вездѣ гофкригсратъ, неискоренимая привычка быть битыми; желаютъ, чтобы ежели мнѣ завтра давать баталію, я бы прежде отнесся въ Вѣну..."

При полной бездарности своей, Вѣна проявляла, однако, наглое и властолюбіе и корыстолюбіе. Тамъ были недовольны, что Суворовъ принялъ мѣры, чтобы въ Туринѣ былъ возстановленъ пьемонтскій

А. В. Суворовъ.

король, „такъ какъ,—писалъ императоръ Францъ,—въ занятыхъ территоріяхъ не должно быть другой власти, кромѣ моей“... Запрещались Суворову предпріятія къ освобожденію Рима и Неаполя (гдѣ, однако, русскіе же уничтожили устроенныя французами республики) и не дозволялось говорить о походѣ во Францію, о чемъ думалъ Суворовъ, но чего не хотѣла Австрія, уже возвратившая себѣ свои прежнія владѣнія въ Италіи. Не желавшій вытаскивать изъ огня каштаны для Австріи, Суворовъ крайне волновался и просилъ императора Павла отозвать его изъ Италіи. Но ему суждено было увѣнчаться здѣсь еще новою побѣдою у подошвы Апеннинъ, при Нови.

Директорія отправила въ Италію подкрѣпленія и взамѣнъ Моро назначила главнокомандующимъ своихъ войскъ очень молодого, но даровитаго генерала Жубера. Онъ только что повѣнчался и, отправляясь на войну, сказалъ своей женѣ, что она увидитъ его или побѣдителемъ или мертвымъ. Суворовъ, уже возведенный импера-

торомъ Павломъ въ княжеское достоинство съ наименованіемъ „Италійскаго“, узнавъ, кого противопоставляютъ ему, сказалъ: „Нужно проучить этого мальчика“.

Жуберъ занялъ выгодную высокую позицію на склонахъ Апеннинъ, и Суворовъ, когда ему не удалось выманить непріятеля въ долину, атаковалъ его на его грозныхъ высотахъ. Но въ началѣ сраженія былъ убитъ Жуберъ, а замѣнившій его Моро удачно отбивалъ всѣ наши нападенія. Упорство же Суворова, въ связи съ обходнымъ движеніемъ Багратіона въ тылъ французамъ, рѣшило побѣду.

Слава Суворова въ это время во всемъ мірѣ поднялась на необычайную высоту. Государи осыпали его наградами и подарками. Многіе предпринимали нарочитыя паломничества въ Италію, чтобы увидѣть непобѣдимаго героя. Всюду продавались его разнообразные, даже фантастическіе портреты.

„Достойному достойное“, писалъ ему Павелъ Петровичъ и отдалъ приказъ, чтобы гвардія и всѣ войска, даже въ присутствіи государя, отдавали ему царскія почести.

Одна Австрія продолжала свои недоброжелательныя отношенія къ величайшему полководцу, которому оставалось итти на Парижъ, и, можетъ-быть, его встрѣча съ Наполеономъ, повторяемъ, дала бы совсѣмъ другое направленіе исторіи XIX вѣка, а не то, какое опредѣлилось побѣдами знаменитаго вождя французовъ. Однако происки Австріи поворотили Суворова вмѣсто запада на сѣверъ, вмѣсто Франціи

Суворовъ на Альпахъ.
(Суворовскій музей).

въ Швейцарію, куда онъ долженъ былъ итти на смѣну эрцъ-герцога Карла и на соединеніе съ русскимъ корпусомъ Римскаго-Корсакова, чтобы биться съ Массеной, а не съ Наполеономъ.

Получивъ приказъ оставить дѣло недоконченнымъ, фельдмаршалъ очутился въ томъ же трагическомъ положеніи, въ какомъ нѣкогда находился Аннибалъ, вызванный изъ Италіи пуническими интриганами, и воскликнулъ: „Иду, но горе тѣмъ, кто меня посылаетъ. Я билъ, но не добилъ французовъ... Злоумышленники раскаются, но поздно!..“ Онъ ясно предугадывалъ трагедію, грозившую со стороны Наполеона не одной Австріи, а всей Европѣ, не исключая и Россіи.

Австрійцы одни остались хозяйничать въ возвращенной имъ Ломбардіи, а русскіе, измѣннически покинутые союзниками, должны были бороться въ Швейцаріи съ французами одни; погибнуть они тамъ съ своимъ Суворовымъ, туда де имъ дорога. Австрія вѣдь получила то, чего желала...

Суворовъ долженъ былъ соединиться въ Швейцаріи съ 24-тысячнымъ корпусомъ Римскаго-Корсакова, который дѣйствовалъ тамъ вмѣстѣ съ австрійскими войсками эрцъ-герцога Карла. Послѣдній обязанъ былъ не покидать Швейцаріи до прибытія Суворова, не оставляя русскихъ предъ 80-тысячною арміей энергическаго генерала Массены. Вмѣстѣ съ тѣмъ австрійцы должны были изготовить для Суворовскаго отряда провіантъ, вьючныхъ лошадей, карты и проводниковъ.

Предвидя гибель русскаго корпуса, Суворовъ писалъ нашему послу въ Лондонѣ, графу Воронцову: „Массена не будетъ насъ ожидать и устремится на нашего Корсакова. Хотя я не боюсь ничего на свѣтѣ, но скажу: въ опасности отъ перевѣса Массены мало пособятъ мои войска, поздно идущія отсюда“.

Однако и мало вѣроятная надежда поспѣть на выручку русскихъ заставила Суворова двинуться къ мѣсту назначенія съ невѣроятною быстротою. „Одна минута,—говорилъ Суворовъ,—рѣшаетъ исходъ баталіи, одинъ часъ—успѣхъ компаніи. Я дѣйствую не часами, а минутами“.

Въ пять дней прошли войска по сѣверной Италіи къ подножію Альпъ. „Ихъ вершины, покрытыя снѣгомъ и теряющіяся въ облакахъ,—говоритъ одинъ изъ участниковъ похода,—впервые начинавшагося для русскихъ въ горной странѣ похода, удивили взоръ нашъ: цѣпь ихъ казалась безконечной“.

Здѣсь оказалось, что австрійцы обманули насъ: ни провіанта ни муловъ не было. „Нѣтъ лошаковъ, нѣтъ лошадей,—пишетъ Суворовъ Растопчину,—а есть Тугутъ и горы и пропасти. Нужно было обо всѣмъ позаботиться снова и потерять нѣсколько чрезвычайно до-

Наши войска на С.-Готардѣ. Съ картины *Коцебу* *)

*) Картина находится въ Зимнемъ дворцѣ.

рогихъ дней“. Подъ вьюки пришлось взять 1500 казачьихъ лошадей. „Такое спасительное средство, — писалъ Суворовъ императору Павлу, — преподалъ его императорское высочество великій князь Константинъ Павловичъ“, находившійся при нашемъ фельдмаршалѣ.

Въ ужасную погоду, подъ дождемъ и пронзительнымъ вѣтромъ, наши войска двинулись къ высотамъ Сенъ-Готарда подъ начальствомъ генерала Дерфельдена, а генералъ Розенбергъ долженъ былъ обойти его высоты. 13 сентября русскіе подошли къ Айроло на Сенъ-Готардѣ, гдѣ стояли для защиты перевала французы. Не желая терять времени и опасаясь за участь Розенберга, Суворовъ начинаетъ лобовую атаку горныхъ высей. Атаки наши были отбиты, 1200 человѣкъ выбыло изъ строя, и русская кровь обагрила сосѣднія скалы и окрасила горные потоки [1]).

Страннопріимный домъ на С.-Готардѣ.

Со стороны Италіи позиція на Сенъ-Готардѣ была почти недоступна: только узкая тропинка, едва проходимая для вьюковъ, извилисто поднималась къ крутому свѣсу горы; нѣсколько разъ пересѣкая горные протоки, она спускалась въ глубокія и тѣсныя ихъ ложбины и снова взбиралась на гору. Трудный этотъ путь становился крайне опаснымъ во время грозы и бури или въ зимнія вьюги; нерѣдко одиночные путники погибали здѣсь отъ стужи и утомленія, прежде чѣмъ достигали вершины горы. Здѣсь, на высотѣ 6800 футовъ надъ уровнемъ океана, находился страннопріимный домъ—Госписъ, въ которомъ жило нѣсколько монаховъ. Эти благочестивые отшельники давали убѣжище утомленнымъ путникамъ, подавали помощь погибавшимъ, приносили полузамерзшихъ въ обитель и, отогрѣвая ихъ, многимъ спасли жизнь. Таковъ былъ

[1]) Къ этому моменту относятъ характеризующій трудность горной войны легендарный разсказъ о томъ, будто „чудо-богатыри“ Суворова устрашились и не хотѣли штурмовать высоты. Не желая пережить такого срама, фельдмаршалъ будто приказалъ, чтобы устыдить солдатъ, рыть себѣ могилу и сказалъ имъ: „Здѣсь похороните меня: вы болѣе—не дѣти мнѣ, я болѣе—не отецъ вамъ; мнѣ ничего не остается, кромѣ смерти“; и солдаты пошли на штурмъ... Эта легенда характеризуетъ только отношеніе современниковъ къ тѣмъ невѣроятнымъ, отчаяннымъ трудностямъ, какія приходилось одолѣвать русскому войску.

путь, по которому Суворовъ велъ свою малочисленную армію. Обходное движеніе князя Багратіона заставило республиканцевъ начать отступленіе. Однако они еще держались, шагъ за шагомъ останавливались на выгодныхъ позиціяхъ и, наконецъ, поднялись на самую вершину горы. Здѣсь русскимъ войскамъ предстояло одолѣть самое упорное сопротивленіе непріятеля и самыя ужасныя преграды мѣстности. Французы заняли сильную позицію впереди Госписа. Какъ ни была неприступна эта позиція съ фронта, однакоже русскіе отважно пошли на приступъ. Французы встрѣтили ихъ убійственнымъ огнемъ; укрываясь за утесами и каменьями, республиканцы цѣлили въ русскихъ, какъ изъ бойницъ. Первый приступъ былъ отбитъ съ сильною потерею; но наши войска ничего не считали невозможнымъ. Одушевленныя присутствіемъ Суворова и великаго князя Константина Павловича, они снова взбираются на скалы, облитыя кровью,—и снова отбиты. Потеря была еще сильнѣе прежняго. Однако Суворовъ оставался непреклоннымъ и рѣшился, во что бы то ни стало, выбить непріятеля изъ его сильной позиціи. Время было дорого, и день уже склонялся къ вечеру, а князь Багратіонъ все еще взбирался на крутыя ребра Сенъ-Готарда. Солдаты наши, непривычные къ горамъ, съ неимовѣрными усиліями карабкались

Суворовъ на С.-Готардѣ.
Съ рисунка *Шарлеманя*.

со скалы на скалу, то подсаживая другъ друга, то упираясь штыками. Даже и привычные швейцарскіе охотники никогда не ступали на эти недосягаемыя выси. Войска были утомлены до крайности, гора казалась имъ безконечною, вершина какъ будто росла все выше предъ ихъ глазами. По временамъ облака, обхвативъ всю колонну густымъ туманомъ, совсѣмъ скрывали ее изъ вида. Было уже 4 часа пополудни, какъ Суворовъ въ третій разъ повелъ атаку на Сенъ-Готардъ. Въ то же самое время и князь Багратіонъ появился, наконецъ, на снѣжной вершинѣ противъ лѣваго фланга непріятеля. Французы, никакъ не ждавшіе нападенія съ той стороны, покинули немедленно свою позицію и начали поспѣшно отступать къ деревнѣ Госпенталь. Русскіе заняли Сенъ-Готардъ. Утомленныя до изнеможенія войска стягивались мало-по-малу на вершину горы. Между тѣмъ самъ фельдмаршалъ подъѣхалъ къ Госпису. Здѣсь у входа его встрѣтили монахи. Настоятель, 70-лѣтній старикъ, пригласилъ его войти въ комнату, гдѣ приготовленъ былъ скромный ужинъ. „Нѣтъ, святой отецъ,—сказалъ Суворовъ,—какъ ни голодны мы, но прежде всего должны помолиться Богу: отслужите намъ молебенъ, а затѣмъ за трапезу“.

Труденъ былъ и спускъ нашихъ войскъ по сѣверному склону Сенъ-Готарда, гдѣ ихъ у Госпенталя ожидали отступившіе отъ Айроло французы. Начатый уже штурмъ ихъ позицій стоилъ бы намъ большихъ потерь, если бы въ ихъ тылу не появился Розенбергъ, заставившій непріятелей отступить снова.

Третій моментъ встрѣчи съ французами былъ еще труднѣе. Дорога отъ Госпенталя преграждалась громадными утесами, отвѣсно упиравшимися въ горную стремительную рѣку Рейсу. Сквозь эти утесы было пробито къ ней отверстіе,—небольшой тоннель, едва достаточный для прохода лошади съ вьюкомъ. По выходѣ отсюда дорога узкою лентою, огибала гору и шла къ небольшому и страшному мосту, не даромъ названному *Чортовымъ мостомъ*. Отвѣсные утесы, сближаясь между собою, спираютъ здѣсь рѣку въ величественный водопадъ, надъ бездной котораго была перекинута смѣлая каменная арка моста.

По усильномъ натискѣ нашихъ французы были опрокинуты, и наши богатыри гнали ихъ, по этому темному пути, до выхода къ Чортову мосту, съ котораго встрѣтили ждавшіе насъ французы изъ пушекъ картечью, а съ горъ изъ ружей пулями. Суворовцы кинулись къ мосту, но онъ былъ разрушенъ почти вовсе, его арка была взорвана порохомъ. Русскіе офицеры, бывшіе постоянно впереди,

велѣли изъ сосѣдняго сарая натаскать бревенъ и перевязали ихъ своими шарфами и стали по этимъ зыбкимъ перекладинамъ, на высотѣ 10 саженъ надъ стремительнымъ горнымъ потокомъ, переводить, подъ непріятельскими выстрѣлами, черезъ разрушенную арку моста свои команды. Многіе обрывались и исчезали въ безднѣ, но и въ дыму, подернувшемъ все ущелье и ребра горъ, русскіе, молча, но безостановочно, шли впередъ, отвоевывая каждый шагъ у стойкаго, занимавшаго высоты врага. Появленіе обходныхъ колоннъ заставило французовъ уйти и отсюда. Смотря на отвѣсныя скалы, поднимающіяся здѣсь, изумляешься, какъ могли взобраться туда русскіе люди, привыкшіе только къ ровному полю своихъ степей, луговъ и равнинъ.

Чортовъ мостъ[1]).

Наполнивъ такимъ образомъ долину Рейсы сплошнымъ штурмомъ, Суворовъ 15 сентября достигъ Альтдорфа и только здѣсь съ ужасомъ увидѣлъ, наконецъ, куда завели его коварные союзники-австрійцы... Дороги на Швицъ въ обходъ Люцернскаго озера не было: флотилія на немъ была въ рукахъ французовъ. Для выручки Корсакова оставалось одно: подняться на неприступный Рoштокъ, спуститься съ него въ долину Мутенъ и уже отсюда выйти на Швицъ.

[1]) Выше — нынѣшній Чортовъ мостъ, ниже нарисованъ уже не существующій Суворовскій; небольшимъ бѣлымъ четырехугольникомъ обозначенъ туннель, ведущій къ мосту.

Двѣ тропинки вели чрезъ высоты Рoштока, но онѣ были доступны лишь горнымъ оленямъ. Увѣренный, однако, въ томъ, что „гдѣ проходитъ олень, тамъ пройдетъ русскій солдатъ", Суворовъ рѣшился вести свою 16-тысячную армію по одной изъ этихъ тропинокъ. Семидесятилѣтній старикъ, истерзанный огорченіями, истомленный въ борьбѣ съ австрійскими интригами, съ изумительной нечеловѣческой силой, выносилъ физическія невзгоды и въ эти критическія минуты сохранилъ исполинскую, несокрушимую силу духа.

Переходъ черезъ Роштокъ былъ ужасенъ. Ни одной арміи не случалось еще переходить по такимъ стремнинамъ. Каждый невѣрный шагъ стоилъ жизни. Облака, проносясь по скатамъ, охватывали русскія колонны густымъ туманомъ и обдавали водою ихъ и самого старика Суворова, который ѣхалъ на казачьей лошади, въ легонькой шинели, которую онъ называлъ „родительской". Страшный слѣдъ нашей арміи обозначался множествомъ мертвыхъ тѣлъ, разбросанныхъ по всему скорбному пути [1]).

Чтобы пройти здѣсь разстояніе въ 20 верстъ, пришлось употребить цѣлыхъ два дня. Не легче былъ и спускъ съ Роштока: русскимъ приходилось скатываться съ горныхъ высотъ. Только 18 октября войска стали вступать въ Мутенскую долину, и до Швица оставалось 15 верстъ, какъ получена была страшная, роковая вѣсть, что корпусъ Римскаго-Корсакова, покинутый предательски австрійцами, былъ разбитъ французами подъ начальствомъ Массены, и этотъ талантливый полководецъ сосредоточилъ свою армію у Швица, чтобы запереть рус-

Тропа чрезъ Роштокъ.

[1]) Аннибалъ перешелъ Альпы въ войнѣ съ Римомъ, и Наполеонъ перевалилъ черезъ нихъ черезъ годъ послѣ Суворова. Но ихъ подвиги неравны съ невѣроятнымъ напряженіемъ силъ русскаго вождя. Ихъ переходу не препятствовали вооруженные враги. Но Суворовъ, побѣждая природу, покупалъ каждый шагъ свой кровью своихъ сподвижниковъ, прокладывалъ дорогу мечомъ и боролся въ то же время съ кознями коварныхъ союзниковъ, т.-е. преодолѣвалъ такія трудности, которыя невыносимы даже въ войнѣ обыкновенной.

Битва у Чортова моста, 14 сентября 1799 года. Со старинной французской гравюры.

У Чортова моста. Съ картины *Коцебу*.

Изъ галлереи Зимняго дворца.

скихъ въ долинѣ, и уже обѣщалъ привести въ Цюрихъ Суворова живымъ или мертвымъ. Со временъ Святослава русскіе не попадали въ такое безвыходно-трагическое положеніе. Суворовъ предчувствовалъ его, когда за два мѣсяца до роковыхъ дней писалъ: „Меня выгнали (изъ Италіи) въ Швейцарію, чтобы тамъ истребить“, и до

Битва на Альпійскихъ высотахъ.

самой смерти своей, даже въ бреду предсмертномъ, вспоминалъ о пережитыхъ здѣсь невѣроятно страшныхъ минутахъ.

Оба выхода изъ Мутенской долины заперты французами; дороги къ Швицу—войсками Массены, путь на Гларисъ—отрядами генерала Молитора, откуда австрійцы, обязанные ждать Суворова, также самовольно и коварно отступили съ первымъ появленіемъ французовъ.

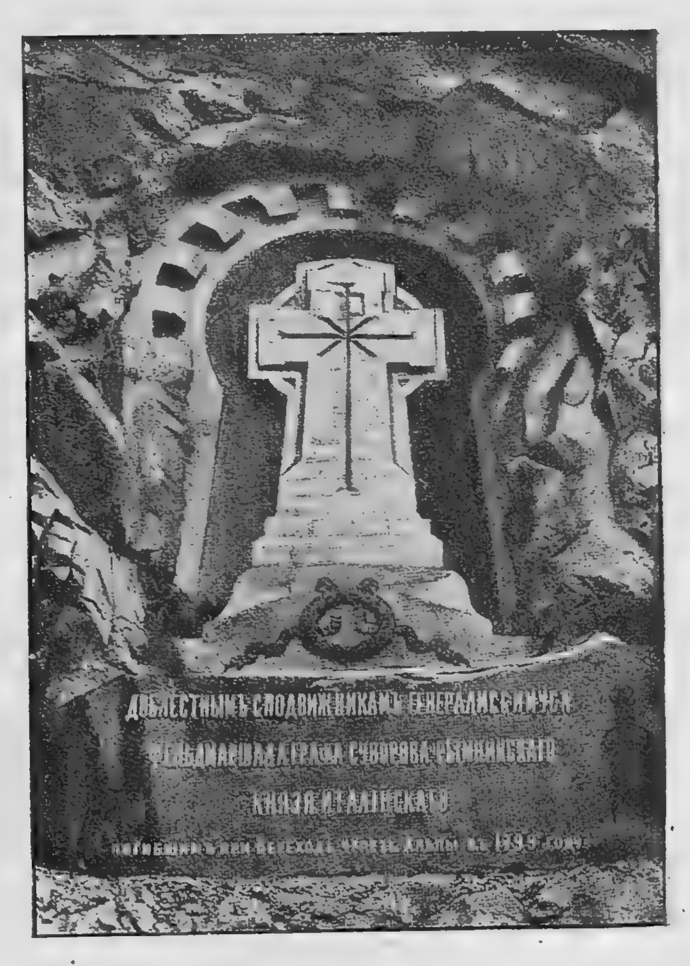
Измученному и битвами и невѣроятными трудностями горнаго похода, русскому войску, которое шло въ избитой обуви и въ оборванной одеждѣ, предстояло или отступать назадъ или сдѣлать крайне критическую, безнадежную попытку пробиться чрезъ непріятельскія войска.

Въ этотъ ужасный моментъ Суворовъ созвалъ своихъ генераловъ на военный совѣтъ въ небольшомъ францисканскомъ монастырѣ. Онъ явился сюда въ полной фельдмаршальской формѣ съ орденами.

Онъ говорилъ, что со временъ дѣла на Прутѣ русскія войска никогда не находились въ такомъ отчаянномъ положеніи, какъ нынѣ: „Мы среди горъ окружены непріятелемъ, превосходнымъ въ силахъ. Войско безъ провіанта, безъ обуви, почти безъ боевыхъ припасовъ,— говорилъ съ возрастающимъ волненіемъ великій старецъ.—Что предпринять? Помощи ждать неоткуда. Надежда только на Бога да на величайшее самоотверженіе войскъ, вами предводимыхъ; только въ

этомъ и спасеніе. Въ жизнь свою я никогда не отступалъ,—говорилъ Суворовъ, указывая на свою сѣдую голову.—Спасите честь моихъ сѣдинъ. Спасите честь Россіи и сына ея государя!“ при этомъ онъ указалъ на неразлучнаго спутника въ этомъ походѣ великаго князя Константина Павловича и, заливаясь слезами, упалъ къ его ногамъ. Всѣ, потрясенные до послѣднихъ глубинъ души, бросились, чтобы поднять своего въ невыразимомъ горѣ упавшаго вождя, но великій князь уже поднялъ фельдмаршала и весь въ слезахъ обнималъ и цѣловалъ его.

Когда волненіе нѣсколько улеглось, взоры всѣхъ, въ ожиданіи отвѣта, обратились на старшаго изъ сподвижниковъ генерала Дерфельдена, и онъ заговорилъ: „Теперь всѣ знаютъ, какой трудный подвигъ предстоитъ намъ впереди, но и онъ, Суворовъ, знаетъ, какъ преданы ему войска и съ какимъ величайшимъ самоотверженіемъ его любятъ. Войска вынесутъ все, не посрамятъ его сѣдинъ и русскаго имени, и если не суждено имъ одолѣть враговъ, то, по крайней мѣрѣ, всѣ лягутъ со славой“... Охваченные великимъ движеніемъ русскаго духа, присутствующіе застучали саблями и поклялись, что готовы на все. Воспрянувшій душою Суворовъ сказалъ: „Да, мы—русскіе... Съ помощью Божіей мы все одолѣемъ, разобьемъ врага; побѣда надъ нимъ — побѣда надъ коварствомъ“, и сталъ тотчасъ отдавать приказы: Багратіону биться съ Молиторомъ у выхода изъ Глариса, а на противоположномъ концѣ долины Розенбергу отбивать атаки Массены, затѣмъ гнать его къ Швицу.

Памятникъ русскимъ воинамъ у Чортова моста.

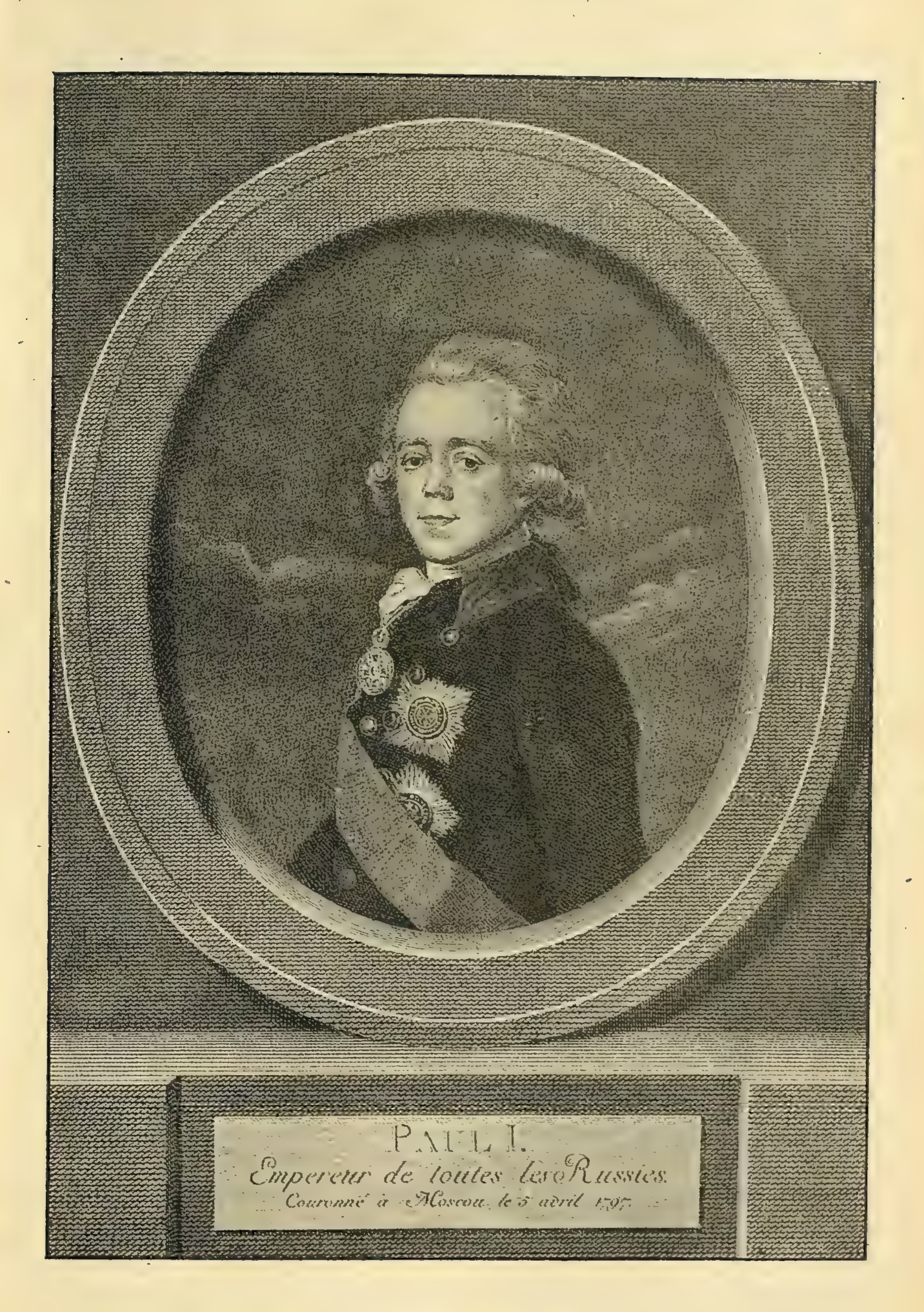

Памятникъ Суворову въ Петербургѣ.

Суворовъ двинулся на высоты Паниксера, представлявшія еще большія трудности, чѣмъ Роштокъ. На этотъ разъ ко всѣмъ прежнимъ тяжкимъ условіямъ упорнаго боя съ французами соединяются еще стужи и снѣгъ, особенно чувствительныя при изношенной одеждѣ и уже совсѣмъ избитой обуви. Промокшіе люди вязли то въ грязи, то въ снѣгу, и при невѣрномъ шагѣ срывались въ пропасти. Туманъ, непроницаемой мглой залегшій въ высяхъ, скрывалъ тропинку. Опять приходилось отчаянно биться съ французами. Особенно ужасною была ночь на Сергіевъ день, 25 сентября. Она казалась безконечною, для многихъ же была послѣднею. Но 26 сентября Суворовъ вышелъ въ долину Рейна и на Покровъ, 1 октября, далъ отдыхъ войскамъ уже въ лагерѣ.

Монета Императора Павла I.

PAUL I.
Empereur de toutes les Russies.
Couronné à Moscou le 5 avril 1797.

Такъ окончилась 17-дневная эпопея Альпійскаго похода Суворова. Австрійцы, предавшіе русскихъ, подчеркивали, что побѣды Суворова въ Швейцаріи были его отступленіемъ. Но ничто, никакая ложь не можетъ затмить несравненной славы этого невѣроятнаго, единственнаго въ исторіи похода, въ которомъ русскій геній Суворова и несокрушимое величіе нашего войска восторжествовали надъ полнѣйшимъ отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ и надъ всѣми, казалось, неодолимыми трудностями.

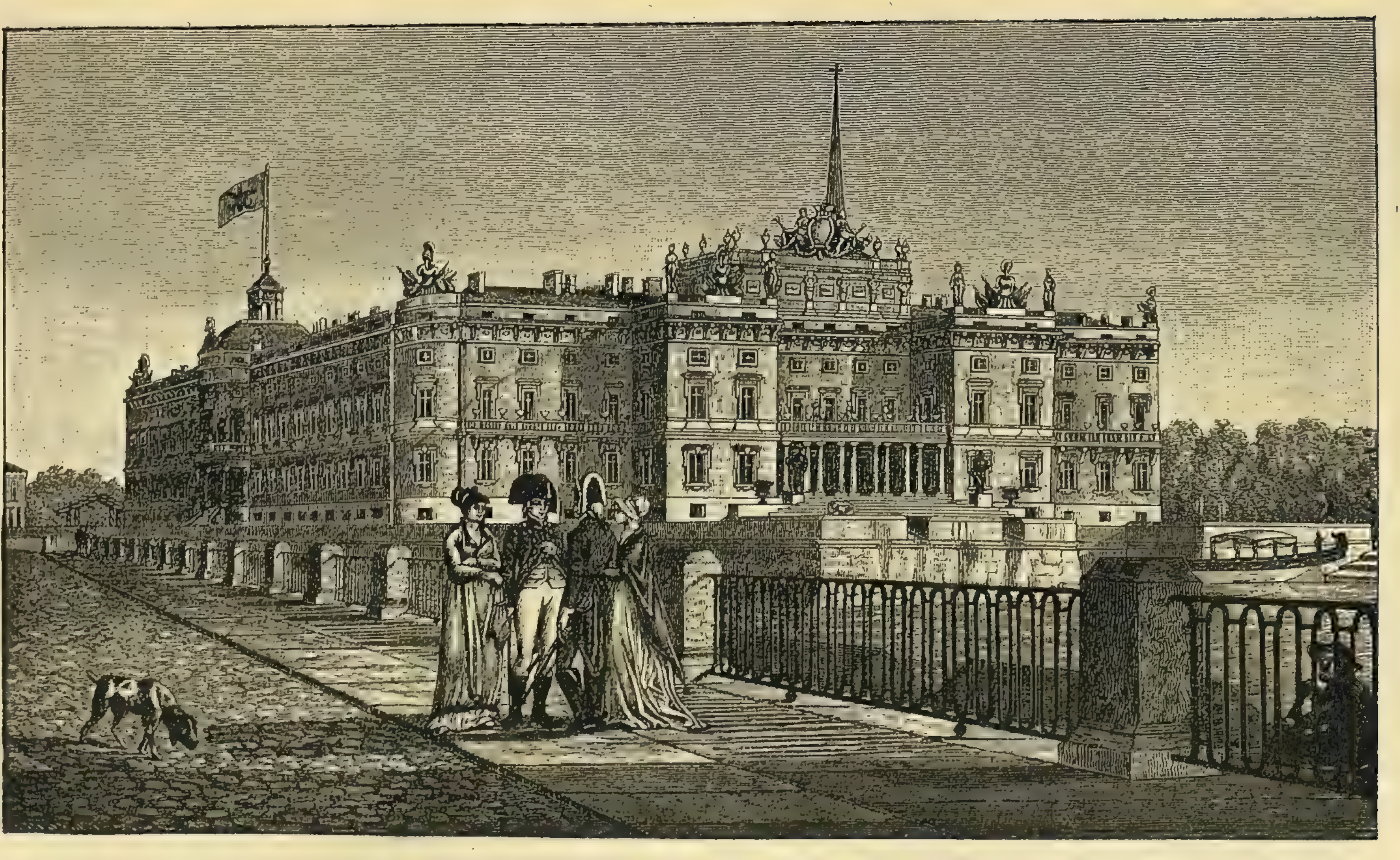
Самъ противникъ Суворова Массена, много разъ прославившій себя побѣдами, говорилъ, что отдалъ бы ихъ всѣ за одинъ походъ русскаго вождя по Швейцаріи.

Русскій царь открыто высказалъ благороднѣйшее изумленіе предъ величіемъ совершеннаго его подданнымъ подвига. „Недоставало вамъ одного,—писалъ императоръ Павелъ Петровичъ Суворову,—преодолѣть и самую природу, но вы и надъ нею одержали верхъ". И, давая фельдмаршалу званіе генералиссимуса всѣхъ россійскихъ войскъ, онъ говорилъ въ своемъ рескриптѣ: „Ставя васъ на высокую степень почестей, увѣренъ, что возвожу на нее перваго полководца нашего и всѣхъ вѣковъ".

Окончивъ свой походъ, Суворовъ въ правѣ былъ сказать: „Альпійскія горы за нами, Богъ передъ нами. Ура! Орлы русскіе облетѣли орловъ римскихъ".

Всѣ эти русскіе подвиги такъ подѣйствовали на воображеніе народовъ, что Суворовъ сразу сталъ во всѣхъ странахъ Европы легендарнымъ, миѳологическимъ героемъ, котораго рисовали въ несоотвѣтствующихъ дѣйствительности чертахъ. Такъ, напр., западно - европейскія иллюстраціи малорослаго и тщедушнаго Александра Васильевича изображали великаномъ по росту и атлетомъ по тѣлосложенію. Горцы же Швейцаріи, находясь подъ обаяніемъ его сказочныхъ подвиговъ, много лѣтъ послѣ его смерти разсказывали, что на неприступныхъ высотахъ Сенъ-Готарда и въ ущельяхъ Рейсы все появляется его тѣнь: сѣдой старикъ на сѣрой лошади объѣзжаетъ мѣсто своихъ битвъ и своими огневыми глазами осматриваетъ утесы, обагренные русскою кровью...

Предательство Австріи и преступное отношеніе къ Россіи Англіи, которая гнусно относилась къ нашимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ въ Голландіи противъ французовъ, и морила ихъ голодомъ, когда они зимовали въ англійскихъ владѣніяхъ, вызывали крайнее, неудержимое негодованіе императора Павла на вѣроломныхъ союзниковъ, низко завидовавшихъ русской славѣ и трусливо боявшихся ея дальнѣй-

Михайловскій замокъ Павла I въ Петербургѣ.

шаго развитія. Между тѣмъ, сдѣлавшійся первымъ консуломъ во Франціи Наполеонъ, клонившій ее къ возстановленію въ ней монархіи, совсѣмъ иначе относился къ Россіи и къ взятымъ въ плѣнъ Массеной русскимъ: онъ обмундировалъ ихъ на французскій счетъ и, возвративъ имъ оружіе, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, и не требуя никакого вознагражденія, отправилъ въ Россію. Это глубоко тронуло русскаго императора, сблизило его съ Франціей и подготовляло его войну съ недавними союзниками. Союзъ нашъ съ ними былъ, по волѣ государя, прерванъ, русскіе послы были отозваны изъ ихъ столицъ. Уже двинуты были Павломъ I донскіе казаки подъ начальствомъ ихъ атамана Орлова изъ Оренбурга въ среднюю Азію, чрезъ Хиву и Бухару, чтобы итти на Индію. Вмѣстѣ съ тѣмъ противъ Англіи былъ возобновленъ вооруженный нейтралитетъ Даніи, Швеціи и Пруссіи. Атаману войска донского генералу отъ кавалеріи Орлову отъ 12 января данъ былъ слѣдующій краткій рескриптъ:

„Англичане приготовляются сдѣлать нападеніе флотомъ и войскомъ на меня и на союзниковъ моихъ—шведовъ и датчанъ. Я готовъ принять ихъ, но нужно ихъ самихъ атаковать тамъ, гдѣ ударъ имъ можетъ быть чувствительнѣе. Заведенія ихъ въ Индіи—самое лучшее для сего мѣсто...

Павелъ“.

Въ другомъ рескриптѣ относительно похода на Индію онъ говоритъ: „Цѣль—все сіе разорить и угнетенныхъ владѣльцевъ освободить и ласкою привесть зависимость отъ Россіи, въ ту же, въ какой они у англичанъ, и торгъ обратить къ намъ“. Ожидался новый, непредвидѣнный поворотъ исторіи...

Послѣ чрезмѣрныхъ напряженій жизнь Суворова стала медленно потухать въ великомъ старцѣ. Болѣвшій на возвратномъ пути въ Россію, Суворовъ окончательно слегъ въ постель въ Петербургѣ. Онъ, какъ православный христіанинъ, спокойно готовился къ смерти: исповѣдался, причастился св. таинъ и прощался съ окружающими. Душа его все чаще обращалась къ Богу. „Долго,—говорилъ онъ,—гонялся я за славой, но все — мечта: покой души—у престола Всевышняго“.

Временами онъ терялъ сознаніе и въ бреду говорилъ о военныхъ дѣйствіяхъ въ Швейцаріи. Государь прислалъ князя Багратіона передать умиравшему свое сочувствіе. Глубоко тронутый старецъ сказалъ: „Бѣги, князь Петръ, къ царю. Благодари его. Упади къ его ногамъ... Скорѣй, скорѣй“... Наступила агонія, и бредъ стихъ. Во второмъ часу дня 6 мая 1800 года великаго русскаго полководца не стало. Чрезъ 6 дней онъ былъ торжественно похороненъ въ одномъ изъ хра-

Павелъ I.

Съ гравюры 1798 года.

Марiя Феодоровна
Императрица Все-
российская
Marie Feodorowna
Impératrice de toutes
les Russies

мовъ Александро-Невской лавры и на полу, на плитѣ, закрывшей его могилу, по его приказанію, сдѣлана была краткая надпись: „Здѣсь лежитъ Суворовъ“.

Недолго послѣ этого прожилъ и самъ императоръ Павелъ, возбудившій противъ себя ненависть англичанъ...

Послѣдовавшая 11 марта скоропостижная смерть Павла I остановила его предпріятія, а восшедшій на престолъ сынъ его Александръ Павловичъ спѣшно-возвратилъ съ похода въ Индію нашихъ казаковъ назадъ...

Могила Суворова въ Александро-Невской лаврѣ.

III.

Царствованіе императора Александра I.— Его воспитаніе и характеръ.— Два періода въ его царствованіи.—Иностранная политика и войны до начала народной войны 1812 года. Причины, вызвавшія эту войну.

Александръ Павловичъ (1801—1825) воспитывался вдали отъ родителей, подъ руководствомъ бабушки своей Екатерины II. Понимая всю высоту предлежавшаго ему царскаго положенія въ Россіи, императрица была озабочена тѣмъ, чтобы онъ зналъ и любилъ свое отечество и свой народъ, которымъ ему суждено было управлять. Она сама нарекла ему столь народное у насъ, историческое имя св. Александра Невскаго.

Поручая воспитаніе его и его брата, великаго князя Константина Павловича, графу Салтыкову, въ инструкціи ему она писала: „Познаніе Россіи во всѣхъ ея частяхъ главнѣйшую часть знанія дѣтей занимать должно". Она стремилась сроднить своихъ внуковъ съ народнымъ духомъ Россіи: изучая эпическое творчество русскаго народа, она старалась въ составленныхъ для нихъ сказкахъ пользоваться образами русской народной фантазіи, а знакомя ихъ съ русскими пословицами, думала ввести внуковъ въ кругъ практическихъ понятій нашего народа. Ради воспитанія ихъ въ національномъ духѣ, она занималась составленіемъ „Записокъ по Русской Исторіи" и житій русскихъ святыхъ, какъ, напримѣръ, преп. Сергія и св. Алексія митрополита. Проникнутая любовью

Императоръ Александръ I.

къ Россіи, она говорила, какъ вы знаете, что русскому народу нечего стыдиться своей исторіи, которая выдержитъ сравненіе съ исторіей любого народа. Безъ сомнѣнія, тѣмъ же патріотическимъ духомъ она желала проникнуть и своего царственнаго внука. Несмотря на это, онъ былъ, по крайней мѣрѣ, до Отечественной войны 1812 года, скорѣе космополитомъ, мечтавшимъ больше „о благѣ человѣческаго рода", объ интересахъ Европы... Для него, особенно въ первую половину его царствованія, было дороже всего осуществить выраженное Державинымъ въ одѣ на его рожденіе пожеланіе: „будь на тронѣ человѣкъ".

Причины этого заключаются въ томъ, что сама Екатерина платила немалую дань либеральному направленію XVIII вѣка и дала великому князю въ главные учителя швейцарца Лагарпа, поклонника французскаго просвѣщенія XVIII вѣка, съ его правами человѣка, и сторонника республиканскаго строя. Снискавъ на своего ученика большое вліяніе, онъ сильно воздѣйствовалъ на него въ смыслѣ отчужденія его отъ русскихъ національныхъ началъ и увлекъ западными идеями, западными государственными учрежденіями, западною исторіей.

При такомъ настроеніи молодого государя къ нему, естественно, тяготѣли люди не-русскаго направленія и укрѣпляли его западническія стремленія въ дѣлахъ внутренняго управленія и иностранной политики. Вслѣдствіе этого, въ первую половину своего царствованія онъ сталъ въ противорѣчіе съ своей бабкой, которая еще до французской революціи въ своемъ внутреннемъ управленіи и во внѣшней политикѣ всегда давала большое значеніе русскимъ національнымъ началамъ. Онъ сталъ цѣнить ихъ только послѣ цѣлаго ряда войнъ съ Наполеономъ и въ своихъ дѣйствіяхъ сталъ ближе къ своей бабкѣ и отцу, уже во вторую половину своего царствованія. Но и въ эту охранительную пору своего правленія онъ черпалъ свою преданность существующему государственному строю больше изъ западныхъ теченій, направлявшихся къ тому, чтобы возстановить поколебленное или разрушенное французской революціей. Нельзя, однако, не видѣть въ совершившемся въ Александрѣ I переломѣ и нѣкотораго вліянія національнаго движенія въ Россіи въ эпоху отечественной войны и подъема у насъ въ образованномъ обществѣ русскаго патріотизма и нашего историческаго самосознанія.

Начавшіяся съ 1804 года и длившіяся болѣе десяти лѣтъ громадныя войны вначалѣ не давали времени Александру I, какъ должно, остановиться на дѣлахъ внутренняго управленія и на тѣхъ

Императрица Елисавета Алексѣевна.
Съ современнаго портрета.

широкихъ преобразованіяхъ не-русскаго характера, которыя роились въ умѣ его и его приближенныхъ; а затѣмъ чрезвычайно бурныя событія такъ его утомили, что у него не было силъ и энергіи развить новое направленіе своего царствованія; онъ даже, какъ увидимъ впослѣдствіи, отказался почти совсѣмъ отъ преобразованій и сталъ очень консервативнымъ. Въ этомъ, главнымъ образомъ, заключаются и причины того, что этотъ государь сошелъ въ могилу, оставивъ въ своемъ правленіи много неопредѣленнаго, колеблющагося и немало непримиренныхъ противорѣчій.

Но прежде, чѣмъ обратиться къ изложенію дѣлъ внутренняго управленія въ это царствованіе, мы должны заняться его иностранной политикой и въ особенности войнами, которыя въ существѣ дѣла имѣли значеніе большее, чѣмъ все другое.

Иностранная политика Петра I и Екатерины II очень скупа была на союзы съ другими государствами, мало была заинтересована общеевропейскими дѣлами и не преслѣдовала мечтательно-идеалистическихъ задачъ, болѣе руководясь реальными, положительными интересами Россіи, а императоръ Павелъ I въ иностранныхъ дѣлахъ скорѣе руководился идеалистическими цѣлями и своими благородными, романтическими чувствами, чѣмъ національными интересами Россіи. Тотъ же идеалистическій характеръ носила и политика Александра I.

Двадцати-четырехлѣтній государь, увлеченный теоріями XVIII вѣка, въ началѣ своего царствованія хотѣлъ всецѣло погрузиться въ обширныя внутреннія преобразованія Россіи. По вступленіи на престолъ онъ прекратилъ уже начатую войну съ Англіей, возвративъ съ похода въ Средней Азіи двинутыхъ на Индію казаковъ и, видимо, охладѣлъ къ занимавшему его отца союзу съ Франціей и съ первымъ ея консуломъ Бонапартомъ. Этотъ послѣдній негодовалъ на то, что Александръ, вопреки своему отцу, измѣнилъ отношенія Россіи къ Англіи. Онъ полагалъ, что Франція и Россія уже по сво-

Монета Александра I.

ему географическому положенію созданы для того, чтобы жить въ тѣсной между собою связи, конечно, въ ихъ собственныхъ практическихъ интересахъ, а императоръ Александръ полагалъ, что эта связь необходима развѣ только для спокойствія всей Европы. Разгаданныя Павломъ Петровичемъ монархическія стремленія Наполеона были неясны еще для его сына, и онъ присланнаго изъ Франціи привѣтствовать его со вступленіемъ на престолъ генерала Дюрока озадачилъ тѣмъ, что именовалъ его, какъ республиканца, гражданиномъ. Между тѣмъ, въ эту пору сами французы уже говорили, что имъ „нужны одна голова и одинъ мечъ"... Во Францію былъ назначенъ русскимъ посломъ человѣкъ екатерининскихъ преданій, графъ Морковъ, высокомѣрно державшій себя предъ могущественнымъ первымъ консуломъ республики, а въ Вѣну, съ которою разорвалъ дипломатическія сношенія Павелъ Петровичъ, отправленъ былъ прежній, дружественный Австріи посолъ, графъ Андрей Разумовскій. Для характеристики идеалистическихъ, чуждыхъ національнаго реализма, стремленій молодого императора не маловажно то, что онъ медлилъ даже устройствомъ управленія въ Грузіи, которая добровольно поддалась Россіи въ предшествующее царствованіе, потому что онъ „считалъ несправедливымъ присвоеніе чужой земли". Вообще императоръ въ началѣ своего царствованія щепетильно старался сохранить дружественныя отношенія одинаково со всѣми государствами, не раздражая ни Англіи, ни Франціи и благожелательно относясь даже къ Турціи. Но чѣмъ больше Россія отказывалась отъ своего законнаго національнаго своекорыстія временъ Петра I и Екатерины II, тѣмъ болѣе она становилась орудіемъ для осуществленія интересовъ другихъ державъ. Такъ въ 1802 году состоялось свиданіе русскаго императора съ прусскимъ королемъ, Фридрихомъ-Вильгельмомъ III въ Мемелѣ. Здѣсь положено было прочное основаніе безкорыстнѣйшей дружбы нашего государя къ этому сосѣду, которой не могли уничтожить враждебныя Россіи вассальныя отношенія Пруссіи къ Наполеону и которая впослѣдствіи спасла Пруссію отъ неминуемой гибели, когда на нее обрушился всею своею силою Наполеонъ.

Между тѣмъ, звѣзда Бонапарта поднималась все выше. Избранный въ первые консулы французской республики, Наполеонъ былъ 1802 года провозглашенъ пожизненнымъ консуломъ, въ чемъ Александръ Павловичъ усмотрѣлъ не только нарушеніе конституціи страны, но и явную тиранію и сталъ, вслѣдствіе именно этого, болѣе склоненъ внимать внушеніямъ, идущимъ противъ Франціи изъ Англіи и Австріи.

Наполеонъ—императоръ.

Прошло немного времени, и Наполеонъ уничтожилъ во Франціи ту самую республику, которая вознесла его на необычайную высоту славы, и былъ, на основаніи народнаго голосованія, провозглашенъ императоромъ. Новый цезарь, забывъ свои прежніе отрицательные республиканскіе взгляды и по отношенію къ католической церкви и по отношенію къ строю до-революціонной Франціи, пожелалъ быть, какъ христіаннѣйшій государь, коронованнымъ самимъ папой римскимъ, прибывшимъ для этого въ Парижъ. Облаченный въ бархатную малиновую, усѣянную золотыми пчелами мантію, онъ, со дня своей коронаціи, сталъ считать себя, подобно Карлу Великому, политическимъ главою государствъ Запада; какъ карточные домики, онъ уничтожалъ настроенныя тамъ, по образцу французской, республики и быстро обратилъ ихъ въ королевскія монархіи, на престолы коихъ посадилъ своихъ братьевъ и родичей. Такъ скоро возникли, вмѣсто республикъ, королевства: Итальянское, Неаполитанское, Голландское, Вестфальское, а Римскимъ королемъ былъ провозглашенъ сынъ Наполеона. Отторгнутыя отъ вассальной зависимости отъ Австріи западно-германскія владѣнія составили, подъ главенствомъ Наполеона, Рейнскій союзъ, а его герцоги—баварскій, саксонскій и виртембергскій—получили изъ рукъ новаго императора королевскія короны. Самъ же онъ окружилъ себя пышнѣйшимъ дворомъ, въ которомъ вращались мгновенно обращенные въ придворную аристократію новые люди съ титулами герцоговъ, князей, графовъ, маркизовъ и маршаловъ французской имперіи. Такъ этотъ недавній республиканецъ круто поворотилъ въ сторону монархизма стараго времени...

Наканунѣ же этого огромнаго переворота Наполенъ подвергъ преслѣдованію монархистовъ старой Франціи. Потрясающее впечатлѣніе въ Европѣ произвело то, что герцогъ Энгіенскій, послѣдній потомокъ принца Конде, былъ захваченъ французскимъ отрядомъ въ баденскихъ владѣніяхъ, привезенъ во Францію и 9 марта 1804 года былъ, по приказанію Наполеона, разстрѣлянъ, безо всякаго суда, на валу Венсенскаго замка.

Болѣе, чѣмъ кто-нибудь изъ западныхъ враговъ Наполеона, Александръ Павловичъ при вѣсти объ этомъ вспыхнулъ рыцарски-романтическимъ негодованіемъ и не только облекъ по этому поводу русскій дворъ въ трауръ, но и сдѣлалъ много практическаго для протеста противъ содѣяннаго: онъ разорвалъ дипломатическія сношенія съ Наполеономъ и сталъ формировать коалицію противъ него. Раньше другихъ особой нотой онъ пригласилъ германскій сеймъ протесто-

М. И. Кутузовъ.

вать противъ французскаго властителя въ защиту неприкосновенности предѣловъ Германіи. Но Австрія, реальные интересы коей сильно страдали отъ Наполеона, медлила, однако, выступить противъ Франціи, а соперничавшая съ нею Пруссія дѣйствовала прямо въ руку послѣдней, несмотря на то, что нашъ императоръ ѣздилъ въ Берлинъ для воздѣйствія на прусскаго короля въ смыслѣ присоединенія къ коалиціи. И согласіе на это дано было лишь въ далекомъ будущемъ и при томъ подъ корыстнымъ условіемъ, что Россія будетъ дѣйствовать въ пользу пріобрѣтенія для Пруссіи Ганновера.

Заслуживаетъ особаго вниманія, что въ этотъ столь запутанный моментъ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ, взамѣнъ А. Р. Воронцова, графъ Адамъ Чарторыйскій, сдѣлавшійся другомъ нашего государя и поддерживавшій въ немъ слишкомъ великодушныя мечтанія, въ интересахъ якобы высшей справедливости, о возстановленіи Польши со всѣми землями, отошедшими отъ нея не только къ Россіи, но и къ Австріи и Пруссіи. Новый министръ желалъ, чтобы предстоящая война для достиженія этой именно цѣли была направлена и противъ Пруссіи, крѣпко державшейся за польскія земли. Но это ему не удалось, и коалиція, составившаяся изъ Россіи, Англіи, Австріи и Швеціи, должна была вести войну, минуя Пруссію, лишь противъ одного Наполеона.

Австрійцы, не дождавшись русскихъ войскъ, на этотъ разъ попробали наступательную тактику и, подъ начальствомъ генерала Мака, вторглись въ Баварію, но Наполеонъ, окруживъ ихъ войска при Ульмѣ, принудилъ ихъ къ сдачѣ. Посланнымъ къ нимъ русскимъ войскамъ, подъ начальствомъ Кутузова, пришлось отступать назадъ, при чемъ князь Багратіонъ, командуя аріергардомъ, мужественно отражалъ нападенія непріятелей. Кутузовъ добрался до Моравіи и желалъ отступить въ предѣлы Россіи, чтобы завлечь Наполеона подальше отъ операціонной базы, но вынужденъ былъ вмѣстѣ съ австрійцами дать битву при Аустерлицѣ, которую Наполеонъ назвалъ битвой трехъ императоровъ, такъ какъ здѣсь присутствовали, кромѣ самого Наполеона, императоры русскій и австрійскій. Побѣда досталась здѣсь Наполеону. Францъ II поспѣшилъ заключить миръ съ нимъ, по коему отказался отъ Тироля и Венеціи и отъ титула германскаго императора и съ этого момента уже именовался императоромъ австрійскимъ. Александръ же, не вступая въ мирные переговоры, увелъ свои войска въ Россію и долженъ былъ вести войну съ Турціей, которую подстрекалъ къ этому Наполеонъ. (Она съ перерывами длилась шесть лѣтъ до 1812 года и окончена побѣдой графа Каменскаго близъ Рущука, а послѣ того—Кутузова, у Слободзеи и по Бухарестскому миру дала намъ Бессарабію—земли отъ Днѣстра до Прута, а Молдавія, Валахія, Сербія и Греція были поставлены подъ покровительство Россіи.)

Между тѣмъ, Наполеонъ сильно подавлялъ и унижалъ и другую нѣмецкую державу, именно покорную ему Пруссію: онъ трактовалъ ее, какъ покоренную страну, проводилъ чрезъ ея земли свои войска и безъ ея вѣдома мѣнялся ея землями (отдалъ ей въ обмѣнъ на нѣкоторыя прусскія земли отнятый у англичанъ Ганноверъ, а потомъ

Князь Багратіонъ.

возвратилъ его имъ, не отдавъ прежде взятыхъ прусскихъ земель), требовалъ отъ прусскаго короля смѣны патріотически настроенныхъ министровъ и т. д. Это вывело изъ крайняго терпѣнія Пруссію, и она, вступивъ въ союзъ съ Россіей и Англіей, начала войну съ Наполеономъ, при чемъ повторила ошибку Австріи, т.-е. не дождалась русскихъ вспомогательныхъ войскъ. Ея арміи въ одинъ и тотъ же день были уничтожены въ битвахъ при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, что навело на пруссаковъ такую панику, что ихъ сильныя крѣпости, съ значительными гарнизонами, малодушно сдавались безъ выстрѣла небольшимъ французскимъ отрядамъ, даже кавалерійскимъ. Берлинъ былъ взятъ Наполеономъ, а король и его семья должны были спасаться въ восточную Пруссію подъ защиту русскихъ войскъ. Придя въ Пруссію подъ начальствомъ генерала Бенигсена, они одни должны были сражаться съ Наполеономъ. Битва при Прейсишъ-Эйлау изумила его стойкостью русскихъ войскъ и не дала ему ни малѣйшихъ трофеевъ, кромѣ огромныхъ потоковъ крови. Бенигсенъ считался даже побѣдителемъ въ этой битвѣ. Но послѣ нея онъ отсту-

пилъ. Чрезъ нѣкоторое время Наполеону, хотя и съ большими потерями, удалось, однако, одержать рѣшительную побѣду надъ нашими войсками подъ Фридландомъ.

Вялость союзниковъ въ отстаиванiи своихъ собственныхъ интересовъ, чуждыхъ Россiи, нѣсколько измѣнила взглядъ Александра на Наполеона; и оба императора были склонны заключить миръ, а Наполеонъ желалъ даже союза съ Россiей. Вслѣдствiе этого состоялось свиданiе ихъ въ Тильзитѣ, начавшееся встрѣчей недавнихъ враговъ посрединѣ рѣки Нѣмана, гдѣ на плоту были устроены двѣ палатки для государей и ихъ свиты. Оба произвели другъ на друга очень выгодное впечатлѣнiе и много разъ и долго безъ посредниковъ обсуждали основанiя для взаимнаго союза. Отдавая дань храбрости русскаго войска въ только-что окончившейся войнѣ, Наполеонъ говорилъ нашему государю, что „соединенныя армiи Россiи и Францiи могутъ господствовать надъ мiромъ, даруя ему благоденствiе и спокойствiе". „До сихъ поръ Россiя безплодно-де расточала свои силы, не имѣя въ виду никакого вознагражденiя; а въ союзѣ съ Францiей она прiобрѣтетъ славу и, во всякомъ случаѣ, существенныя выгоды". Впослѣдствiи, развивая ту же мысль, Наполеонъ шелъ дальше и говорилъ нашему послу въ Парижѣ: „Если мы будемъ въ союзѣ, мiръ будетъ принадлежать намъ. Вселенная подобна яблоку, которое я держу въ рукахъ (разговоръ шелъ въ концѣ обѣда). Мы (т.-е. онъ и Александръ I) можемъ разрѣзать его на двѣ части, и каждый изъ насъ можетъ взять себѣ половину"... Въ Тильзитѣ Наполеонъ предлагалъ нашему государю усиливать Россiю на счетъ Турцiи, даже господствовать въ проливахъ, которые составляютъ „ключъ къ нашему дому".

Но нашъ государь, представляя контрастъ Наполеону, былъ чуждъ нацiональнаго и личнаго эгоизма и идеалистически беззавѣтно увлекался идеей всеобщей справедливости. Онъ не только не интересовался дѣлежомъ мiровластительства, но и не воспользовался въ тотъ весьма благопрiятный моментъ рѣшенiемъ въ Тильзитѣ въ русскихъ интересахъ прусскаго и польскаго вопросовъ. Когда Наполеонъ хотѣлъ стереть съ лица земли разгромленную Пруссiю, Александръ Павловичъ употребилъ всю свою энергiю на ея сохраненiе за династiей Гогенцоллерновъ. И если грозный завоеватель удовольствовался лишь отнятiемъ у нихъ половины ихъ владѣнiй, то они всецѣло обязаны этимъ безкорыстной дружбѣ нашего государя. По заключенiи мира съ Пруссiей, Наполеонъ сказалъ ея министру: „Вашъ король всѣмъ обязанъ дружбѣ къ

нему императора Александра: безъ него онъ лишился бы престола, и я отдалъ бы Пруссію брату моему Іерониму. При такихъ обстоятельствахъ вашъ монархъ долженъ считать одолженіемъ съ моей стороны, если я что-нибудь оставляю въ его власти". Впослѣдствіи Наполеонъ во французскомъ законодательномъ корпусѣ объяснялъ „сохраненіе въ Пруссіи династіи Гогенцоллерновъ единственно дружескимъ чувствомъ, внушеннымъ ему могущественнымъ императоромъ сѣвера".

Вопросъ объ отрѣзанныхъ отъ Пруссіи польскихъ владѣніяхъ легко могъ быть рѣшенъ въ Тильзитѣ полной передачей ихъ Россіи,

Свиданіе въ Тильзитѣ.

безъ образованія изъ нихъ герцогства Варшавскаго, столь окрылившаго надежды поляковъ на возстановленіе Польши, если бы самъ Александръ I не считалъ раздѣлъ ея „исторической несправедливостью". Ему стоило только переговорить съ Наполеономъ, и герцогство Варшавское, надѣлавшее столько хлопотъ Россіи, совсѣмъ не возникло бы. Россіи же въ Тильтизѣ досталась только небольшая Бѣлостокская область, и дано согласіе на присоединеніе, впрочемъ, лишь въ будущемъ, отъ Турціи Молдавіи и Валахіи. Такъ мало использованы были въ нашихъ практическихъ интересахъ новые союзъ и дружба Франціи [1]).

[1]) Наполеонъ, учреждая Варшавское герцогство, призракъ прежней Польши, создалъ занозу въ тѣлѣ Россіи. Ополяченные элементы Литвы и Западной Руси мысленно присоединялись къ герцогству; изъ Русскихъ окраинъ переходили тысячи шляхтичей для поступленія въ варшавскія войска. И обратно въ наши окраинныя

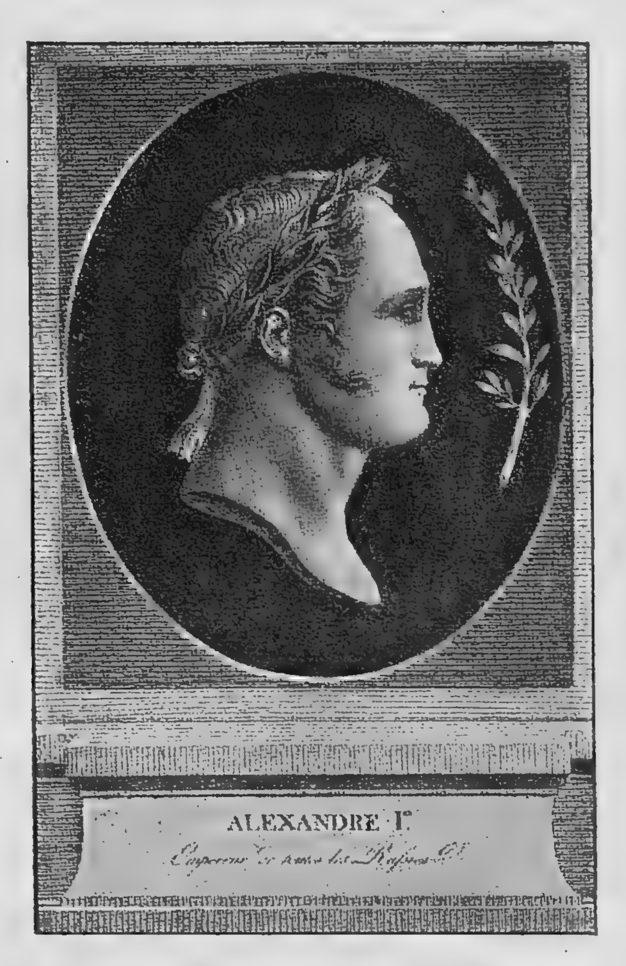
Но тильзитское соглашеніе было, главнымъ образомъ, направлено Наполеономъ противъ Англіи, бывшей душою всѣхъ коалицій противъ французской имперіи. Онъ убѣдился, что у него еще нѣтъ средствъ отнять отъ Англіи ея богатыя колоніи и особенно Индію, а также и въ томъ, что, не имѣя сильнаго флота, не можетъ побѣдить англичанъ на морѣ и высадиться съ сухопутными войсками въ Англіи и потому рѣшился подорвать ея другую силу—богатую торговлю и промышленность—при помощи такъ называемой континентальной системы. Его союзники на континентѣ обязаны были закрыть всѣ свои гавани для кораблей Англіи и тѣмъ подрывать ея экономическое благосостояніе. Къ этой континентальной системѣ обязалась примкнуть и Россія. Но союзъ Россіи съ Франціей не былъ искрененъ; нашъ государь не довѣрялъ Наполеону особенно потому, что, какъ полагалъ, онъ стремится къ міровластительству; по поводу вышеприведенныхъ словъ его Александръ I говорилъ: „Сначала онъ удовольствуется одною половиной яблока, а тамъ придетъ охота взять и другую"... Тильзитскій союзъ, очевидно, не обѣщалъ долгаго существованія, и скоро привелъ насъ къ войнѣ со Швеціей.

Мечтательный король ея Густавъ IV, считая Наполеона антихристомъ и преклоняясь прежде передъ Александромъ I, какъ избранникомъ судьбы для борьбы съ нимъ, отказался разорвать свой союзъ съ Англіей и примкнуть къ континентальной системѣ, что вызвало войну Россіи съ Швеціей въ 1808—1809 годахъ. Наши войска подъ начальствомъ генерала Буксгевдена скоро заняли всю Финляндію и овладѣли сильною крѣпостью Свеаборгомъ; затѣмъ княземъ Багратіономъ заняты были Аландскіе острова; а зимою Барклай-де-Толли перешелъ по льду чрезъ Ботническій заливъ въ самую Швецію и подошелъ къ ея столицѣ Стокгольму. Въ виду происшедшихъ волненій Густавъ IV отказался отъ престола, а преемникъ его Карлъ XIII заключилъ миръ съ Россіей въ Фридрихсгамѣ, по которому мы получили остальную часть Финляндіи до рѣки Торнео, вмѣстѣ съ Аландскими островами. Эту завоеванную нашимъ оружіемъ область мы могли, какъ провинцію, присоединить къ Россіи на ряду со всѣми другими завоеванными нашимъ оружіемъ

области шли эмиссары герцогства, наполняли ихъ прокламаціями, вели почти явную пропаганду въ пользу возстановленія королевства польскаго въ предѣлахъ до 1772 года. Появлялись даже книгоноши, которые, въ числѣ другихъ запрещенныхъ изданій, распространяли кощунственную пародію на „Отче нашъ", которая гласила: „Отче нашъ Наполеонъ, французскій императоръ, иже еси въ Парижѣ, да святится имя твое, яко въ нѣмецкой, прусской, такъ въ нашей землѣ. Правленіе польское даждь намъ днесь и т. д.

пріобрѣтеніями. Но великодушный и не свободный отъ своихъ западныхъ увлеченій императоръ даровалъ Финляндіи ея прежнее шведское провинціальное устройство и даже возвелъ ее, чего не было прежде, при шведскомъ владычествѣ, на степень великаго княжества и къ нему присоединилъ еще и земли, ранѣе завоеванныя Петромъ Великимъ и Елизаветой Петровной и уже давно составлявшія на ряду съ прочими Выборгскую губернію. Мало того, Александръ I созвалъ въ Финляндіи сеймъ, который самъ открылъ въ 1809 году въ Борго, куда прибылъ въ сопровожденіи Румянцева и Сперанскаго. Свои, незаслуженныя Финляндіей пожалованія онъ разъяснилъ въ сеймовой рѣчи своей и въ особой грамотѣ [1].

Союзъ же съ Наполеономъ въ Россіи былъ очень не популяренъ и тяготилъ самого Александра I. Какъ ни силился укрѣпить и одушевить его властитель Франціи, ничто не помогало. Напрасно онъ устроилъ свиданіе съ нашимъ государемъ въ 1809 году въ Эрфуртѣ, гдѣ окружилъ себя необычайнымъ блескомъ, созвавъ сюда вассальныхъ ему государей, маршаловъ Франціи, гвардію и дворъ. Русскій императоръ, сохраняя ласковость къ своему союзнику, показывалъ ему, однако, неподатливость въ вопросахъ объ отношеніяхъ къ Австріи и Пруссіи, которыхъ, очевидно, не хотѣлъ отдать въ полную жертву Наполеону, какія бы оттого выгоды не

Со современной гравюры.

[1] Напрасно шведо-финны, мечтающіе объ отдѣленіи Финляндіи отъ Россіи говорятъ, будто Александръ I, по договору (?!) съ финляндцами, присоединилъ эту область къ Имперіи, подъ условіемъ ея политической самостоятельности, съ конституціоннымъ устройствомъ, а не самъ даровалъ ей лишь мѣстное, провинціальное управленіе по нѣкоторымъ изъ шведскихъ законовъ. Созывая сеймъ въ

извлекла Россія. Вслѣдствіе этого, у него стали уже слышаться ноты неудовольствія противъ Русскаго царя.

Въ ту пору императоръ французовъ, повидимому, былъ въ зенитѣ своей славы и могущества; но уже появлялись и признаки приближавшагося его паденія. Испанія, откуда онъ изгналъ династію Бурбоновъ и гдѣ онъ сдѣлалъ королемъ своего брата Іосифа, начала противъ французовъ народную партизанскую войну. Австрія, доведенная до крайности, тоже готовилась къ новой войнѣ. Сама Франція, истощенная войнами, начинала тяготиться ихъ безпрерывностью. Въ домѣ самого Наполеона стало пахнуть гарью, если противъ него исподтишка дѣйствовали его собственные министры, какъ Фуше и Талейранъ. Этотъ послѣдній тайно отъ Наполеона явился къ Русскому императору въ самомъ Эрфуртѣ и сказалъ ему: „Государь, зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Вамъ предстоитъ спасти Европу, и вы можете достигнуть этого не иначе, какъ только не поддаваясь Наполеону. Французскій народъ цивилизованъ, а его государь нѣтъ; Русскій государь цивилизованъ, а его народъ нѣтъ; поэтому Русскому государю надлежитъ быть союзникомъ французскаго народа“. На другой аудіенціи этотъ коварный министръ иностранныхъ дѣлъ такъ развилъ свою программу: „Рейнъ, Альпы, Пиренеи — это завоеванія Франціи. Все прочее — завоеванія императора Наполеона, Франція не дорожитъ ими“...

Талейранъ не ошибался, что Русскому царю дѣйствительно было суждено освободить Европу отъ этого колосса завоеваній, но онъ ошибался въ томъ, что какой бы то ни было изъ цивилизованныхъ народовъ Запада дастъ силы государю нашему нанести рѣшающій ударъ титану западной исторіи. Эти силы далъ ему „нецивилизованный“ русскій народъ, когда завоеватель вторгся въ самое

Борго, онъ вовсе не давалъ финляндцамъ законодательнаго представительства, а, какъ выразился въ своей рѣчи, „желалъ узнать мысли и желанія“ народа на счетъ истинныхъ его интересовъ, чтобы „принять ихъ въ соображеніе“, „при распоряженіяхъ своихъ“, относительно примѣненія прежде сложившагося судебно-административнаго строя. Самъ сеймъ „повергалъ на рѣшеніе его Императорскаго Величества всенижайшія желанія“, какъ мнѣнія, а не какъ опредѣленія. И въ теченіе 64-хъ лѣтъ, до императора Александра II, сеймъ не былъ собираемъ въ Финляндіи. Въ Фридрихсгамскомъ же трактатѣ было сказано о присоединеніи завоеванной области: „губерніи сіи, съ жителями, городами и портами... будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются, жителямъ же обезпечиваются, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго соизволенія (Государя), свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества (въ судебномъ и административномъ отношеніяхъ)“.

сердце Свято-Русской земли, чтобы отсюда итти дальше на покореніе всего міра. Наполеонъ разбился о грудь Россіи, а государямъ и народамъ Запада пришлось лишь добивать своего грознаго владыку.

Но будемъ, не предупреждая событій, говорить по порядку.

Примѣчательно, что ощутительнѣе всего для Александра I было разногласіе съ Наполеономъ именно по польскому вопросу, сдѣланному главною угрозою Россіи. Войну 1812 года онъ въ своей прокламаціи къ войскамъ назвалъ второю польскою войною, объяснивъ, что первая окончилась въ Тильзитѣ (созданіемъ Варшавскаго герцогства).

Комета 1812 года.
Съ современнаго рисунка.

Вотъ что было еще въ 1810 году. Когда Австрія начала войну съ Наполеономъ и когда Александръ I въ силу Тильзитскаго соглашенія двинулъ неохотно, впрочемъ, противъ своей прежней союзницы войска, онъ далъ понять Наполеону, что не желаетъ, чтобы Варшавское герцогство было усиливаемо присоединеніемъ новыхъ земель, а поляки воспаляемы новою надеждой на возстановленіе польскаго королевства; но тотъ, разгромивъ австрійскія войска при Ваграмѣ и принудивъ побѣжденную страну заключить миръ, именно три четверти исконно-русской Галиціи, вопреки настояніямъ Александра, отдалъ не Россіи, а Варшавскому герцогству и лишь небольшую часть ея, въ 400 тысячъ населенія, отдалъ Русскому императору, правда, не очень желавшему проливать русскую кровь въ войнѣ съ Австріей.

Видя, какъ послѣ увеличенія Варшавскаго герцогства становились строптивѣй поляки въ самыхъ предѣлахъ Россіи, нашъ государь настаивалъ, чтобы самое имя „Польское королевство" не было произносимо. Это было требованіе—не гальванизировать больше поляковъ химерой возстановленія Польши „отъ можа до можа", которое равнозначительно отбрасыванію величайшей имперіи въ предѣлы сѣверо-Восточной Руси и стараго Московскаго государства. Но Наполеонъ уклонялся отъ этого обязательства, ссылаясь даже на то, что онъ-де не можетъ дать ручательства за своихъ пріемниковъ, о коихъ, впрочемъ, и рѣчи не было; на самомъ же дѣлѣ онъ не полагался на вѣрность Александра союзу съ Франціей и вотъ почему наготовѣ держалъ Польскій вопросъ.

Ясно было, что именно этотъ пунктъ разногласія имѣетъ первенствующее значеніе для начавшихъ ссориться союзниковъ, и именно по этому поводу они почти одновременно и въ Петербургѣ и въ Парижѣ заговорили о разрывѣ союза и войнѣ. Другіе же пункты разногласія между ними имѣли въ ту пору менѣе раздражающій характеръ и легче уладились бы.

По поводу вознагражденія родственника нашего государя герцога Ольденбургскаго, владѣнія котораго присоединены были къ Вестфальскому королевству, самъ Наполеонъ говорилъ, что ему легко вознаградить герцога любыми другими германскими землями.

Относительно же нестрогаго соблюденія разорительной континентальной системы со стороны Россіи, куда привозились англійскіе товары на американскихъ корабляхъ, а также высокихъ пошлинъ на привозимые къ намъ изъ Франціи предметы роскоши, Наполеонъ говорилъ, что онъ изъ-за кофе, сахара, шелка и бархата воевать съ Россіей не станетъ.

Вообще же всѣ эти тренія появлялись и обострялись лишь въ виду главнѣйшаго вопроса, будетъ ли вѣрнымъ союзникомъ императора французовъ Русскій царь или нѣтъ? Александру же постоянно казалось,

что Наполеонъ хочетъ сдѣлать его такимъ же вассаломъ, какъ и другихъ государей Запада. Вотъ въ виду этого-то борьба между ними становилась неизбѣжной, но и тотъ и другой думали, что это будетъ борьба только армій и государей, не предполагая, что она станетъ борьбой всего народа русскаго противъ западныхъ завоевателей, даже борьбою двухъ міровъ—западнаго и восточнаго.

Русскій царь и русскій народъ не захотѣли, какъ большинство государей Запада, признать въ Наполеонѣ своего властителя,—вотъ, собственно, главнѣйшая, основная причина подготовлявшагося колоссальнаго столкновенія.

Между тѣмъ, еще въ 1810 году Наполеонъ говорилъ: „Еще три года—и я буду владыкой вселенной".

Прощаясь съ французскимъ посломъ Коленкуромъ въ 1811 году, Александръ говорилъ ему: „У меня нѣтъ такихъ генераловъ, какъ ваши, я самъ не такой полководецъ и администраторъ, какъ Наполеонъ, но у меня хорошіе солдаты, преданный мнѣ народъ, и мы скорѣе умремъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели позволимъ поступать съ нами, какъ съ голландцами и гамбургцами. Но, увѣряю васъ честью, я не сдѣлаю перваго выстрѣла. Я допущу васъ перейти Нѣманъ, но самъ не перейду его; я не хочу войны, не желаетъ ея и мой народъ, хотя и озлобленъ отношеніями ко мнѣ вашего императора... Но, если на него нападутъ, онъ съумѣетъ постоять за себя". Императоръ писалъ и самому Наполеону: „Я съумѣю сражаться и дорого продать свое существованіе". Видя у ногъ своихъ государей и государства Западной Европы, Наполеонъ не былъ удовлетворенъ: его постоянно преслѣдовала мысль: „Недостаетъ Россіи; пока не покорена она, я не буду повелителемъ міра, пока Русскій государь царствуетъ независимо, у меня остается соперникъ"...

Становилось все яснѣе, что роковая для западнаго завоевателя борьба приближается быстрыми шагами.

Медаль 1812 года.

IV.

Война 1812 года.—Приготовленіе къ ней Наполеона и Россіи.—Какъ смотрѣли на нее онъ и Александръ I?—Быстрое и рѣшительное измѣненіе взглядовъ послѣдняго на предстоящую борьбу.—Вступленіе западныхъ полчищъ въ русскіе предѣлы.—Прокламація Наполеона и манифестъ Александра I. Созывъ народныхъ ополченій.—Русскія войска и ихъ предводители, Барклай-де-Толли и Багратіонъ.—Русскій царь въ Москвѣ и необычайный подъемъ народнаго духа.—Отступленіе войскъ и ихъ соединеніе подъ Смоленскомъ и его защита.

Главнѣйшіе историческіе дѣятели бурной и грозной эпохи 1812 года встрѣтили, какъ замѣчено выше, въ ея событіяхъ не то, что первоначально ожидали отъ предполагаемаго стеченія обстоятельствъ и соотношенія силъ и что намѣчали въ своихъ планахъ. Это должно сказать о тѣхъ, кто стояли на самой вершинѣ историческихъ событій и руководили ими: о Наполеонѣ и Александрѣ I.

Для перваго предстоящая война не представлялась самозащитой Россіи на жизнь и смерть, столкновеніемъ двухъ особыхъ міровъ, а такою же военной кампаніей, какой были итальянскія, австрійскія, прусская и другія. Онъ думалъ быстро и счастливо провести ее къ желаемому концу и громомъ побѣдъ заглушить недовольство французовъ, шероховатости борьбы съ партизанами въ Испаніи, глухое недовольство порабощенныхъ нѣмцевъ и другихъ

западныхъ народовъ; только бы смирить Россію нѣсколькими побѣдами—и дѣло будетъ кончено. Онъ даже не рѣшилъ еще, будетъ ли востокъ Европы состоять изъ двухъ государствъ: королевства польскаго и царства Русскаго, или попрежнему здѣсь останется господствовать одна Россія, но и она, по замысламъ завоевателя, станетъ въ покорныя, вассальныя отношенія къ новому цезарю, второму Карлу Великому, и дастъ ему свои арміи и другія средства для похода въ Азію и прежде всего въ богатую Индію, откуда слѣдуетъ изгнать заклятыхъ враговъ Франціи — англичанъ, и гдѣ можно основать европейско-восточное владычество на подобіе того, какое тамъ нѣкогда создалъ Александръ Македонскій.

Правда, для такого огромнаго предпріятія противъ Россіи, Наполеонъ сталъ собирать бо́льшія, чѣмъ прежде, военныя силы и привлекъ къ ихъ укомплектованію всѣ вассальныя государства Запада. Но то была количественная лишь разница отъ прежнихъ походовъ. Задача же для новаго похода была та же, какъ и прежнихъ: разбить русскія арміи, взять одну или двѣ столицы Россіи, продиктовать ей тотъ или другой миръ, глядя по обстоятельствамъ—вотъ и все.

Конечно, если Россія будетъ сопротивляться упорно, то, послѣ созданія польскаго королевства съ западными и южными русскими владѣніями, пожалуй, можно будетъ восточную Россію раздробить на прежнія удѣльныя княжества, о чемъ думалъ еще Карлъ XII, въ началѣ второго Семилѣтія Великой Сѣверной войны: такимъ образомъ царство Всероссійское перестанетъ существовать и быть помѣхою въ его владычествѣ надъ міромъ.

Александръ I, уже столько разъ принимавшій участіе въ войнахъ противъ Наполеона, конечно, понималъ великую трудность предстоящей войны и, разумѣется, предвидѣлъ Аустерлицы и Фридланды и невыгодный миръ, въ родѣ тѣхъ, какіе заключали Австрія, Пруссія и другія державы Запада; но онъ даже и тогда, когда Наполеонъ перешелъ русскую границу, еще не совсѣмъ потерялъ надежду на соглашеніе съ нимъ: на все смотрѣлъ онъ еще прежними западными глазами.

Но этотъ взглядъ на предстоящую борьбу скоро началъ смѣняться въ немъ болѣе глубокимъ прозрѣніемъ въ сущность и смыслъ событій и въ духъ Русскаго народа, не сходній съ духомъ государствъ Запада.

Русскій царь, какъ уже сказано, рѣшился не начинать войны, а лишь защищать свое отечество, и еще въ 1811 году говорилъ объ этомъ французскому послу Коленкуру.

Сформировавъ оборонительныя арміи: первую — западную, подъ начальствомъ военнаго министра Барклая-де-Толли (120.000), онъ расположилъ въ Виленской губерніи; вторую—тоже западную, подъ начальствомъ князя Багратіона (37.000), расположилъ между Нѣманомъ и Бугомъ въ Гродненской губерніи, а третью — наблюдательную за Австріей (обсерваціонную), подъ начальствомъ Тормасова (46.000), двинулъ къ ея границамъ. Государь, получивъ извѣстіе, что полчища Наполеона, сосредоточившіяся въ Варшавскомъ герцогствѣ, приближаются къ русскимъ границамъ, отправился въ апрѣлѣ 1812 года въ первую армію, чтобы принять личное участіе въ войнѣ. Положеніе наше было крайне тяжело: силъ было недостаточно, и мы были одиноки; съ Англіей государь медлилъ заключить союзъ, а заключенный союзъ съ Швеціей не давалъ намъ активной помощи.

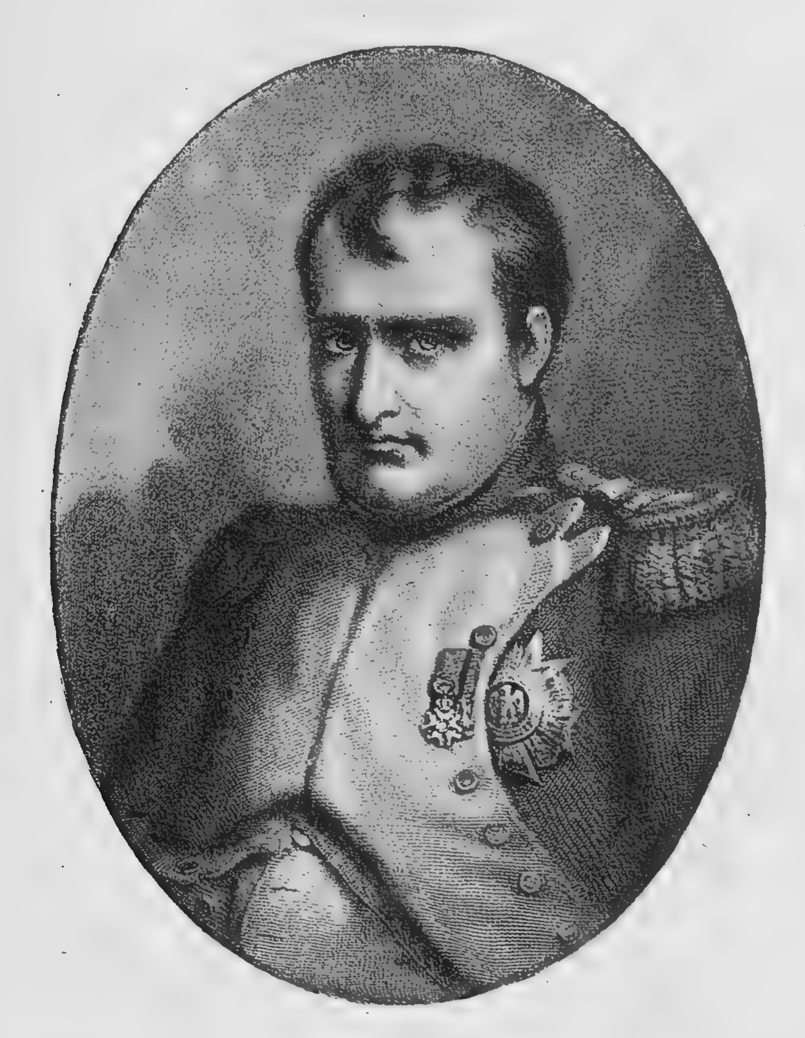

Барклай-де-Толли.

Наполеонъ же съ чрезвычайной самоувѣренностью готовился къ отъѣзду къ своей арміи, но предъ этимъ, чтобы выиграть время для сосредоточенія войскъ и чтобы вызнать, что дѣлается въ Россіи, послалъ къ императору Александру генерала Нарбонна съ письмомъ, съ которымъ тотъ и прибылъ въ Вильну, гдѣ остановился государь.

Императоръ Александръ, указывая французскому посланцу на лежавшую передъ нимъ карту, сказалъ: „Я не ослѣпляюсь мечтами и знаю, въ какой мѣрѣ императоръ Наполеонъ — великій полководецъ; но на моей сторонѣ, какъ видите, пространство и время. Во всей этой враждебной для васъ землѣ нѣтъ такого отдаленнаго угла, куда бы я не отступилъ, нѣтъ такого пункта, котораго бы я не сталъ защищать, прежде чѣмъ согласиться заключить постыдный миръ. *Я не начну войны, но не положу оружія, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться въ Россіи*". Очевидно, въ государѣ уже крѣпло рѣшеніе объ упорной и продолжительной борьбѣ съ Наполеономъ, не похожей на предшествующія войны съ нимъ.

4 мая Наполеонъ прибылъ въ Дрезденъ съ императрицей Луизой, дочерью австрійскаго императора, на которой онъ женился послѣ того, какъ его предложеніе относительно брака съ сестрой нашего государя великой княжной Анной Павловной было отклонено. Сюда собрались и многочисленные коронованные вассалы Наполеона. Здѣсь находились императоръ австрійскій и король прусскій, присоеди-

Наполеонъ.

нившій свои войска къ арміи Наполеона, и множество другихъ государей Запада. Здѣсь были и маршалы Франціи, множество придворныхъ и гвардія. Изъ Дрездена надменный Наполеонъ отправился въ герцогство Варшавское...

12 іюня, во время бала, даннаго нашему государю въ окрестностяхъ Вильны, получено было извѣстіе, что „великая армія“, состоявшая изъ 600.000 человѣкъ, съ милліоннымъ резервомъ въ

цѣломъ рядѣ государствъ Запада, уже стала переходить черезъ Нѣманъ въ предѣлы Россіи. Въ ея составѣ были поляки, австрійцы, пруссаки, итальянцы, голландцы, испанцы, португальцы и другія народности Запада.

Наполеонъ съ горделивымъ завоевательнымъ задоромъ говорилъ по этому поводу въ своемъ приказѣ по арміи: „Солдаты! Вторая польская война началась. Первая окончилась подъ Фридландомъ и въ Тильзитѣ. Россія увлекается рокомъ и не избѣгнетъ судьбы своей. Пора прекратить пятидесятилѣтнее кичливое вліяніе ея на дѣла Европы. Вторая польская война будетъ столько же славна, какъ и первая“.

Совершенно чисто-русскій контрастъ представляло настроеніе Русскаго царя. Въ своемъ манифестѣ о вступленіи враговъ въ Россію онъ говорилъ: „Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ объ ихъ долгѣ и храбрости!.. Воины! Вы защищаете вѣру, отечество и свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ“. Примѣчательны послѣднія слова государя: онъ повторилъ то, что сказалъ Петръ Великій предъ самымъ началомъ битвы своей подъ Полтавой съ Карломъ XII.

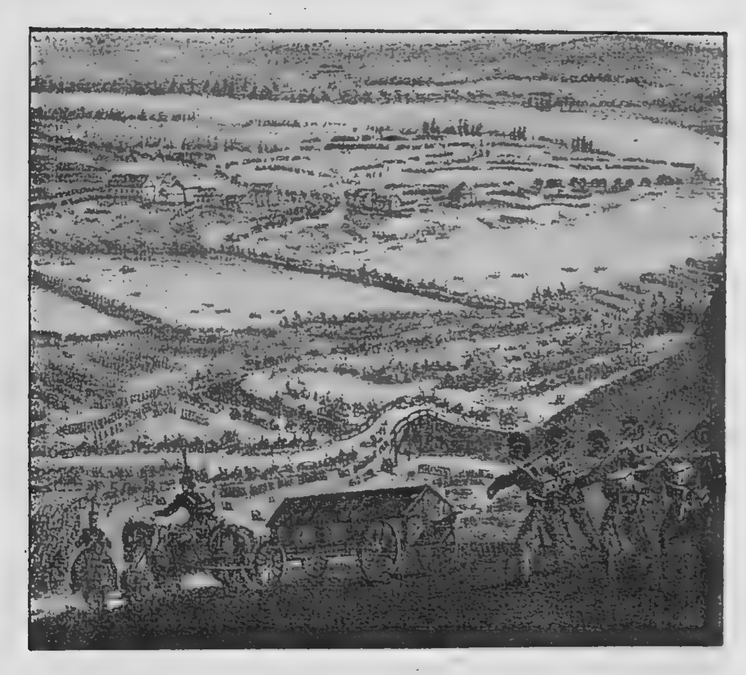
Находя опору въ сознаніи своей правоты и въ надеждѣ на помощь Божію, Русскій царь рѣшительнѣе, чѣмъ вышеназванному послу Наполеона, возвѣстилъ, что онъ будетъ бороться съ властолюбивымъ врагомъ до конца, до послѣдней капли крови, и въ рескриптѣ на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта писалъ: „Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудили насъ препоясаться на брань... Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ моемъ царствѣ...“ Это произвело сильное и глубокое впечатлѣніе въ Россіи на всѣхъ; но, желая еще разъ противопоставить свое миролюбіе завоевательнымъ стремленіямъ Наполеона, онъ послалъ генералъ-адъютанта Балашова сказать Наполеону, что миръ все еще возможенъ, если Наполеонъ отодвинетъ свои войска отъ границы Россіи.

Посланецъ нашъ могъ получить аудіенцію у Наполеона только въ Вильнѣ, откуда лишь за нѣсколько дней уѣхалъ русскій царь и притомъ въ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ онъ останавливался. Наполеонъ сказалъ генералъ-адъютанту Балашову: „Неужели вы думаете, что я привелъ столько войскъ, чтобы посмотрѣть на Нѣманъ?“ и насмѣшливо спросилъ русскаго генерала: „Какія дороги ведутъ въ Москву?“ Тотъ съ патріотическимъ сарказмомъ отвѣчалъ, что онъ можетъ указать только ту, которою шелъ Карлъ XII,

но „она идетъ чрезъ Полтаву". Столь язвительный отвѣтъ заставилъ Наполеона прекратить свое издѣвательство.

Есть свидѣтельство одного современника, что Наполеонъ думалъ, по заключеніи мира въ Москвѣ, провозгласить себя здѣсь императоромъ всего Запада, главой европейской федераціи и защитникомъ христіанской религіи на востокѣ и для предстоящей церемоніи взялъ изъ Парижа все свое императорское облаченіе, которое погибло во время похода.

Россію онъ мѣрилъ западно-европейскимъ аршиномъ. Разсчитывая, что мы не можемъ противопоставить ему ни равныхъ по количеству военныхъ силъ, ни соотвѣтствующихъ полководцевъ, въ родѣ нашего Суворова, онъ полагалъ, что стоитъ ему только одержать одну или двѣ побѣды и взять Москву, чтобы Россія, въ лицѣ ея государя и арміи, была у его ногъ, какъ Австрія, Пруссія и другія государства Запада. Но онъ не принялъ въ соображеніе того Русскаго самоотверженія и самопожертвованія, какія уже начинали готовить ему въ своемъ инстинктивномъ единеніи царь и народъ Россіи и которыя обратили борьбу 1812 года въ войну народную.

Переправа Наполеоновской арміи черезъ Нѣманъ.

Въ эту тяжелую пору Русскій Самодержецъ, забывъ свои недавнія западническія увлеченія, быстро и глубоко проникся русскимъ національнымъ духомъ и въ глубинѣ его нашелъ такія силы, кото-

рыхъ не подозрѣвалъ Наполеонъ, и которыя не поддаются раціоналистическимъ исчисленіямъ.

Онъ отказался отъ своего плана оставаться при своихъ войскахъ и пришелъ къ важному рѣшенію поднять народную войну противъ западныхъ полчищъ, отдавъ распоряженіе о томъ, чтобы обѣ западныя арміи, отступая внутрь Россіи, шли на соединеніе между собою; въ Полоцкѣ же 6 іюля подписалъ онъ знаменитѣйшій манифестъ свой о созывѣ всенародныхъ ополченій, проявившій чрезвычайную чуткость духа Русскаго царя и его безповоротную рѣшимость.

При новомъ, болѣе глубокомъ прозрѣніи въ закипавшую народную борьбу, онъ не дѣлалъ въ своемъ манифестѣ различія даже между духовными и мірянами и звалъ всѣхъ и все на борьбу съ врагами, до послѣдней капли крови, до послѣдняго вздоха. При этомъ въ его сознаніи возникли не воспоминанія изъ періода нашего сближенія съ Западомъ, не громъ итальянскаго и швейцарскаго походовъ Суворова, не грохотъ Кагула, Рымника, Полтавы, а свято-русскіе образы страшныхъ дней 1612 года, когда Русь погибала, когда былъ поставленъ вопросъ: быть ей или не быть? Государь говорилъ Русскому народу: „Да встрѣтитъ врагъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ — Палицына, въ каждомъ гражданинѣ — Минина... Соединитесь всѣ съ крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ, и никакія человѣческія силы васъ не одолѣютъ“. Глубоко-потрясающее впечатлѣніе производилъ этотъ манифестъ всюду и на всѣ классы Русскаго народа.

То, что одушевляло самодержавнаго вождя, вдохновило и весь народъ, и за ожидаемыми новыми Пожарскими, Палицыными и Миниными, скоро и столь же самоотверженно пошли и Сусанины — крестьяне, которые спрашивали еще до Бородина у проходившихъ солдатъ, не пора ли, молъ, намъ, служивые, жечь свои избы и села, чтобы они не доставались врагамъ...

Всего сильнѣе сказался подъемъ народнаго духа въ Москвѣ, куда, покинувъ отступавшую армію, отправился государь.

11 іюля въ Москвѣ, гдѣ былъ обнародованъ манифестъ о всенародномъ ополченіи и особое воззваніе къ первопрестольной столицѣ, стало извѣстно, что ѣдетъ государь, и что онъ уже близокъ, въ одномъ переѣздѣ отъ нея, и она мгновенно поняла, что значитъ этотъ пріѣздъ. „И вотъ Москва, — говоритъ современникъ, — *вышла изъ себя*“: ушла вся навстрѣчу своему царю. Безо всякаго уговора, мгновенно стали запираться всюду и торговыя заведенія, и мастер-

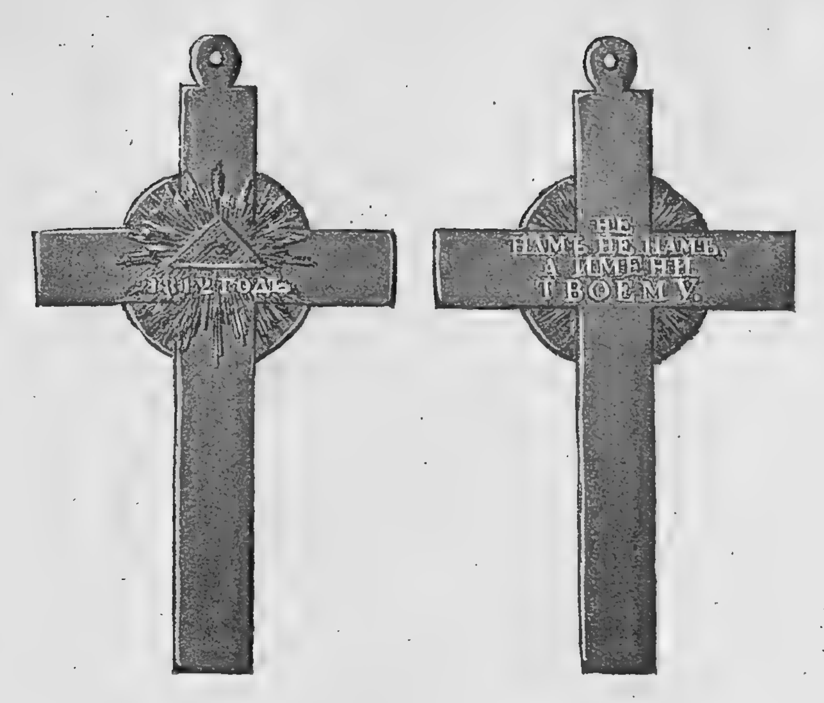
Александръ I.

скія, и дома, и волны народа, на минуту заходя въ отпертые храмы, или только помолившись у нихъ, устремились за заставу на Смоленскую дорогу навстрѣчу государю. На протяженіи 15 верстъ, за Москвой вся эта дорога залита была народомъ. Медленно сквозь густыя толпы двигалась коляска государя. На пути въ селахъ навстрѣчу къ нему выходило въ облаченіяхъ, съ крестами, сельское духовенство. Извѣстный поэтъ того времени, основатель „Русскаго Вѣстника“, Өедоръ Глинка писалъ: „Церковныя облаченія, свѣчи въ рукахъ священниковъ сильно дѣйствовали на душу, волновали чувства и возбуждали множество мыслей... Тяжело становилось на сердцѣ, томилась душа и тревожился умъ... Глаза невольно поднимались къ небу, какъ бы желая въ немъ прочесть будущую судьбу отечества“. Въ полночь государь подъѣхалъ къ Москвѣ. На Поклонной горѣ его встрѣтило духовенство изъ ближней церкви: священникъ держалъ на серебряномъ блюдѣ крестъ, дьяконъ стоялъ съ зажженной свѣчой. Государь остановилъ лошадей, вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и съ глубокимъ вздохомъ приложился ко кресту. Въ отвѣтъ на этотъ вздохъ изъ груди смиреннаго священника вырвался энергическій возгласъ: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его“.... Окружающій народъ, охваченный глубокимъ чувствомъ, тихо заговорилъ: „Наполеону не побѣдить насъ: для этого нужно всѣхъ насъ перебить“... Уже слышалось глубокое народное движеніе.

Витгенштейнъ.

Съ разсвѣтомъ 12-го числа народныя волны залили не только Кремль, но и прилегающія къ нему мѣстности. Въ 9 часовъ на высотѣ Краснаго крыльца появился государь и поклонился народу. Разда-

Наперсный крестъ 1812 года.

лось такое ура, которое заглушило звонъ колоколовъ на Иванѣ Великомъ и, казалось, страшной силою своею потрясло всѣ основанія Кремля. На каждой ступени историческаго крыльца множество стоявшихъ на колѣняхъ обнимали ноги государя, цѣловали полы его одежды, обливая ее слезами. У подножія крыльца какой-то старикъ въ крестьянской одеждѣ сказалъ: „Не унывай, государь, видишь, сколько насъ въ одной Москвѣ. Веди насъ, куда знаешь, отецъ нашъ родимый! Все отдадимъ тебѣ. Всѣ умремъ или побѣдимъ“.

Растроганный государь едва могъ двигаться сквозь тѣснившійся народъ. Свита пыталась раздвигать его, но государь говорилъ: „Не троньте, я и такъ пройду“. Казалось, такого единенія царя и народа никогда не видала историческая Москва и встарь. Безмолвные государь и народъ только обмѣнивались взорами, но въ этихъ взорахъ уже была рѣшена судьба всего, судьба Москвы, судьба войны, судьба Наполеона. При входѣ въ Успенскій соборъ архіепископъ Августинъ сказалъ: „Господь силъ съ тобою, царь: Онъ обратитъ бурю въ тишину и умолкнутъ волны потопныя. Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ“.

Помолившись у мощей святителей московскихъ и у гробовъ своихъ державныхъ предковъ, государь отправился въ Слободской дворецъ, гдѣ собраны были дворянство и городскія сословія.

По прочтеніи манифеста, среди дворянъ заговорили: „Теперь не время разсуждать, надобно скорѣе дѣйствовать; кипитъ война необычайная. Она требуетъ мѣръ чрезвычайныхъ. Двинемся съ крестьянами сотнями тысячъ, вооружимся, чѣмъ можемъ. Дружинами своими отрѣжемъ Наполеону путь назадъ, покажемъ, что Россія возстаетъ за Россію, на свою защиту!“

Въ другомъ залѣ, гдѣ собрались купечество и другія сословія, чтеніе манифеста съ каждымъ новымъ словомъ его все больше волнуетъ присутствующихъ. Но вотъ прочтены слова: „Непріятель съ лестью на устахъ несетъ въ рукахъ оковы“, и въ залѣ раздаются грозные клики гнѣва и ярости, рвутъ на себѣ волосы, бьютъ себя въ грудь, ломаютъ руки...

Прибылъ государь и мгновенно водворилась мертвая тишина. Вотъ онъ говоритъ дворянамъ: „Вы, по примѣру предковъ, не потерпите ига чуждаго, и непріятель не восторжествуетъ въ своихъ дерзкихъ замыслахъ. Этого ожидаетъ отъ васъ отечество и государь“.

„Готовы умереть. Все, что имѣемъ, отдаемъ тебѣ“, раздалось по залу, и тотчасъ же стали говорить, сколько поскорѣе вооружить ратниковъ за счетъ дворянства; въ первое же ополченіе рѣшено было снарядить 80 тысячъ и пожертвовать 3 милліона деньгами.

Государь плакалъ, никто не могъ удержать слезъ. Успокоившись нѣсколько, онъ сказалъ: „Я многаго ожидалъ отъ московскаго дворянства, но оно превзошло мои ожиданія. Благодарю васъ именемъ отечества!“ Покинувъ дворянство, онъ перешелъ въ купеческую залу и здѣсь также, до глубины души, былъ потрясенъ грознымъ энтузіазмомъ и многомилліонными пожертвованіями. Съ поразительной быстротой москвичи собрали между собою 10 милліоновъ на войну.

Взволнованный и умиленный государь много и много разъ повторялъ: „Этого дня я никогда не забуду“...

Государь воочію увидалъ въ Москвѣ Русь допетровскую во всей ея безграничной любви къ царю и отечеству, готовую на всѣ пожертвованія, на самую поголовную гибель, ради спасенія Россіи... Русская историческая идея всеобдержно охватила и царя и народъ и уже предрѣшила гибель враговъ. Государь скоро уѣхалъ изъ Москвы, но уже ничего не могло измѣниться въ сердцѣ Россіи и во всемъ ея народѣ. Война съ Наполеономъ стала безпримѣрно-грозною войною народною. По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, Государь говорилъ: „Жалѣю, что не могу, какъ бы желалъ, отвѣчать на преданность этого *чуднаго народа*. Прискорбно, что я—не полководецъ, такъ какъ воспитался при дворѣ, а не отданъ былъ на воспитаніе Румянцеву или Суворову.

Но у меня достаточно воли, чтобы не погрѣшить противъ своего народа заключеніемъ мира".

Между тѣмъ, войска наши отступали, завлекая Наполеона въ глубь Россіи, хотя это больше и больше возбуждало ропотъ въ войскѣ, непривыкшемъ отступать, а также и въ самомъ народѣ. Особенно тяжело обрушивалось недовольство за это на Барклая-де-Толли, котораго не любили, какъ человѣка сухого и замкнутаго и какъ нѣмца по фамиліи, его даже совершенно напрасно заподозрѣвали въ измѣнѣ. На его привѣтствія войско отвѣчало обиднымъ и даже зловѣщимъ молчаніемъ... Рѣшено было, чтобы арміи Барклая и Багратіона соединились подъ Витебскомъ. Наполеонъ же старался всячески помѣшать этому и говорилъ, что тотъ и другой никогда больше не увидятся. Противъ отдѣленнаго отъ первой арміи для защиты дороги въ Псковъ и Петербургъ корпуса генерала Витгенштейна, онъ

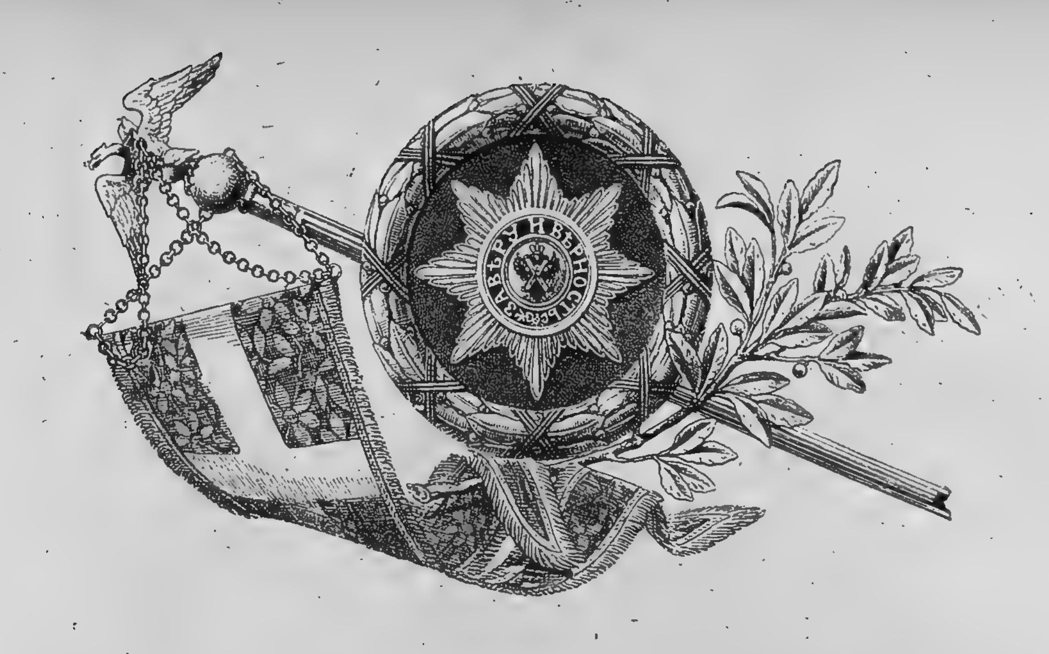

отправилъ часть своего войска подъ начальствомъ маршаловъ Макдональда и Удино, которые потерпѣли пораженіе подъ Полоцкомъ и не могли двинуться по направленію къ Петербургу. Отступленіе же главныхъ нашихъ войскъ сопровождалось упорными битвами Барклая у Витебска, Багратіона подъ Могилевомъ и Оршей. Вопреки усиліямъ Наполеона наши войска 21 іюля соединились подъ Смоленскомъ, а для обезпеченія отступленія ихъ далѣе рѣшено было защищать нѣкоторое время этотъ городъ. Прежде всего ген. Невѣровскій съ 7.000 отрядомъ подъ Краснымъ геройски отбилъ 40 атакъ Наполеонова зятя, неаполитанскаго короля Мюрата, и далъ возможность 16-тысячному корпусу Раевскаго занять Смоленскъ. Цѣлый день, 4 августа, несмотря на громадныя потери, этотъ храбрецъ отбивалъ приступы 200-тысячной непріятельской арміи. На слѣдующій день его утомленныя войска смѣнилъ корпусъ генерала Дохтурова, который снова отбилъ всѣ приступы непріятеля. Въ ночь на 6 августа вся наша армія спокойно отступила по дорогѣ къ Москвѣ, а слѣдомъ за нею двинулся изъ Смоленска Дохтуровъ, оставивъ изумленному Наполеону однѣ обгорѣлыя развалины города, покрытыя массами убитыхъ...

Сраженіе подъ Смоленскомъ 5 августа.

V.

Назначеніе Голенищева-Кутузова главнокомандующимъ всѣхъ армій и ополченій.—Прибытіе его къ войску и отступленіе къ Можайску.—Битва при Бородинѣ и ея главнѣйшіе моменты и исходъ.—Совѣтъ на Филяхъ и оставленіе Москвы.—Вступленіе въ нее Наполеоновскихъ полчищъ.—Пожаръ Москвы и его громадное значеніе для императоровъ Александра и Наполеона и для обѣихъ борющихся сторонъ.—Выходъ непріятелей изъ разрушенной столицы.

Ропотъ арміи на отступленіе и недовольство рвавшагося въ бой князя Багратіона Барклаемъ, а также все разраставшееся крайнее неудовольствіе въ народѣ побудили государя назначить одного главнокомандующаго надъ всѣми арміями и народными ополченіями. Особо составленное совѣщаніе по этому предмету остановило выборъ главнокомандующаго на сподвижникѣ Румянцева и Суворова, князѣ Кутузовѣ, о которомъ послѣдній, послѣ штурма Измаила, сказалъ, что онъ шелъ на лѣвомъ его крылѣ, но былъ его правою рукой.

Этотъ 67-лѣтній вождь, только что счастливо окончившій турецкую войну, былъ избранъ дворянствомъ Петербургской губерніи въ предводители его ополченія. Народъ съ восторгомъ и надеждами встрѣтилъ это назначеніе и на всемъ пути къ войску провожалъ полководца трогательными знаками своего сочувствія и довѣрія. Наполеонъ, узнавъ объ этомъ назначеніи, назвалъ его старою лисицею Сѣвера. „Я докажу ему, что онъ не ошибся“, сказалъ по этому поводу Михаилъ Иларіоновичъ.

17 августа главнокомандующій засталъ наши войска между Гжатскомъ и Вязьмой, гдѣ Барклай предполагалъ дать битву Наполеону.

Принимая почетный караулъ у Царева-Займища, Кутузовъ сказалъ: „Ну, какъ можно отступать съ такими молодцами". Среди солдатъ, истомленныхъ долгими отступленіями, пошелъ говоръ: „Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ". Когда онъ верхомъ объѣзжалъ войска, надъ нимъ взвился огромный орелъ и продолжалъ парить во время смотра. Признавъ, однако, избранную позицію неудобною для сраженія, главнокомандующій далъ приказъ отступать дальше, но теперь войска двинулись уже безъ ропота и унынія.

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ
ПРИ
БОРОДИНѢ
26-го августа 1812 года.

Десяти верстъ не доходя до Можайска, они получили приказъ остановиться на обширныхъ поляхъ близъ села Бородина, за сто верстъ до Москвы. Здѣсь Кутузовъ рѣшилъ дать сраженіе Наполеону.

Позиція, на которой расположилось наше стотысячное войско, тянулась на семь верстъ (см. планъ), отъ рѣки Москвы и черезъ село Бородино до старой Смоленской дороги. Впереди, версты за двѣ, было построено укрѣпленіе, Шевардинскій редутъ, который былъ занятъ десятитысячнымъ нашимъ отрядомъ. Оно было построено для того, чтобы непріятель, при атакѣ, развернулъ и обна-

Кутузовъ.

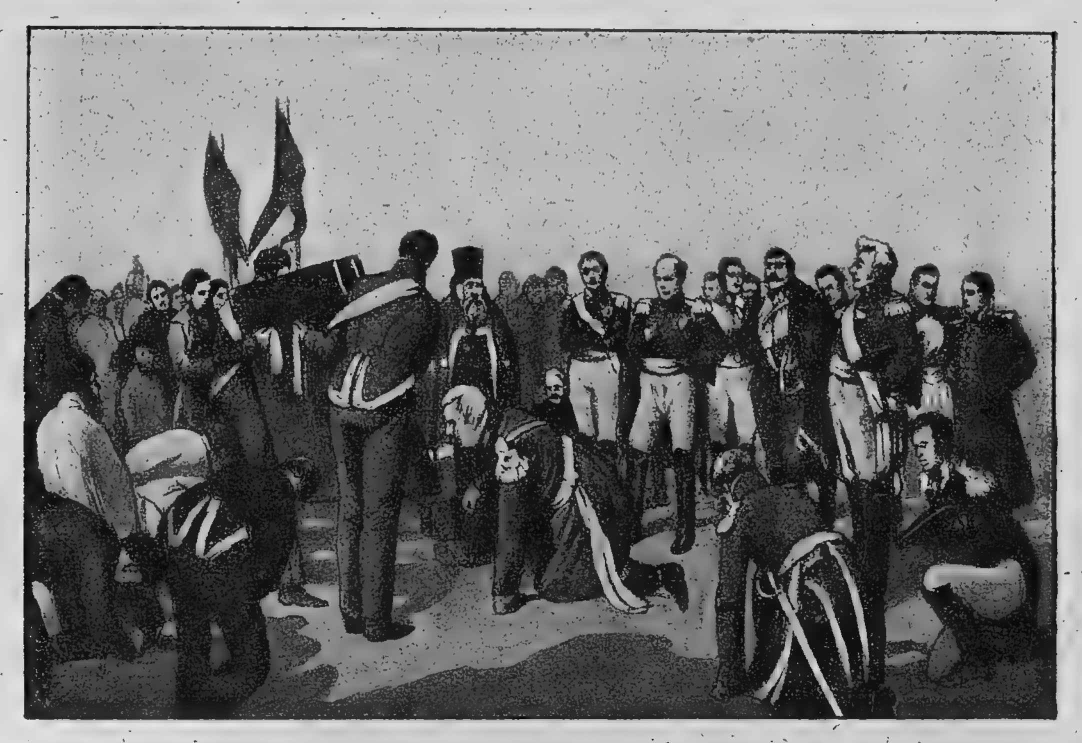

Бородинская битва.

Съ французской гравюры.

ружилъ для насъ свои силы. За Шевардинымъ отъ села Бородина через которое идетъ новая Смоленская дорога, ее и пространство вправо отъ нея заняла армія Барклая, составившая центръ и правое крыло. Отъ Бородина влѣво у деревни Семеновской, на старой Смоленской дорогѣ, до деревни Утицы, стала армія Багратіона, составивъ наше лѣвое крыло.

24 августа французы, подъ начальствомъ Мюрата, послѣ цѣлаго ряда атакъ на одинъ изъ отрядовъ второй арміи, заняли къ вечеру

Икона Смоленской Богоматери на Бородинскомъ полѣ.

Шевардинскій редутъ, а наши войска отошли на главную линію нашего расположенія.

Весь день 25 числа прошелъ въ приготовленіяхъ съ обѣихъ сторонъ къ предстоящему огромному бою.

Во всѣхъ нашихъ полкахъ служили молебны. Послѣ полудня вдоль всей линіи нашихъ войскъ тихо и торжественно двинулось духовенство съ чудотворной иконой Смоленской Божіей Матери, вынесенной войсками изъ дымящихся развалинъ Смоленска. Глубокое впечатлѣніе производило это шествіе съ чтимой святыней, съ зажженными свѣчами, съ развѣвающимися хоругвями. Десятки тысячъ воиновъ въ молитвенномъ порывѣ становились на колѣни предъ Заступницей усердной Земли Свято-Русскія. Маститый Кутузовъ палъ предъ иконой на землю

Наполеонъ передъ битвой.
Съ французской гравюры.

въ горячей молитвѣ. „Сами иновѣрцы, не только христіане, но даже магометане и язычники,—говоритъ очевидецъ,—не остались равнодушными. Всѣ почувствовали себя предъ лицомъ ожидающей ихъ смерти, всѣ невольно обращались къ Богу“. Солдаты надѣвали чистыя рубахи, готовясь къ славной, святой смерти за родину. Хотя, благодаря усердію народа и близкой Москвѣ, у войска было всего вдосталь, но не объ ѣдѣ думало оно. Призывъ къ чаркѣ водки остался напраснымъ; солдаты отвѣчали: „Не къ тому готовимся, не такой нынче день“. Въ торжественной тишинѣ, почти безъ костровъ, встрѣтило надвинувшуюся ночь наше войско.

Между тѣмъ, въ непріятельскомъ лагерѣ было шумно. Тамъ самонадѣянно радовались ожидаемой побѣдѣ и предстоящему занятію Москвы, и не скоро замолкли клики въ честь императора. „И слышно было до разсвѣта, какъ ликовалъ французъ“...

Едва забрезжилъ свѣтъ, какъ зашевелились войска. Когда восходившее солнце стало прорѣзать лучами холодный воздухъ, вышедшій изъ своей палатки Наполеонъ спросилъ: „Что дѣлается у русскихъ?“ и узнавъ, что они остаются на позиціяхъ, выразилъ свое удовольствіе и прибавилъ: „Сегодня немного холодно, но ясно: это—солнце Аустерлица“. Передъ войсками стали читать императорскій приказъ: „Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы такъ давно ожидали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для васъ; она доставитъ вамъ все нужное, удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ дѣйствовали вы при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ... Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою“.

Передъ шестью часами съ непріятельской стороны раздался первый пушечный выстрѣлъ и замеръ въ минутной тишинѣ. Скоро загремѣли второй и третій, и кононада съ обѣихъ сторонъ изъ 1.200 пушекъ слилась быстро въ ужасный потрясающій ревъ.

Главный напоръ непріятельскихъ атакъ направленъ былъ на нашемъ лѣвомъ крылѣ на укрѣпленіе близъ Семеновскаго (Багратіоновы флеши) и въ центръ на Бородино и батарею Раевскаго.

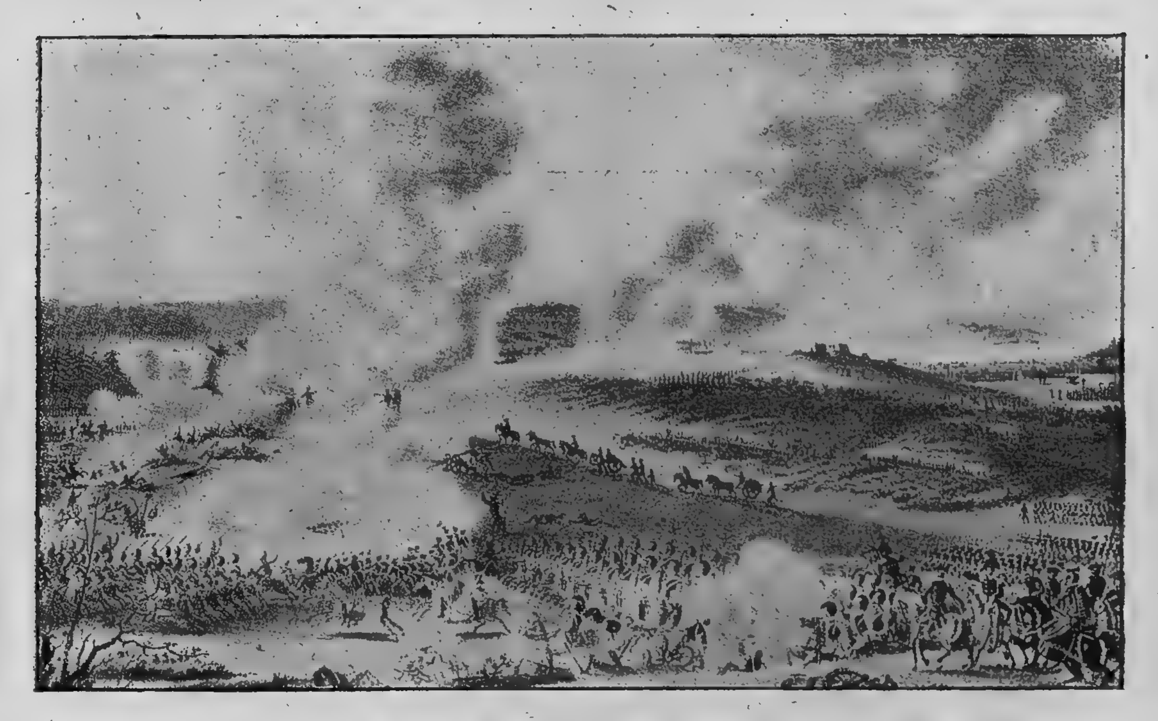
Корпусъ Даву атаковалъ Багратіоновы флеши, и непріятель уже ворвался было въ наши укрѣпленія, но прибытіе самого Багратіона со вспомогательными войсками заставило Даву, послѣ жаркихъ схватокъ, очистить ихъ и отступить

У Шевардинскаго редута.

Бой у деревни Горокъ.
Здѣсь во время битвы находился Кутузовъ.

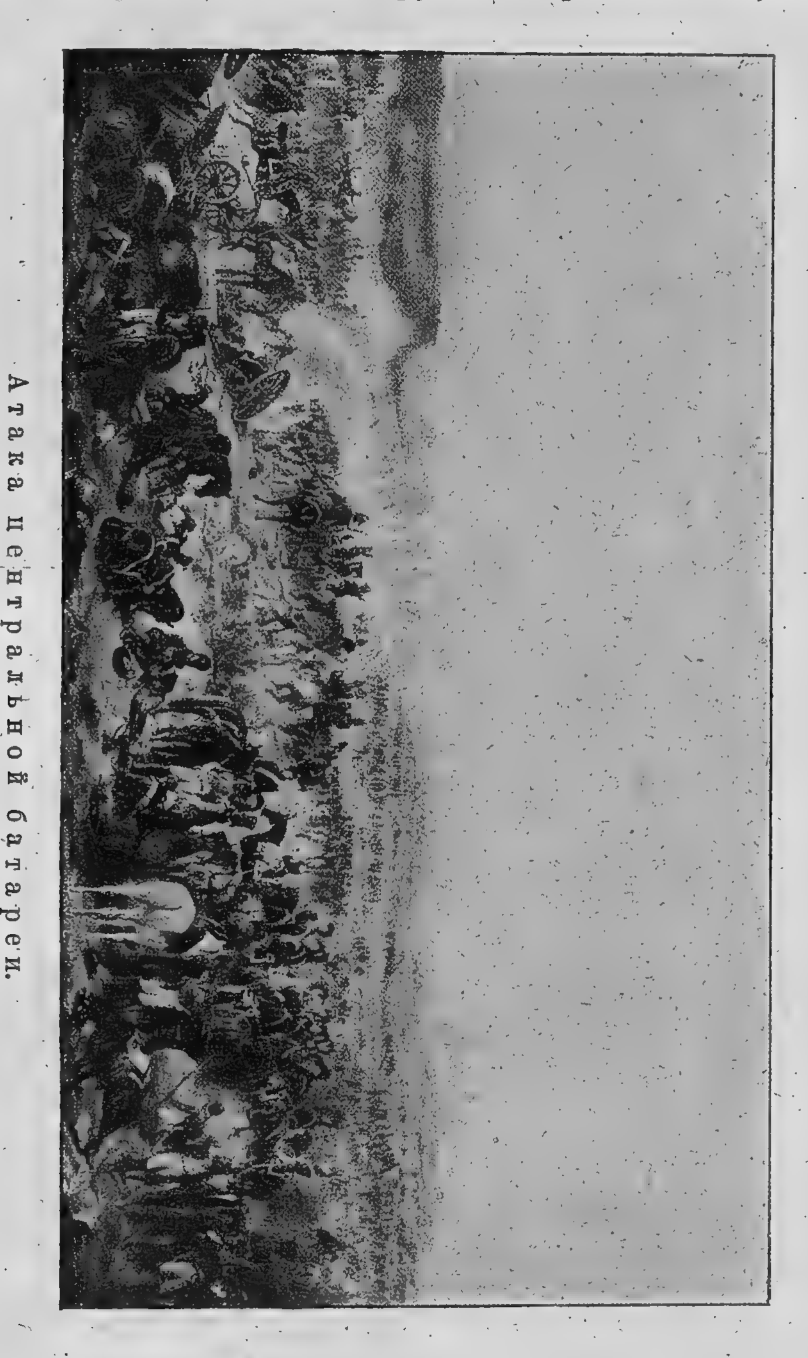
Бой у Семеновскаго.

Одновременно вице-король итальянскій Евгеній Богарне двинулся на село Бородино и заставилъ гвардейскихъ стрѣлковъ уйти за Колочу. Но попытка его перейти чрезъ эту рѣчку была отбита съ большимъ урономъ.

Послѣ неудачи первыхъ двухъ атакъ Наполеонъ началъ новыя съ удвоенными силами.

Уже два корпуса (присоединенъ былъ другой подъ начальствомъ маршала Нея) снова двинулись на Семеновскія флеши. Багратіонъ потребовалъ подкрѣпленій съ праваго фланга, но они могли подойти лишь къ двумъ часамъ. Однако наступленіе непріятелей было встрѣчено нашими войсками страшнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Но это не остановило надвигавшуюся впередъ тучу. Массы непріятеля достигли уже укрѣпленій. Впятеро слабѣйшія числомъ наши войска встрѣтили врага грудью. „Земля тряслась, какъ наши груди. Смѣшались въ кучу кони, люди"... Закипѣла отчаянная рукопашная схватка. Ряды наши рѣдѣли, но не отступали. Цѣлая наша дивизія въ неравной борьбѣ была скошена, уничтожена, и непріятель овладѣлъ укрѣпленіями. Скоро, однако, подоспѣла посланная Тучковымъ дивизія Коновницына. Запылалъ новый ожесточенный бой. Дважды укрѣпленія переходили изъ рукъ въ руки. Въ это время пораженный картечью палъ главный защитникъ лѣваго фланга, доблестный

кн. Багратіонъ, и наши войска, очистивъ укрѣпленія, отошли за оврагъ у деревни Семеновской. Мюратъ со своей конницей напалъ на нихъ, и здѣсь въ грозномъ молчаніи русскіе гвардейцы подпустили вра-

Атака центральной батареи.

говъ на близкое разстояніе къ себѣ. Но вдругъ ряды ихъ сверкнули тысячью выстрѣловъ, и массы непріятельскихъ труповъ усѣяли поле. Самые „желѣзные кирасиры“ Наполеона разсѣялись въ безпорядкѣ. Свѣжія атаки, все настойчивѣе повторявшіяся, заставили насъ

Бородинскій монастырь.

А. П. Ермоловъ.

оставить французамъ и Семеновское, откуда они стали артиллерійскимъ огнемъ обстрѣливать во флангъ батарею Раевскаго.

Послѣ отбитой первой попытки перейти чрезъ Колочу у Бородина, вице-король итальянскій перешелъ эту рѣчку нѣсколько выше и двинулъ свой корпусъ въ атаку на батарею Раевскаго. Несмотря на неравное съ непріятелемъ число ея защитниковъ, и это нападеніе было геройски отбито, но скоро у насъ стало не хватать зарядовъ, и враги овладѣли центральною батареей... Начальникъ штаба первой арміи, генералъ Ермоловъ, схвативъ первыя попавшіяся ему войска, стремительно бросился на враговъ и въ нѣсколько минутъ выбилъ ихъ изъ покинутаго укрѣпленія. Окрестность его была загромождена грудами труповъ.

Въ первомъ часу Наполеонъ сосредоточилъ огромныя силы для новой атаки на батарею Раевскаго, но это нападеніе было задержано неожиданнымъ движеніемъ: лихой атаманъ донскихъ казаковъ Платовъ съ нѣсколькими полками перешелъ черезъ рѣчку Колочу и, обойдя лѣвый флангъ непріятелей, напалъ на ихъ тылъ. Это

Кавалерійская схватка.

произвело переполохъ, и отвлекло вниманіе самого Наполеона отъ нашего центра, что на два часа замедлило атаку на батарею Раевскаго, которая была тѣмъ временемъ поддержана нашими подкрѣпленіями. Возобновившійся въ 2 часа бой сдѣлался еще упорнѣе, еще кровопролитнѣе.

Что произошло въ нашемъ центрѣ, не поддается никакому описанію. Гулъ сотенъ орудій, непрерывная ружейная пальба, крики сражающихся, стоны раненыхъ производили оглушающее впечатлѣніе. Самъ Барклай, какъ будто искавшій смерти, вынужденъ былъ защищаться саблей; около него былъ убитъ пулей въ голову его адъютантъ Ламздорфъ. Подъ давленіемъ превосходныхъ силъ непріятеля наши войска, оставивъ центральное укрѣпленіе, отошли назадъ. Но и отступивъ на $1^1/_2$ версты, они готовы были съ прежней энергіей возобновить бой, чтобы не пустить враговъ въ сердце Россіи. У Наполеона оставался еще двадцатитысячный резервъ, не бывшій въ бою,—это его старая гвардія. Маршалы нѣсколько разъ просили его двинуть ее въ дѣло, чтобы выиграть побѣду. Но императоръ рѣшительно сказалъ, что онъ въ трехъ тысячахъ верстахъ отъ Франціи не желаетъ рисковать послѣднимъ своимъ резервомъ. Артиллерійская кононада продолжалась, но уже атакъ больше не было.

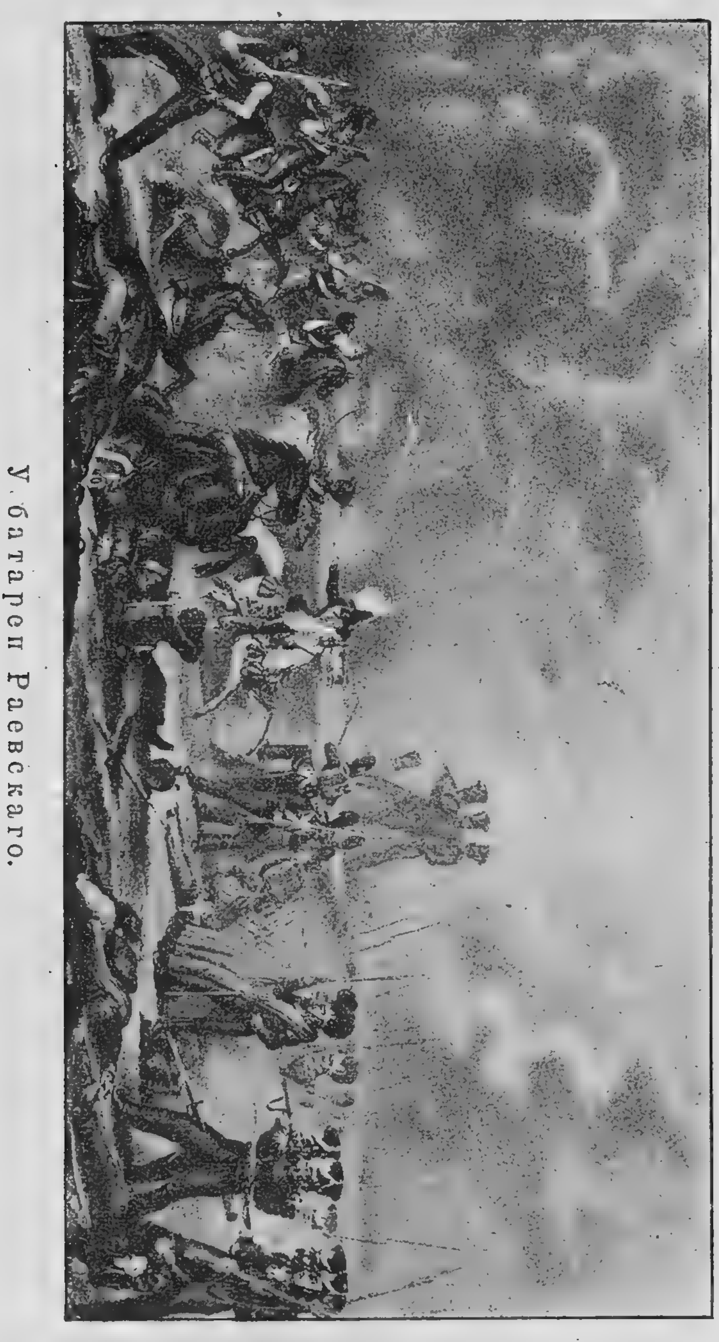
Наполеонъ увидалъ, что достигнутые имъ небольшіе успѣхи были совсѣмъ не то, что было во всѣхъ прежнихъ 50 сраженіяхъ его; онъ понималъ, что двѣнадцатичасовое невыигранное сраженіе равняется при громадности потерь проигранному. Онъ и его войска почувствовали смущеніе передъ врагомъ, который, потерявъ половину войска, стоялъ такъ же грозно въ концѣ битвы, какъ и въ ея началѣ. Нравственная побѣда была одержана не Наполеономъ, а Русскими. На Бородинскомъ полѣ онъ увидалъ, что представляетъ русское воинство, защищающее родную землю, и понялъ всю разницу между нравственною силой Русскаго народа и народовъ Западной Европы, въ борьбѣ съ которыми онъ привыкъ къ быстрымъ и рѣшительнымъ успѣхамъ.

Примѣчательно, что нерѣшительное и съ внѣшней стороны сраженіе и Наполеонъ и Кутузовъ считали каждый своею побѣдою. Первый послалъ извѣщеніе въ Парижъ императрицѣ Маріи-Луизѣ, что онъ одержалъ побѣду надъ русскими войсками подъ Москвою, а Кутузовъ поздравлялъ русскія войска съ побѣдой и думалъ на утро возобновить сраженіе. Такой же характеръ имѣло и его донесеніе императору Александру.

Бородинское поле.

На Бородинскихъ поляхъ мы потеряли выбывшими изъ строя 44.000 человѣкъ, въ томъ числѣ 22 генерала (Тучковы, Горчаковъ, Воронцовъ, Бахметьевъ и друг.) и 2.000 офицеровъ. Не меньше

У батареи Раевскаго.

были и потери непріятеля: у него однихъ генераловъ выбыло изъ строя 49, почему французы называли Бородинское дѣло сраженіемъ генераловъ. У насъ послѣ битвы осталось 52.000 человѣкъ, а у Наполеона—95.000.

Графъ Ростопчинъ.

„Изъ всѣхъ моихъ сраженій, — говорилъ на островѣ св. Елены Наполеонъ, — самое ужасное то, которое далъ я подъ Москвою. Французы показали себя достойными одержать побѣду, а русскіе стяжали право быть непобѣдимыми".

„Не даромъ помнитъ вся Россія про день Бородина", сказалъ нашъ родной поэтъ.

Наступившая ночь положила конецъ битвѣ 26 августа. Въ полночь Кутузовъ, получивъ свѣдѣнія о понесенныхъ потеряхъ, нѣ-

Вступленіе непріятелей въ Москву.
Съ французской гравюры.

сколько иначе взглянулъ на дѣло и, не рѣшаясь на битву на слѣдующій день, отдалъ приказаніе войскамъ отступать за Можайскъ.

Москва, куда стали привозить раненыхъ съ Бородинскаго поля, не знала, что будетъ дальше. Ручаясь своими сѣдыми волосами, Кутузовъ писалъ московскому генералъ-губернатору графу Ростопчину, что онъ не отдастъ Москвы врагамъ безъ боя. Но изъ Москвы быстро вывозились уже святыни и государственныя драгоцѣнности, для чего окрестные крестьяне снарядили 52.000 подводъ, отказываясь брать за это плату. Многія осторожныя семьи также покидали Москву. Но Ростопчинъ все еще продолжалъ увѣрять населеніе столицы, что будетъ новая битва подъ Москвою. По случаю Бородинской битвы онъ напечаталъ слѣдующую, воспроизводимую фотографически, афишку:

Два курьера, отправленные съ мѣста сраженія, привезли отъ Главнокомандующаго арміями слѣдующія извѣстія:

Вчерашній день 26го, было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе. Съ помощію Божіею Руское войско не уступило въ немъ ни шагу, хотя непріятель съ отчаяніемъ дѣйствовалъ противъ его. Завтре надѣюсь я, возлагая мое упованіе на Бога и на Московскую Святыню, съ новыми силами съ нимъ сразиться.

Потеря непріятеля неизчетная. Онъ отдалъ въ приказѣ, чтобъ въ плѣнъ не брать (да и брать нѣкого), и что Французамъ должно побѣдить или погибнуть. Когда сего дня, съ помощію Божіею, онъ отраженъ еще разъ будетъ, то злодѣй и злодѣи его погибнутъ отъ голода, огня и меча.

Я посылаю въ Армію 4000 человѣкъ здѣшнихъ новыхъ солдатъ, на 250 пушекъ снаряды, провіанта. Православные, будьте спокойны. Кровь нашихъ проливается за спасеніе отечества. Наша готова; естьли придетъ время, то мы подкрѣпимъ войска; Богъ укрѣпитъ силы наши, и злодѣй положитъ кости свои въ землѣ Руской.

27 Августа. Графъ Растопчинъ.

1812.

Наполеонъ на Бородинскомъ полѣ.
Съ французской гравюры.

Бородинская битва.

Графъ Милорадовичъ.

1 сентября почти вся армія наша подошла къ Москвѣ, и Кутузовъ приказалъ генераламъ Ермолову и Толю осмотрѣть ея окрестности, удобны ли онѣ для новой битвы. Когда былъ полученъ отрицательный отвѣтъ, онъ созвалъ въ 5 часовъ того дня, въ деревнѣ Филяхъ военный совѣтъ, который собрался въ избѣ крестьянина Савостьянова. Здѣсь были Барклай, Ермоловъ, Раевскій, Коновницынъ, Бенигсенъ, Остерманъ и Толь. Кутузовъ поставилъ на обсужденіе вопросъ: пожертвовать ли арміей, или Москвой? Нѣкоторые генералы и въ особенности Бенигсенъ настаивали на битвѣ. Но Кутузовъ, выслушавъ это и другія мнѣнія, сказалъ: „Съ потерею Москвы не потеряна еще Россія. Первою обязанностью считаю сохранить армію и соединить ее съ идущими къ ней подкрѣпленіями. Знаю, какая отвѣтственность обрушивается на меня, но жертвую собою для блага отечества. Властью, данною мнѣ государемъ, приказываю отступленіе“.

Позднею ночью извѣщенъ былъ объ этомъ графъ Ростопчинъ; войска получили приказаніе итти чрезъ Москву на Рязанскую дорогу, а начальникъ нашего арьергарда, графъ Милорадовичъ,—договориться съ начальникомъ авангарда Мюратомъ, чтобы французы отнюдь не вступали въ Москву до выхода изъ нея всѣхъ русскихъ

войскъ. Мюратъ согласился на это, такъ какъ Милорадовичъ грозилъ не оставить въ Москвѣ камня на камнѣ.

Когда Милорадовичъ подъѣхалъ къ Кремлю, изъ него выходилъ кремлевскій мѣстный гарнизонъ. Его выступленіе звучало какимъ-то раздирающимъ душу диссонансомъ: онъ шелъ съ распущеннымъ знаменемъ и музыкой. Горячій Милорадовичъ подскакалъ къ начальнику отряда и сталъ браниться за то, что это сдѣлано такъ некстати. „Если гарнизонъ при сдачѣ крѣпости получаетъ дозволеніе выступить свободно,—отвѣчалъ начальствовавшій генералъ,—то выходитъ съ музыкой и распущенными знаменами: такъ сказано въ регламентѣ Петра Великаго".—„Да развѣ есть въ регламентѣ Петра Великаго что-либо о сдачѣ Москвы?—вскричалъ Милорадовичъ. — Прикажите замолчать вашей музыкѣ",—и та замолкла.

Войска проходили къ Рязанской заставѣ. Барклай-де-Толли, 18 часовъ не сходя съ лошади, слѣдилъ за ихъ выходомъ у Яузскаго моста. Кутузовъ, понуривъ голову, долго сидѣлъ за заставой на скамейкѣ, ожидая отвѣта отъ Милорадовича и, получивъ донесенія о заключенной съ Мюратомъ конвенціи, перекрестился на Москву и грустный поѣхалъ дальше.

Мрачно, съ тяжелыми думами проходили войска чрезъ Москву. Купцы, стоя у открытыхъ лавокъ, предлагали имъ безплатно брать все, что имъ нужно: не доставайся-де врагамъ наше добро... Москва быстро пустѣла...

2 сентября уже вся армія Наполеона пододвинулась къ Москвѣ и въ 2 часа дня на бѣлой арабской лошади, въ сопровожденіи свиты, императоръ прибылъ на Поклонную гору. Увидавъ Москву, Наполеонъ сказалъ: „Такъ вотъ, наконецъ, этотъ знаменитый городъ... Теперь война кончена. Да и пора ужъ". Сойдя съ коня, онъ сталъ разсматривать дивную панораму Москвы въ зрительную трубку.

Пушечный выстрѣлъ подалъ сигналъ къ вступленію въ городъ арміи. Кавалерія рысью, а пѣхота бѣглымъ маршемъ въ три ближайшія заставы стали входить въ Москву.

Наполеонъ сѣлъ опять на коня и поскакалъ къ Дорогомиловской заставѣ, ожидая, что здѣсь, по примѣру Вѣны, Берлина и другихъ столицъ Запада, встрѣтитъ его депутація изъ властей и знатнѣйшихъ лицъ столицы, съ ключами отъ Кремля на почетномъ блюдѣ. Прискакавшіе изъ Москвы офицеры доложили, что она пуста, оставлена населеніемъ. Москва опять вышла изъ себя, опять опустѣла, опять ушла, но не такъ, какъ при недавней встрѣчѣ Русскаго

Военный совѣтъ на Филяхъ.

царя. „Это невѣроятно,—сказалъ Наполеонъ.—Нужно удостовѣриться въ этомъ. Ступайте и приведите ко мнѣ бояръ“. Онъ нервно зашагалъ у заставы. Скоро привели къ нему группу застрявшихъ въ Москвѣ иностранцевъ, подтвердившихъ непріятную новость, и мрачный онъ заночевалъ въ Дорогомиловской слободѣ, на одномъ постояломъ дворѣ.

Первымъ вступилъ въ Кремль чрезъ Троицкія ворота изъ Мюратова авангарда отрядъ подъ начальствомъ генерала Себастіани. Здѣсь стояла группа народа, вооруженная старинными ружьями, взятыми изъ арсенала. Изъ этой группы раздалось нѣсколько безнадежныхъ выстрѣловъ. Французы дали въ стоявшихъ два залпа, кавалерія начала рубить ихъ саблями. Оказалось, что какіе-то изъ москвичей, принявъ Себастіани за Наполеона, сдѣлали свою отчаянную попытку. Пролилась первая русская кровь въ Москвѣ, и она почти въ ту же минуту, какъ будто по сигналу, заалѣла заревомъ пожа-

Наполеонъ на Поклонной горѣ.
Съ карт. *Верещагина.*

Французы въ Кремлѣ.
Съ современной парижской гравюры.

ровъ, которые вначалѣ показались непріятелямъ простою случайностью.

На другой день по представлявшимъ безлюдную пустыню и застилаемымъ еще не густымъ дымомъ улицамъ мрачно въѣхалъ чрезъ Боровицкія ворота въ Кремль Наполеонъ. Только войдя во дворецъ, онъ почувствовалъ себя лучше. „Такъ вотъ эти гордыя стѣны, — сказалъ онъ. — Наконецъ-то я въ Москвѣ, въ ея Кремлѣ, въ древнемъ дворцѣ русскихъ царей". Обращаясь къ окружающимъ, онъ продолжалъ: „Русскіе еще сами не знаютъ, какое произведетъ на нихъ впечатлѣніе занятіе Москвы. Посмотримъ, что они будутъ дѣлать... Вѣдь мы и зазимуемъ среди враждебнаго намъ народа. Впрочемъ, до этого не дойдетъ: императоръ Александръ не доведетъ меня до этого и подпишетъ миръ".

Но какъ глубоко ошибался Наполеонъ въ Русскомъ царѣ. Когда, черезъ 5 дней послѣ этого, полковникъ Мишо привезъ государю донесеніе Кутузова о занятіи врагами Москвы, тотъ сказалъ слѣдующія достопамятныя слова:

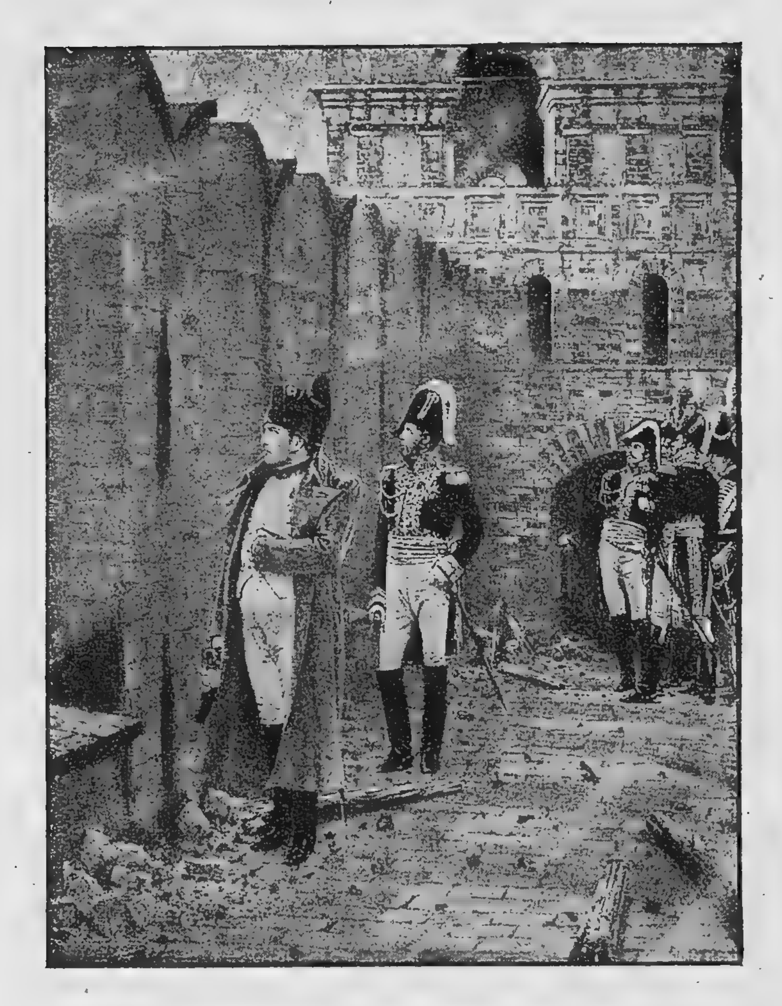
„Возвратитесь въ армію, скажите нашимъ храбрецамъ и объявляйте всѣмъ моимъ вѣрнымъ подданнымъ, гдѣ вы проѣзжать будете, что если у меня не останется ни одного солдата, я стану во главѣ моего дорогого дворянства и моихъ добрыхъ крестьянъ и пожертвую всѣми средствами моей имперіи. Она представляетъ мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ враги мои думаютъ. Но если Божественнымъ Провидѣніемъ предопредѣлено, чтобы моя династія перестала царствовать на престолѣ моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ средства, которыя въ моей власти, я отращу себѣ бороду и скорѣе буду питаться черствымъ хлѣбомъ въ Сибири, нежели подпишу позоръ моего отечества и дорогихъ моихъ подданныхъ, жертвы которыхъ умѣю цѣнить. Наполеонъ или я, я или Наполеонъ, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ".

Если Кутузовъ, войско и народъ пожертвовали Москвой, то царь для спасенія Россіи готовился пожертвовать и собой, и своей династіей, и престоломъ своихъ предковъ.

„Потеря Москвы, — писалъ государь наслѣдному шведскому принцу, — даетъ мнѣ случай представить Европѣ величайшее доказательство моей настойчивости продолжать войну противъ ея угнетателя. После этой раны всѣ прочія ничтожны. Нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, я и народъ, во главѣ котораго я имѣю честь находиться, рѣшились стоять твердо и скорѣе погребсти себя подъ развалинами имперіи, чѣмъ помириться съ Аттилой новѣйшихъ временъ".

Пожаръ Москвы.
Съ французской картины.

Наполеонъ за Кремлевской стѣной.
Съ карт. *Верещагина.*

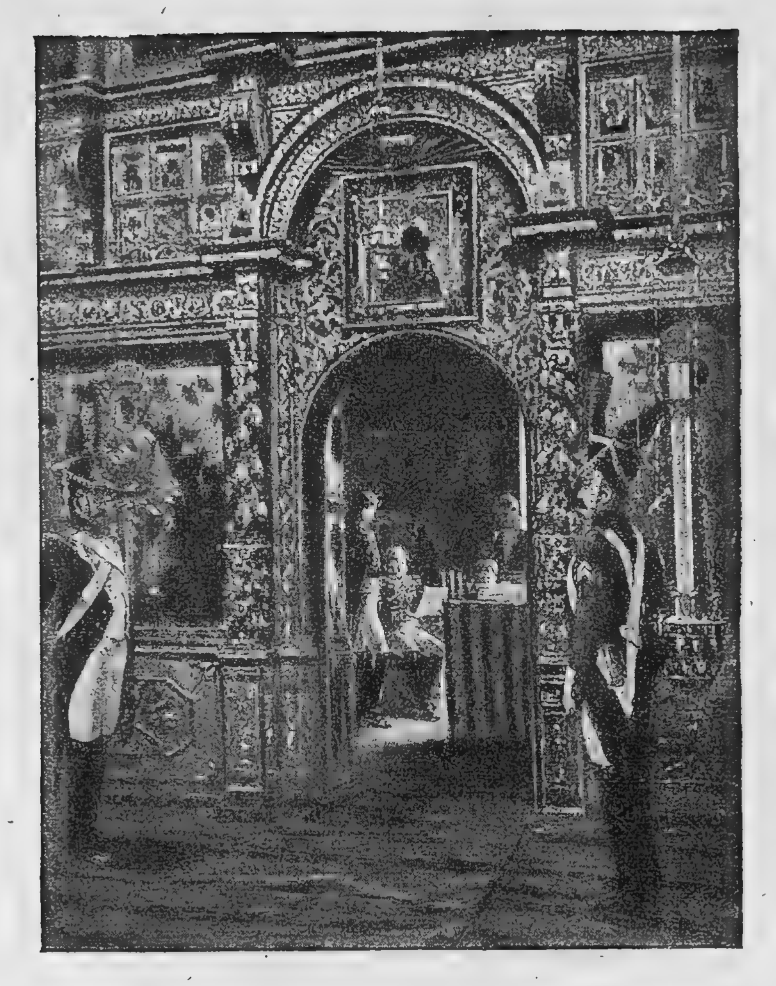
Письмо Наполеона къ государю, въ которомъ онъ отклонялъ отъ себя отвѣтственность за сожженіе столицы, было оставлено безъ отвѣта...

Глубокій переворотъ произвело въ душѣ Александра взятіе Москвы: подъ вліяніемъ этого потрясшаго до послѣдней глубины его душу событія изъ раціоналистическаго деиста онъ обратился въ глубоко вѣрующаго христіанина. Сначала, какъ говорилъ товарищу своей молодости, князю А. Н. Голицыну, онъ ни въ чемъ не находилъ утѣшенія, и ничто не могло разсѣять его мрачныхъ мыслей. Но тотъ, прежде проводившій разсѣянный образъ жизни, въ ту пору искалъ утѣшенія въ религіи и ревностно читалъ Библію. Онъ робко предложилъ государю обратиться за утѣшеніемъ къ тому же источнику. Александръ сначала ничего на это не отвѣтилъ, но, чрезъ нѣсколько

времени, придя къ императрицѣ, спросилъ, не можетъ ли она дать ему почитать Библію. Императрица очень удивилась этой неожиданной просьбѣ и отдала ему свою Библію. Государь ушелъ къ себѣ, принялся читать ее и почувствовалъ себя перенесеннымъ въ совершенно новый міръ понятій. Онъ сталъ подчеркивать карандашомъ всѣ тѣ мѣста, которыя могъ примѣнить къ своему собственному положенію и, когда вновь перечитывалъ ихъ, ему казалось, что какой-то дружескій голосъ придавалъ ему бодрости и разсѣивалъ его прежнія заблужденія. „Пожаръ Москвы,—говорилъ впослѣдствіи императоръ Александръ, — освѣтилъ мою душу и наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я не ощущалъ до тѣхъ поръ. Тогда я позналъ Бога. Теперь только я научился знать Бога, какъ открываетъ Его Св. Писаніе; теперь я понимаю Его волю и Его законъ; теперь созрѣло и утвердилось во мнѣ рѣшеніе посвятить себя и свое правленіе споспѣшествованію Его славы. Съ этого времени я сдѣлался другимъ“... Одна изъ современницъ, близко знавшая „о внезапной перемѣнѣ, происшедшей въ этой чистой и страстной душѣ“, говорила, „что чудныя событія этой страшной войны окончательно убѣдили его, что для народовъ, какъ и для царей, спасеніе и слава только въ Богѣ“...

Бивакъ французовъ въ Москвѣ.

Въ Чудовомъ монастырѣ. Канцелярія маршала Даву.
Съ карт. *Верещагина.*

Глубокое впечатлѣніе занятіе Москвы Наполеономъ и ея пожаръ произвели и на войска и на народъ. Уходившія отъ столицы войска нѣсколько дней въ страшномъ волненіи оглядывались на зарево горѣвшей Первопрестольной. Вѣсти объ ея гибели быстро распространялись отъ очевидцевъ по всей Россіи въ народѣ, страшно вооружая на враговъ всѣхъ отъ стараго до малаго. Вотъ какъ отразились грозныя впечатлѣнія этого въ безыскусственной солдатской пѣснѣ:

Ночь темна была и немѣсячна,
Рать скучна была и нерадостна.
Всѣ солдатушки призадумались,
Призадумались, горько всплакнули.
Велико чудо совершилося:
У солдат слезы градомъ сыпались,

Не люта змѣя кровожадная
Грудь сосала, ихъ грудь богатырскую
То тоска грызла ретивы сердца,
Ретивы сердца, молодецкія.
Не отцовъ родныхъ оплакивали
И не женъ молодыхъ и не дѣтушекъ,
Какъ оплакивали мать родимую—
Мать родимую, мать-кормилицу—
Златоглавую Москву милую.

. . . .

Молодцы-братцы, удалы друзья,
Неизмѣнныя чада русскія!
Мы дадимъ, братцы, клятву кровную,
Клятву кровную, задушевную,
Чтобъ не взвидѣть намъ ни домовъ своихъ
Ни отцовъ родныхъ, ни младыхъ намъ женъ,
Малыхъ дѣтушекъ, роду-племени,
Не отмстивъ врагу за родну Москву.
И мы примемся по-старинному,
По-старинному, по-суворовски,
Закричимъ „ура“ и пойдемъ впередъ,
На штыкахъ пройдемъ силы вражіи,
Перебьемъ мы ихъ, переколемъ всѣхъ.

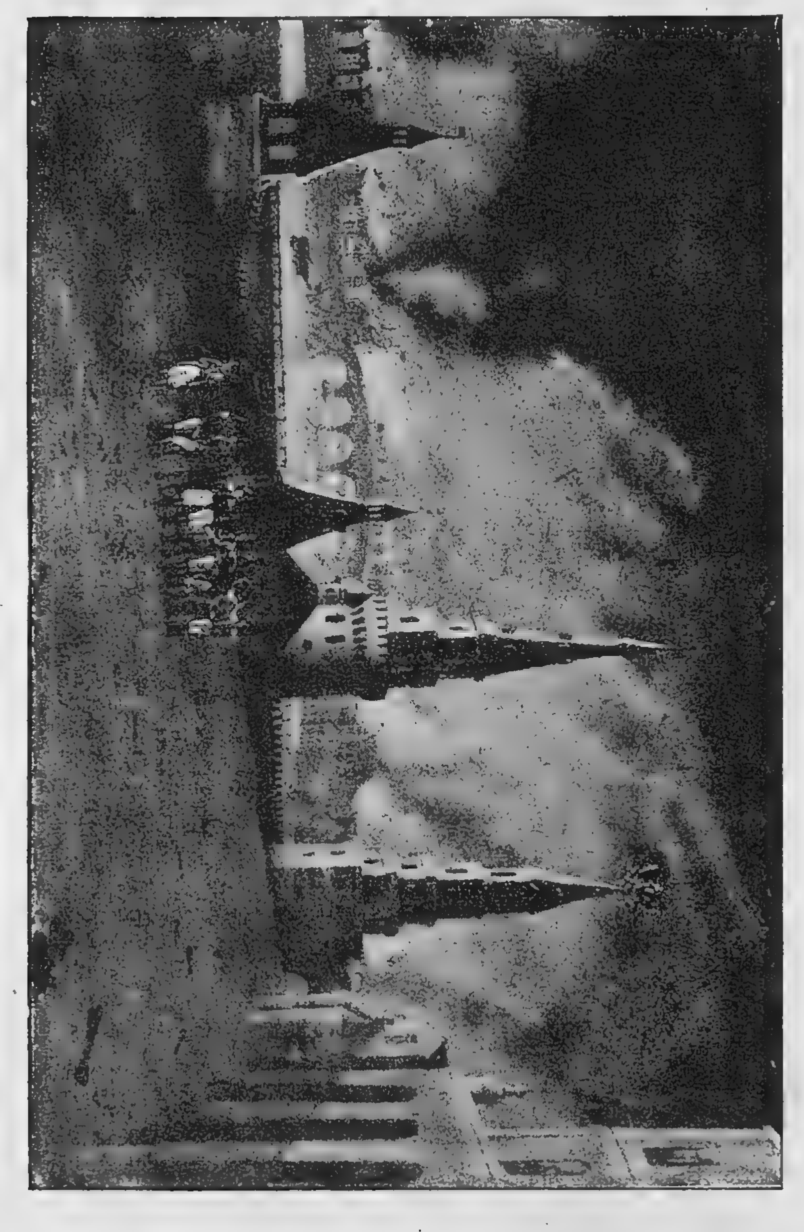
То, что охватывало войско и простой народъ, ощущали и стоявшіе надъ ними общественные слои. Одинъ изъ поэтовъ того времени, обращаясь къ Москвѣ, говорилъ:

Гори, родная! Богъ съ тобою.
Я самъ, перекрестясь, съ мольбою,
Своею грѣшною рукою
Тебя зажегъ...

На улицѣ московской въ 1812 году.

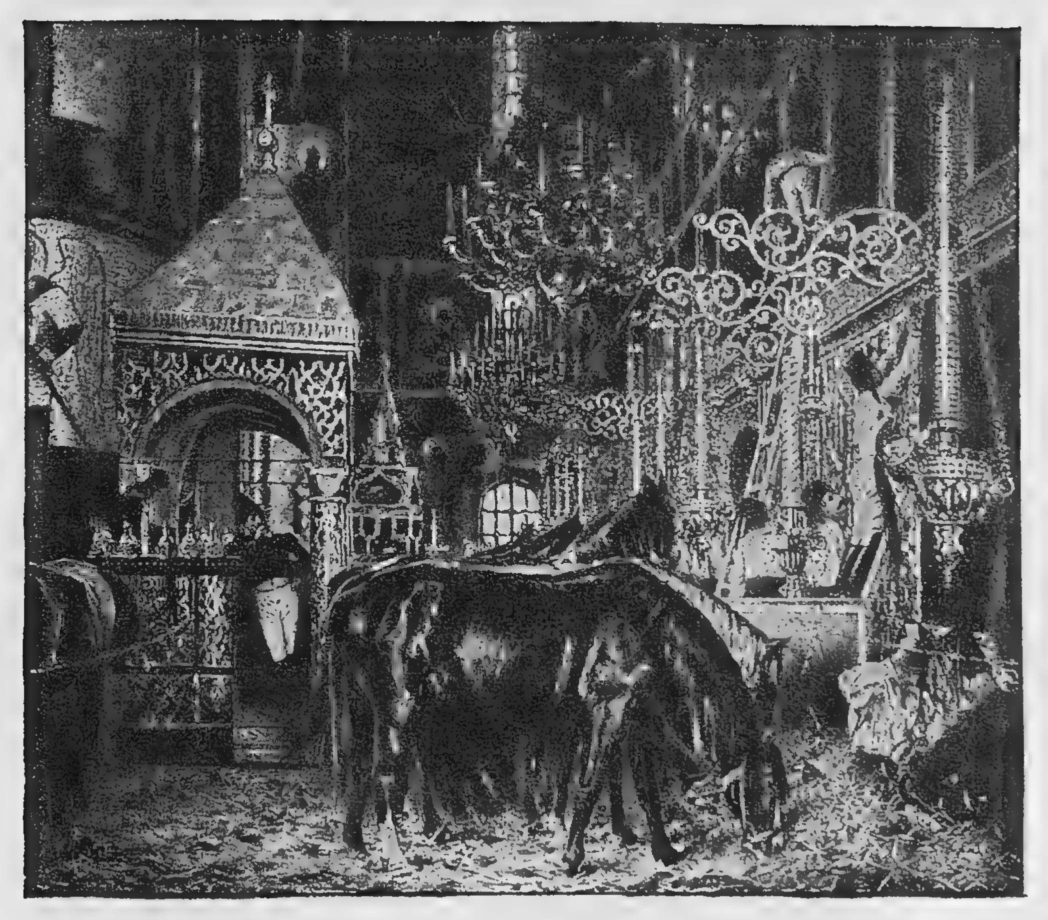
Враги въ Москвѣ, Москва въ неволѣ,
Пусть гибнетъ все. Своей рукою
Свой домъ зажегъ... Гори со мною...
Москва пылаетъ за отчизну,
Кровавую готовьте тризну.

Пожаръ Москвы.

Другой поэтъ, обращаясь къ погибшимъ защитникамъ отечества, писалъ:

У насъ не было вдоволь свѣчъ про васъ,
Вдоволь не было воску яраго;
Мы зажгли за васъ лишь одну свѣчу

Въ Успенскомъ соборѣ.
Съ карт. *Верещагина.*

И поставили въ храмѣ Божіемъ,
Лишь одну свѣчу—Москву-матушку.
Вамъ друзьямъ нашимъ въ упокой души,
А врагамъ лихимъ къ посрамленію.

Самонадѣянный Наполеонъ еще не подозрѣвалъ сбирающейся страшной грозы и, несмотря на то, что въ Москвѣ пылали Гостиный дворъ и Китай-городъ, крѣпко проспалъ въ Кремлевскомъ дворцѣ первую свою московскую ночь.

Проснувшись на слѣдующее утро, въ 7 часовъ, онъ, не вставая съ постели, спросилъ своего лейбъ-медика Метивье, что новаго, и на отвѣтъ его, что пожары разрастаются, замѣтилъ, что это простая неосторожность солдатъ, варящихъ себѣ пищу у деревянныхъ построекъ. Но вдругъ въ окнѣ увидалъ онъ страшное зарево, отвѣчавшее на его слова: онъ вскочилъ съ постели, толкнулъ мамелюка, надѣвавшаго ему сапоги, такъ, что тотъ упалъ навзничь, и впился

глазами въ окно, предъ которымъ разливалось огненное море по Замоскворѣчью...

Трудно проницаема темная душа Наполеона, но воспоминанія очевидцевъ и самого Наполеона предъ смертью на островѣ св. Елены, гдѣ онъ трагично кончилъ свою жизнь, даютъ намъ возможность взглянуть и въ эту пропасть.

Но прежде прочтемъ, что пишетъ графъ Сегюръ, бывшій въ это время съ Наполеономъ въ Кремлѣ и послѣ писавшій его исторію.

„4 сентября, Наполеонъ, котораго не хотѣли разбудить ночью, въ виду разрастающагося пожара въ Москвѣ, проснулся, однако, раньше отъ двойного свѣта — дня и пожара. Первымъ его движеніемъ былъ гнѣвъ: онъ хотѣлъ властвовать даже надъ стихіями. Но скоро онъ долженъ былъ преклониться предъ необходимостью. Удивленный тѣмъ, что, поразивъ въ сердце Русскую имперію, онъ встрѣтилъ не изъявленія покорности и страха, а совершенно иное, почувствовалъ онъ, что его побѣдили и превзошли въ рѣшимости. Это завоеваніе, для котораго онъ принесъ все въ жертву, исчезало въ его глазахъ въ облакахъ страшнаго дыма и моря пламени. Имъ овладѣло страшное безпокойство; казалось, его самого пожиралъ огонь, который окружалъ его въ Москвѣ. Ежеминутно онъ вставалъ, ходилъ порывисто по дворцу, принимался за работу и бросалъ ее, чтобы посмотрѣть въ окно на море огня. Изъ груди его вырывались короткія восклицанія: „Какое ужасное зрѣлище: это они сами поджигаютъ городъ; сколько прекрасныхъ зданій, какая необычайная рѣшимость! Что за люди! Это скиѳы".

И на островѣ св. Елены, доживая свою бурную жизнь, Наполеонъ каждый разъ при словѣ „Москва" испытывалъ глубочайшее волненіе, вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ и однажды написалъ въ своихъ запискахъ:

„Никогда всѣ поэты, изображая сказочный пожаръ Трои, не могли въ своемъ изображеніи представить что-либо похожее на дѣйствительный пожаръ Москвы. Ужасающій вѣтеръ раздувался самымъ пожаромъ и производилъ огненные вихри. Предъ нами былъ буквально океанъ огня. Повсюду поднимались горы пламени, съ невѣроятной быстротой вздымались къ раскаленному небу и также быстро падали въ огненное море. Это величайшее и поразительнѣйшее и въ то же время ужаснѣйшее зрѣлище, какое мнѣ когда-либо приходилось видѣть".

Такъ описываетъ онъ эту жертву всесожженія, которую русскій патріотизмъ, не останавливаясь ни предъ чѣмъ, принесъ для спасенія своего отечества.

Наполеонъ среди развалинъ Москвы.

Отъ горѣвшаго Китай-города съ Никольской и Ильинкой и изъ громадныхъ товарныхъ складовъ, отъ горѣвшаго Замоскворѣчья, отъ пожара громадныхъ винныхъ казенныхъ складовъ, вслѣдствіе пожарныхъ вихрей, летѣли на Кремль не то, что искры, а цѣлыя головни, которыя едва успѣвали тушить солдаты расположенной въ Кремлѣ молодой гвардіи. Кремль былъ въ страшной опасности, потому что въ немъ было много пороховыхъ ящиковъ и взрывныхъ снарядовъ; Кремль гудѣлъ отъ адской музыки, отъ свиста и рева огненныхъ смерчей, отъ грохота падавшихъ по всей Москвѣ стѣнъ, отъ жалобнаго стона разбивавшихся при паденіи колоколовъ. Но Наполеонъ, показывая наружное спокойствіе, не разставался съ дворцомъ.

Наконецъ раздались крики: „горитъ Кремль!“ Загорѣлась Троицкая башня и арсеналъ. Тогда только Наполеонъ вышелъ изъ дворца и самъ сталъ тушить пожаръ, но маршалы на колѣняхъ упросили его покинуть Кремль, изъ котораго онъ съ величайшимъ трудомъ выбрался въ Петровскій дворецъ; на пути онъ едва не погибъ въ огнѣ: его вывели изъ моря пламени повстрѣчавшіеся французскіе солдаты.

6-го въ ночь начались дожди, да и Москва догорѣла, а 8 сентября онъ возвратился опять въ Кремль.

Проѣзжая по обгорѣлымъ улицамъ, Наполеонъ встрѣчалъ характерныя группы солдатъ, сидѣвшихъ у костровъ. Они подкладывали въ огонь расколотыя иконы, палисандровое дерево отъ дорогой мебели, золотыя рамы отъ картинъ. Кругомъ валялись сахаръ и сласти, награбленныя въ Москвѣ; но ни у кого не было ни хлѣба, ни мяса.

Фуражировка войска въ окрестныхъ селахъ Москвы была невозможна: кругомъ сгорѣвшей столицы уже зловѣще поднялся народъ; крестьяне или убивали небольшія отдѣльныя группы непріятельскихъ солдатъ, или уходили отъ большихъ отрядовъ въ лѣса. Застигнутые же врасплохъ не хотѣли ничего продавать непріятелямъ не только за фальшивыя наполеоновскія ассигнаціи, но и за чистую монету.

Упадокъ дисциплины, мародерство, побѣги, буйства и безчинства всякаго рода росли не по днямъ, а по часамъ и совсѣмъ губили армію.

Много дней развѣдки, гдѣ находится Кутузовъ съ русской арміей, не давали результатовъ: казалось, русское войско пошло, словно ключъ, ко дну. Вѣстей изъ Петербурга не было ровно никакихъ. Наполеонъ написалъ императору Александру I письмо, но оно оставлено было, какъ сказано выше, безъ отвѣта. Онъ послалъ генерала Лористона къ найденному уже Кутузову съ предложеніемъ хоть о перемиріи, но тотъ сказалъ, что государь уполномочилъ его только на военныя дѣйствія и прямо запретилъ ему какія бы ни было мирные переговоры, что война только теперь и начинается.

Наполеонъ понималъ, что дѣло проиграно безповоротно, но, отводя глаза своимъ приближеннымъ, говорилъ, что онъ предприметъ походъ на Петербургъ, или отойдетъ на зимнія квартиры въ Литву и Польшу.

Въ вынужденномъ бездѣйствіи онъ предавался несбыточнымъ мечтаніямъ: говорилъ, что по возстановленіи королевства польскаго со всею западною и южною Русью, восточную Русь слѣдуетъ подѣлить на прежнія удѣльныя княжества, а въ московскомъ княжествѣ посадить кого-либо изъ Долгоруковыхъ, которые приближались при Петрѣ II къ русскому престолу, готовился обнародовать декретъ объ освобожденіи крестьянъ. Даже не стыдился говорить, что нужно поднять татаръ на русскихъ, отыскать новаго Пугачева, чтобы взбунтовать крестьянъ противъ помѣщиковъ и т. д.

Выѣздъ Наполеона изъ Москвы.

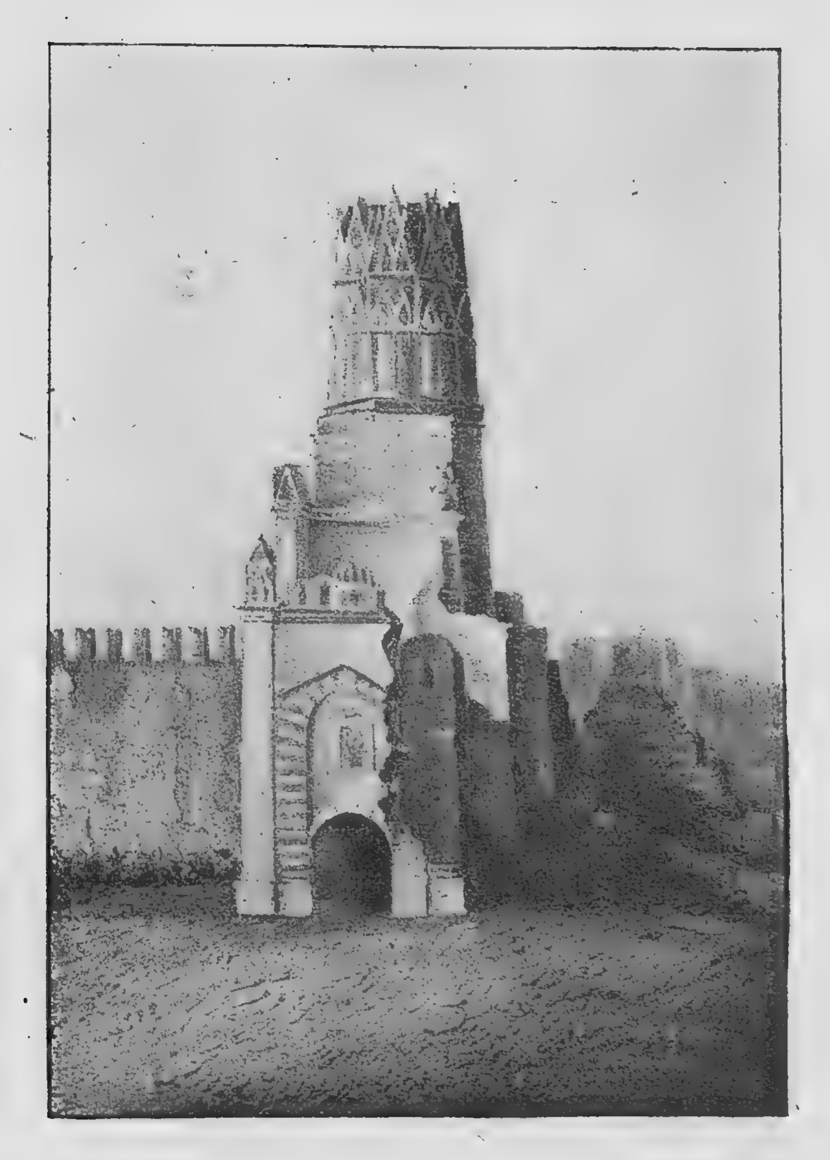
Найдя въ Москвѣ нѣсколько французскихъ актеровъ и актрисъ, Наполеонъ устроилъ театръ на Никитской, а въ Кремлѣ давались концерты, на которыхъ пѣлъ итальянецъ Тарквиніо и игралъ на клавесинахъ Мартини. Ѣздилъ по Москвѣ и посѣтилъ съ Мюратомъ раскольниковъ на Преображенскомъ кладбищѣ; его встрѣтили здѣсь съ хлѣбомъ-солью и присягнули ему на подданство.

Но начавшіеся ранніе морозы подняли болѣзни и смертность въ разложившейся арміи. Наполеонъ тайно, къ концу сентября, сталъ подготовлять уходъ изъ Москвы. Въ первыхъ числахъ октября послалъ съ отрядомъ войска Мюрата противъ русской арміи, фланговымъ движеніемъ перешедшей съ Рязанской дороги на Калужскую, для защиты всего нашего юга отъ полчищъ Наполеона. Но Мюратъ былъ разбитъ у Тарутина, о чемъ рѣчь впереди.

Злоба Наполеона теперь достигла своихъ предѣловъ: не довольствуясь тѣмъ, что сгорѣвшая Москва была разграблена, что святыни ея осквернены (его маршалы обѣдали на нашихъ святыхъ престолахъ, спали въ алтаряхъ нашихъ храмовъ, какъ, напримѣръ, Даву — въ алтарѣ у святителя Алексѣя въ Чудовомъ монастырѣ). Наполеонъ, уѣзжая изъ Москвы и выводя изъ нея свою жалкую армію, приказалъ начальнику своего арьергарда, маршалу Мортье, взорвать Кремль съ его соборами, дворцами, башнями и стѣнами. Послѣ онъ говорилъ, что *Москва утратила навсегда значеніе, сожжена и разорена на сто лѣтъ.*

Мортье подвелъ въ Кремлѣ пороховыя мины подъ стѣны и зданія и въ ночь на 11 октября съ своимъ послѣднимъ уже отрядомъ выступилъ изъ Москвы; отойдя отъ нея на нѣсколько верстъ, онъ выстрѣломъ изъ пушки подалъ роковой сигналъ: раздались семь, одинъ за другимъ, взрывовъ, взлетѣли на воздухъ нѣсколько кремлевскихъ башенъ, часть стѣны, арсеналъ и царскій дворецъ, но не были взорваны соборы; взлетѣла пристройка къ Ивану Великому, но самъ онъ, давъ трещину, устоялъ. На утро москвичи, прятавшіеся въ подвалахъ и погребахъ, услыхали колокольный звонъ въ нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ храмахъ и радостно пошли на молитву. Больше всего молящихся было въ Страстномъ монастырѣ.

На другой день отрядъ казаковъ, подъ командой Иловайскаго, вступилъ въ Москву, а начальникъ тверского ополченія занялъ Кремль. Тамъ догорали дворецъ и другія зданія. На колокольнѣ Ивана Великаго не было креста: его приказалъ снять и увезъ съ собою Наполеонъ. Соборы были страшно разграблены и оскверменены

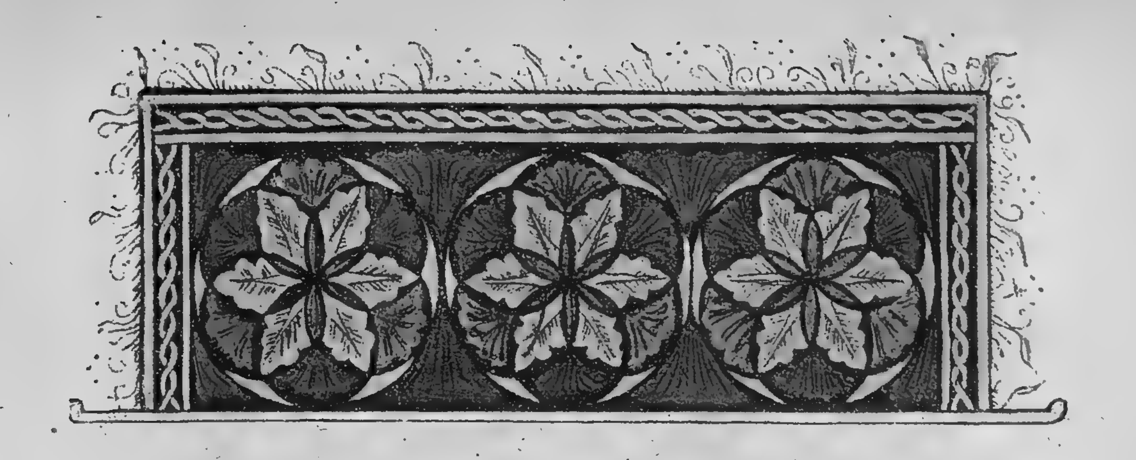
Взорванная Никольская башня.

нены носителями западной культуры и свободы совѣсти... Вокругъ Успенскаго собора стояли горны, въ которыхъ непріятели плавили въ слитки содранное съ иконъ золото и серебро. На царскомъ мѣстѣ первопрестольнаго храма было написано мѣломъ: 325 пудовъ серебра и 18 пудовъ золота. Запись относилась къ захваченнымъ святынямъ и древностямъ Москвы...

Когда князю Кутузову донесли, что враги оставили Москву, онъ заплакалъ и, перекрестившись на образъ Спасителя, сказалъ: „Боже, Создатель мой! Наконецъ Ты внялъ молитвѣ нашей. Съ этой минуты Россія свободна“...

Вступленіе русскаго отряда въ Кремль.

VI.

Тарутинскій лагерь и битва съ Мюратомъ.—Малая война и предводители партизановъ.—Живое участіе въ войнѣ самого русскаго народа.—Битва при Малоярославцѣ, Вязьмѣ и Красномъ.—Бѣгетво „великой арміи".—Переправа чрезъ Березину.—Конецъ народной войны.—Какъ отразилось ея значеніе въ манифестахъ императора Александра I?

Главнокомандующій нашъ, отдавая Москву врагамъ, двинулся, какъ мы знаемъ, со своими войсками по Рязанской дорогѣ лишь для того, чтобы показать Наполеону видъ, что они уходятъ на востокъ, но чрезъ два перехода отвелъ ихъ на Калужскую дорогу, чтобы отрѣзать Наполеону пути на Тулу, гдѣ находился оружейный заводъ, и въ хлѣбородныя южныя губерніи, которыя могли доставить продовольствіе для его арміи.

Остановившись 20 сентября лагеремъ у села Тарутина, на рѣкѣ Нарѣ, въ 80 верстахъ отъ Москвы, Кутузовъ сказалъ: „Теперь ни шагу назадъ". Но, желая какъ можно долѣе задержать Наполеона въ Москвѣ тщетнымъ ожиданіемъ мира, главнокомандующій распускалъ слухи, будто русское войско разстроено до крайности, чего на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не было; напротивъ того, къ нему отовсюду подходили подкрѣпленія; съ Дона, ополчившагося поголовно, пришли 26 казачьихъ полковъ; прибывали отовсюду новобранцы, быстро обучавшіеся и комплектовавшіе убыль въ полкахъ. Съ разныхъ сторонъ подходили обозы съ продовольствіемъ, отъ чего войска наши не чувствовали ни въ чемъ ни малѣйшей нужды.

Въ дни отдыха можно было дать изъ этого лагеря нѣкоторую организацію еще ранѣе начавшейся партизанской и народной войнѣ, которая своими летучими и неожиданными нападеніями не мало наносила непріятелямъ вреда, отбивая у нихъ ихъ провіантскіе обозы между Москвою и Смоленскомъ и въ другихъ мѣстахъ и

Атаманъ донскихъ казаковъ Платовъ.

истребляя непріятеля по частямъ. Предводители партизанскихъ отрядовъ входили въ сношенія съ Кутузовымъ и получали отъ него небольшія подкрѣпленія изъ арміи. Изъ нихъ особенно выдавались Фигнеръ, Давыдовъ, Сеславинъ, Кудашевъ и крестьянинъ Куринъ.

Отважный молодой дворянинъ Фигнеръ, спрятавъ гдѣ-нибудь въ лѣсу своихъ удальцовъ, переодѣваясь во французскій мундиръ, являлся то въ Москвѣ, то въ другихъ мѣстахъ въ самыхъ стоянкахъ непріятелей. Въ одномъ мѣстѣ онъ дѣлалъ на чистомъ французскомъ языкѣ выговоръ французскимъ разъѣздамъ за оплошность, говоря, что поблизости показался отрядъ казаковъ; въ другомъ мѣстѣ говорилъ, что такую-то деревню занимаютъ русскіе и что за провіантомъ нужно итти совсѣмъ въ другую сторону; а вызнавъ слабую сторону непріятелей, внезапно нападалъ на нихъ и истреблялъ ихъ; отнималъ у нихъ оружіе и даже пушки и уводилъ не

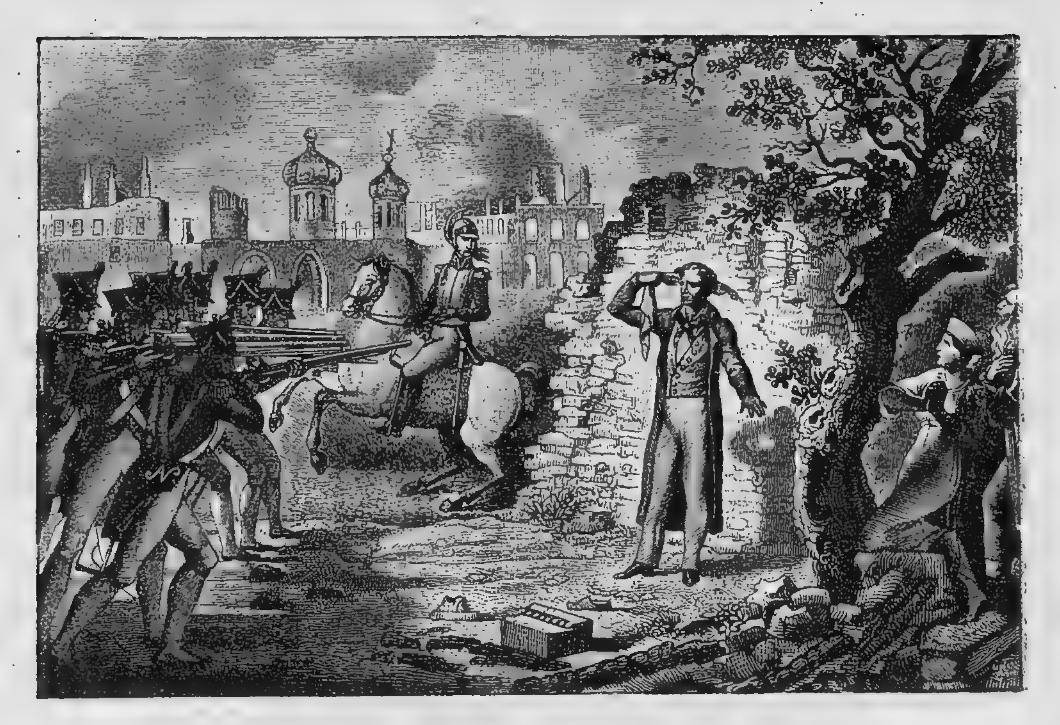
мало плѣнныхъ. Французы назначили большую цѣну за его отважную голову. Подобнымъ образомъ дѣйствовалъ и Денисъ Давыдовъ, храбрый гусарскій офицеръ и даровитый поэтъ. Достопамятенъ и героизмъ Энгельгардта, смоленскаго помѣщика, полковника въ отставкѣ. Онъ со своими крестьянами не мало истреблялъ непріятелей. Вѣсти объ этомъ дошли до французовъ, занимавшихъ въ то время Смоленскъ; они схватили его и присудили къ разстрѣлянію, но предъ исполненіемъ приговора стали уговаривать его поступить на французскую службу. Съ негодованіемъ отвергъ измѣну отечеству доблестный Энгельгардтъ и, сорвавъ съ глазъ своихъ платокъ, закричалъ солдатамъ: „Стрѣляйте". Когда же они, думая поколебать его мужество, сперва ранили его въ ногу и возобновили свои уговоры, онъ оставался непреклоннымъ и смѣло отвѣчалъ новымъ отказомъ. Сдѣланъ былъ залпъ, но упавшій мученикъ еще дышалъ, и одинъ солдатъ, снова зарядивъ ружье, добилъ его выстрѣломъ въ голову. Въ честь этого героя поставленъ памятникъ близъ крѣпостныхъ воротъ Смоленска, гдѣ онъ легъ костьми своими. Тоже чрезъ нѣкоторое время повторилось и съ партизаномъ Шубинымъ.

Не отставали отъ помѣщиковъ и крестьяне. Во многихъ селахъ они возставали противъ враговъ поголовно. Спрятавъ свои семейства и пожитки въ лѣсахъ, они составляли дружины, выбирая для нихъ предводителей изъ отставныхъ солдатъ. Въ селеніяхъ у околицъ ставили караулы, а на колокольняхъ,—дозорныхъ, которые, при появленіи непріятелей, били въ набатъ. Крестьяне сбѣгались изъ сосѣднихъ деревень, вооруженные топорами и косами, и истребляли вражескій отрядъ, а если онъ былъ очень силенъ, уходили отъ него. Въ дѣлахъ партизановъ принимали участіе крестьянскія женщины и даже дѣвушки.

Крестьянинъ Московской губерніи, Вохнинской волости, Герасимъ Куринъ, предводительствовалъ партизанскимъ отрядомъ своей округи въ нѣсколько тысячъ крестьянъ, которые истребили много непріятелей, а порой давали имъ своего рода битвы. Нерѣдко, впрочемъ, они устраивали имъ западни и за-

Партизанъ Сеславинъ.

Смерть партизана Энгельгардта.

сады. Такъ однажды французы послали въ село Павлово значительный отрядъ для сбора провіанта. Часть его подъ начальствомъ полковника вступила въ село и потребовала съѣстныхъ припасовъ. Куринъ заманилъ ихъ въ одинъ дворъ, завалилъ ворота и, окруживъ со всѣхъ сторонъ, истребилъ всѣхъ до одного; а другой отрядъ, остановившійся недалеко отъ села, сдѣлался жертвою другихъ партизановъ Курина.

Такъ полчища Наполеона должны были сражаться не только съ нашими войсками, но и съ народомъ. Если партизанская война въ Испаніи надѣлала много бѣдъ Наполеону, то она у насъ сдѣлалась для него еще бѣдственнѣе.

Россія тѣмъ отличалась отъ Испаніи, какъ замѣтилъ и самъ Наполеонъ, что она была безъ границъ, безъ городовъ, безъ средствъ... Но къ этому нужно добавить еще и то, что нашъ народъ былъ одушевленъ болѣе глубокою преданностью престолу и отечеству.

Столкновеніе же арміи Наполеона съ регулярными русскими войсками произошло, какъ уже было упомянуто, ранѣе его отъѣзда изъ Москвы, именно 6 октября. Прежде другихъ выступили отсюда отряды маршала Мюрата и расположились на югъ отъ столицы на рѣкѣ Чернишнѣ на сѣверъ отъ Тарутина. Наши войска, подъ начальствомъ Бенигсена, атаковали здѣсь и разбили 20-тысячный корпусъ

французовъ. Это первое пораженіе убѣдило окончательно Наполеона, что больше сидѣть въ Москвѣ нечего. Его планъ заключался въ томъ, чтобы, двинувшись на югъ, напасть на Кутузова,

Битва при Тарутинѣ 6 октября.

принудить его отойти подальше, а самому по Смоленской дорогѣ спокойно отступить на западъ. Но такого рода отступленіе уже было невозможнымъ. Самъ императоръ Александръ составилъ планъ окончательнаго уничтоженія непріятельской арміи. Онъ далъ

приказаніе Кутузову дѣйствовать на тылъ ея, а адмиралу Чичагову, находившемуся на Волыни съ воротившимися изъ турецкаго похода войсками, двинуться черезъ Минскъ на рѣку Березину и, помѣшавъ его переправѣ чрезъ нее, преградить непріятелю дальнѣйшее отступленіе; съ Чичаговымъ долженъ былъ соединиться Витгенштейнъ, дѣйствовавшій противъ французовъ на среднемъ теченіи Западной Двины.

Къ 11 октября передовыя войска Наполеона по Калужской дорогѣ дошли до Малоярославца и, занявъ этотъ городъ, готовились къ дальнѣйшему наступленію на югъ. Но такое движеніе не могло уже осуществиться. На слѣдующій день, рано утромъ, сюда подошли передовыя колонны Кутузова подъ начальствомъ Дохтурова, за которыми невдалекѣ слѣдовалъ самъ главнокомандующій съ главными силами. Дохтуровъ немедленно атаковалъ городъ и выбилъ изъ него непріятеля. Получивъ покрѣпленія, французы снова заняли городъ. Но тутъ завязался ожесточеннѣйшій бой, продолжавшійся весь день. Русскіе и французы бились въ рукопашную въ тѣсныхъ улицахъ горѣвшаго города, который восемь разъ переходилъ изъ руки въ руки. Къ вечеру городъ остался у непріятеля, но потери обѣихъ сторонъ были одинаково весьма значительны. Къ концу боя всѣ войска Кутузова подошли сюда и преградили Наполеону дальнѣйшее наступленіе на югъ. Нужно было или дать большую битву въ родѣ Бородинской или отступать на западъ по опустошенной Смоленской дорогѣ. Наполеонъ предпочелъ послѣднее и двинулъ войска чрезъ Можайскъ и памятное Бородино къ Смоленску.

„Великой арміи“ уже не было, а то, что осталось отъ нея, подлежало неизбѣжной гибели. Главныя силы Кутузова двигались параллельно пути отступленія непріятеля, дѣйствуя противъ него съ фланга; казаки атамана Платова преслѣдовали непріятеля по пятамъ съ тыла; отряды партизановъ и вооруженныхъ жителей окружали отступающую армію со всѣхъ сторонъ. Къ этому присоединились голодъ и холодъ и утомленіе отъ быстрыхъ переходовъ среди постоянныхъ тревогъ и нападеній.

Солдаты толпами оставляли знамена и, бросивъ оружіе, бродили по деревнямъ, напрасно ища спасенія отъ голодной смерти. Дисциплина страшно расшаталась, и рядовые не слушали своихъ офицеровъ. Но это все было еще только началомъ бѣдствій.

22 октября авангардъ Милорадовича и казаки Платова съ партизанами настигли у Вязьмы корпуса вице-короля итальянскаго и

Памятникъ на Бородинскомъ полѣ.

поляковъ Понятовскаго и дали бой, продолжавшійся съ разсвѣта до 6 часовъ вечера. Враги, потерявъ 4 тысячи убитыми и 3 тысячи плѣнными, принуждены были поспѣшно отступить дальше на западъ.

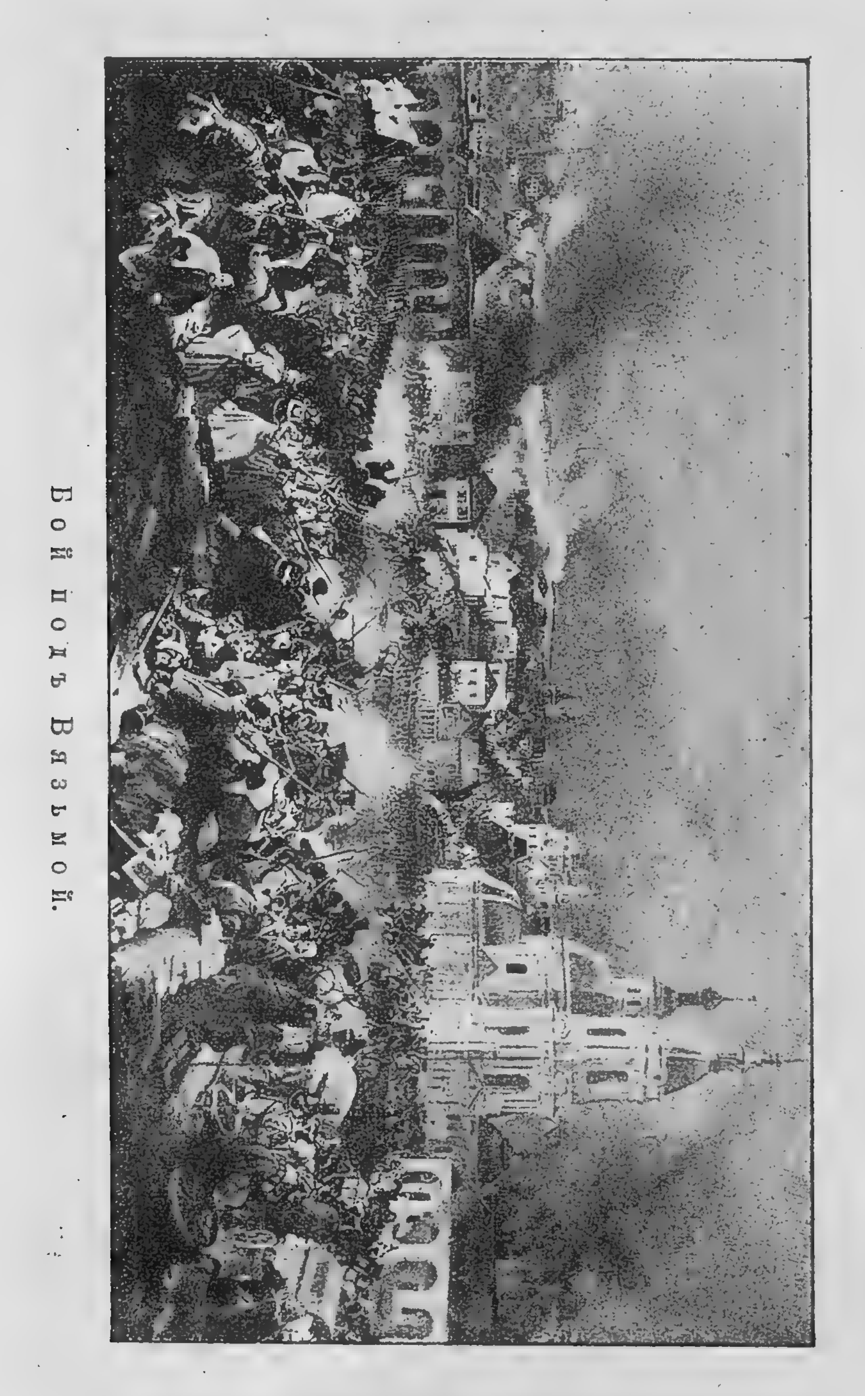
Надежда отдохнуть въ Смоленскѣ не осуществилась, потому что сюда подошли русскія войска, а Наполеонъ вынужденъ былъ продолжать безнадежное отступленіе.

Вскорѣ, по оставленіи Смоленска, армія его подверглась цѣлому ряду тяжкихъ ударовъ со стороны преслѣдующихъ его русскихъ.

Битва у Малаго Ярославца.

Въ теченіе четырехъ дней, съ 3 по 6 ноября включительно, отдѣльнымъ корпусамъ Наполеоновской арміи пришлось выдерживать упорныя столкновенія у города Краснаго, при чемъ они потеряли

Бой подъ Вязьмой.

20.000 плѣнныхъ, 6000 убитыхъ и раненыхъ и 116 орудій, а мы потеряли всего 2000 человѣкъ. Между тѣмъ, морозы все крѣпчали и оказывали губительнсе вліяніе на отступающихъ.

Въ страшномъ разстройствѣ достигли они 10 ноября до села Толочина, въ четырехъ переходахъ до рѣки Березины. Здѣсь Наполеонъ узналъ, что войска Чичагова заняли предмостное укрѣпленіе у города Борисова и готовятся преградить ему переправу. Въ его распоряженіи оставалось всего 36.000, не потерявшихъ еще военной организаціи; все же остальное представляло безпорядочную толпу, еле тащившуюся въ хвостѣ арміи.

Между тѣмъ, у Чичагова было 32.000, у Витгенштейна 30.000 и у Кутузова 50.000 человѣкъ.

Однако и въ столь тяжеломъ положеніи Наполеонъ не растерялся и напрягъ всю свою энергію, чтобы спасти себя и остатки своихъ войскъ отъ гибели.

Маршалъ Удино отвлекъ искусными демонстраціями Чичагова на цѣлый переходъ на югъ отъ города Борисова и далъ возможность Наполеону начать переправу черезъ Березину по наведеннымъ понтоннымъ мостамъ у Студянки, въ 18 верстахъ сѣвернѣе Борисова, гдѣ на правомъ берегу стоялъ нашъ слабый отрядъ подъ начальствомъ Корнилова. Онъ выстрѣлами изъ 12 орудій пытался было помѣшать наведенію мостовъ, но огонь 40 орудій заставилъ его отказаться отъ своей попытки, и непріятели 14 и 15 ноября безпрепятственно переправлялись черезъ рѣку. Только 16 числа подошедшіе къ переправѣ Чичаговъ и Витгенштейнъ атаковали непріятелей на обоихъ берегахъ рѣки.

Закипѣлъ страшный бой, продолжавшійся съ утра до наступленія полной темноты. Непріятельскія войска дрались съ отчаяннымъ ожесточеніемъ. Уронъ ихъ былъ громаденъ. Особенно пострадали войска, оставшіяся на лѣвомъ берегу рѣки: имъ пришлось совершать переправу подъ натискомъ русскихъ. Огонь нашей артиллеріи заставилъ ихъ кинуться къ мостамъ. Обозъ, артиллерія, конница, пѣхота,—все смѣшалось въ безпорядочную толпу, въ которой каждый помышлялъ лишь о личномъ спасеніи. Множество солдатъ падало съ мостовъ въ воду, стараясь спастись вплавь между несущимися льдинами и гибло въ холодныхъ волнахъ Березины.

Только 9000 осталось изъ всѣхъ сражавшихся у Студянки, и они, сопровождаемые безоружными толпами, въ ночь на 17 ноября потянулись по направленію къ Вильнѣ. Морозы свыше 20° быстро сокращали число уходившихъ. Вся дорога до самой Вильны была усѣяна замерзшими, трупами лошадей, брошенными орудіями, повозками, наполненными награбленнымъ въ Россіи добромъ. По

сторонамъ дороги бродили, какъ тѣни, толпы голодныхъ людей, тщетно кутавшихся отъ жестокой стужи въ женскія одежды, даже въ священническія облаченія. За право погрѣться у рѣдкихъ костровъ происходили смертельныя схватки. Одинъ крикъ „казаки" заставлялъ цѣлые отряды бросать свои печальные привалы и кидаться въ бѣгство.

Наполеонъ, увидавъ, что все пропало, сѣлъ въ карету и поскакалъ во Францію, бросивъ остатки своей арміи на произволъ судьбы. Тысячи проклятій сыпались вослѣдъ жестокому завоевателю. „Онъ бѣжитъ,—съ злобой говорили солдаты,—какъ бѣжалъ изъ Египта; онъ покидаетъ насъ, онъ предаетъ насъ гибели"...

28 ноября наши войска заняли Вильну, наполненную тысячами раненыхъ и больныхъ непріятелей. Скоро сюда прибылъ государь и свидѣлся здѣсь съ Кутузовымъ, которому былъ пожалованъ орденъ Георгія 1-й степени.

Въ декабрѣ послѣдніе остатки „великой арміи" въ числѣ 1000 вооруженныхъ и нѣсколькихъ тысячъ безоружныхъ вышли изъ предѣловъ Россіи.

Такъ кончилось одно изъ самыхъ страшныхъ завоевательныхъ предпріятій, какія только знаетъ Всемірная Исторія. Оно разбилось о несокрушимый, безграничный патріотизмъ русскаго самодержавнаго царя и доблестнаго русскаго народа, глубоко охваченныхъ русскою историческою идеей.

25 декабря вся Россія благодарила Бога за свое спасеніе отъ нашествія полчищъ двадесяти народовъ Запада.

Чрезвычайно любопытно познакомиться, какъ смотрѣлъ на войну 1812 года императоръ Александръ I.

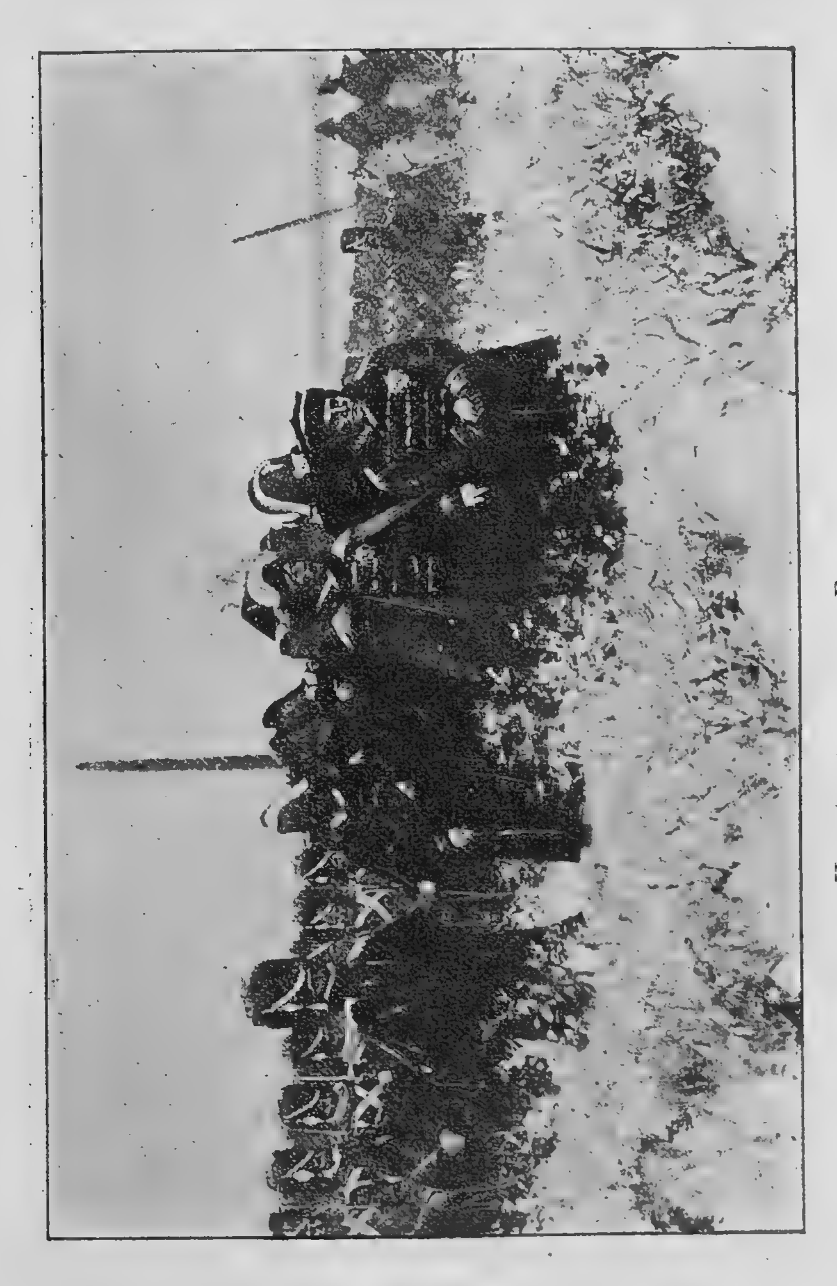
Въ манифестѣ своемъ, подписанномъ въ 1812 году въ день Рождества Христова, онъ говорилъ:

„Богъ и весь свѣтъ тому свидѣтели, съ какими желаніями и силами непріятель вступилъ въ отечество наше. Ничто не могло отвратить злыхъ и упорныхъ его намѣреній. Твердо надѣющійся на свои собственныя и собранныя имъ противъ насъ, почти со всѣхъ европейскихъ державъ, силы страшныя и подвигаемый алчностью завоеваній и жаждою крови, спѣшилъ онъ ворваться въ самую грудь имперіи нашей, дабы излить на нее всѣ ужасы и бѣдствія, не случайно порожденной, но издавна уготованной имъ, опустошительной войны. Предузнавая приготовленную намъ отъ него горькую чашу золъ и видя его съ неукротимою яростью вступающаго въ предѣлы наши, принуждены мы были съ болѣзненнымъ и со-

У Студянки.

крушеннымъ сердцемъ, призвавъ на помощь Бога, обнажить мечъ нашъ и обѣщать царству нашему, что мы не опустимъ оный въ ножны, доколѣ хоть одинъ изъ вооруженныхъ непріятелей оставаться будетъ въ землѣ нашей. Мы положили твердо сіе обѣщаніе въ сердцѣ своемъ, надѣясь на крѣпкую доблесть Богомъ ввѣреннаго намъ народа, въ чемъ и не обманулись. Какой примѣръ храбрости, мужества, благочестія, терпѣнія и твердости показала Россія! Вломившись въ глубь ея, врагъ всѣми неслыханными средствами лютости и неистовства не могъ достигнуть того, чтобы она, хотя единожды о нанесенныхъ ей отъ него глубокихъ ранахъ вздохнула. Казалось, съ пролитіемъ крови ея въ ней умножался духъ мужества; съ пожарами городовъ ея воспламенялась любовь къ отечеству, съ разрушеніемъ и поруганіемъ святынь и храмовъ Божіихъ утверждалась въ ней вѣра и возникало непримиримое мщеніе. Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народъ,—словомъ, всѣ государственныя сословія, не щадя ни имуществъ своихъ, ни жизни, слились въ единую душу,—душу вмѣстѣ мужественную и благочестивую, пылающую любовью къ отечеству и любовью къ Богу. Отъ сего всеобщаго единодушія проистекли слѣдствія, едва ли имовѣрныя, едва ли когда слыханныя. Представимъ себѣ собранныя изъ 20 царствъ и народовъ, подъ одно знамя соединенныя ужасныя силы, съ какими властолюбивый, надменный побѣдами непріятель вошелъ въ землю нашу. Поль-милліона пѣшихъ и конныхъ воиновъ и около полутора тысячи пушекъ слѣдовали за нимъ. Съ симъ огромнымъ ополченіемъ проникаетъ онъ въ самую середину Россіи и начинаетъ разливать огонь и опустошеніе. Но едва проходитъ 6 мѣсяцевъ отъ вступленія его въ предѣлы наши, и гдѣ онъ?.. Гдѣ войска его, подобныя тучѣ нагнанныхъ вѣтрами облаковъ? Разсыпались, какъ дождь. Великая часть ихъ, напоивъ кровью землю, лежитъ, покрывая пространство московскихъ, калужскихъ, смоленскихъ, бѣлорусскихъ и литовскихъ полей. Другая великая часть, въ разныхъ и частыхъ битвахъ, взята со многими военачальниками въ плѣнъ, послѣ многократныхъ и сильныхъ пораженій, напослѣдокъ цѣлые полки ихъ, прибѣгая къ великодушію побѣдителей, оружіе передъ ними слагали. Остальная же столь же великая часть, въ стремительномъ бѣгствѣ своемъ, гонимая побѣдоносными нашими войсками и встрѣчаемая морозами и голодомъ, устлала путь отъ самой Москвы до предѣловъ Россіи трупами, пушками, обозами, снарядами, такъ что оставшаяся ото всей ихъ многочисленной силы ничтожная часть изнуренныхъ и безоружныхъ воиновъ, едва мо-

жетъ прійтти въ страну свою, дабы, къ ужасу и трепету единоземцевъ своихъ, возвѣстить имъ, сколь страшная казнь постигаетъ дерзающихъ съ бранными намѣреніями вступитъ въ нѣдра могущественной Россіи. Нынѣ, съ сердечною радостью и горячею къ Богу

Наполеонъ у Березины.
Съ картины *Верещагина.*

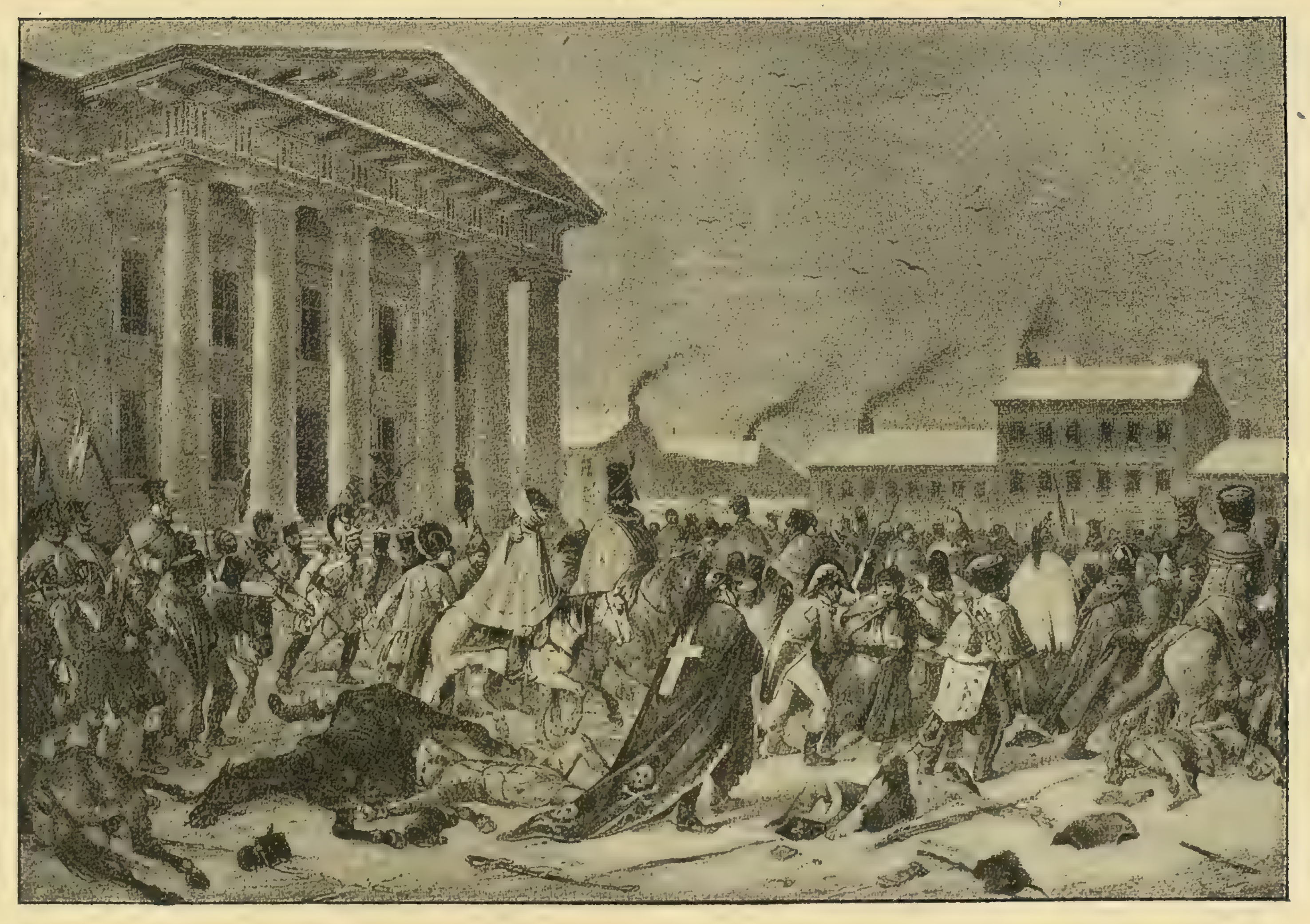
благодарностью, объявляемъ мы нашимъ вѣрноподданнымъ, что событіе превзошло даже самую надежду нашу, и что объявленное нами, при началѣ войны, свыше мѣры исполнилось: уже нѣтъ ни единаго врага на лицѣ земли нашей, или лучше сказать, всѣ они

здѣсь остались, но какъ?—мертвые, раненые и плѣнные. Самъ гордый повелитель и предводитель ихъ едва съ главнѣйшими изъ своихъ приближенныхъ отселѣ ускакать могъ, растерявъ все свое

Отъѣздъ Наполеона изъ Россіи.

воинство и всѣ привезенныя съ собою пушки, которыхъ болѣе тысячи, не считая зарытыхъ и потопленныхъ имъ, отбиты у него и находятся въ рукахъ нашихъ. Зрѣлище погибели войскъ его невѣроятно! Едва можно собственнымъ глазамъ своимъ повѣрить. Кто

Великая армія въ Вильнѣ.

могъ сіе сдѣлать?!. Не отнимая достойной славы ни у главнокомандующаго надъ войсками нашими, знаменитаго полководца, ни у другихъ искусныхъ и мужественныхъ вождей и военачальниковъ, ознаменовавшихъ себя рвеніемъ и усердіемъ, ни вообще у всего храбраго воинства нашего, можемъ сказать, что содѣянное ими есть превыше силъ человѣческихъ. Итакъ, да познаемъ въ великомъ дѣлѣ семъ Промыслъ Божій! Повергнемся предъ святымъ Его престоломъ и, видя ясно руку Его, поразившую гордость и злочестіе, вмѣсто тщеславія и киченія о побѣдахъ нашихъ, научимся изъ сего великаго и страшнаго примѣра быть кроткими и смиренными законовъ и воли Его исполнителями, не похожими на сихъ отпадшихъ отъ вѣры осквернителей храмовъ Божіихъ, враговъ нашихъ, которыхъ тѣла въ несмѣтномъ количествѣ валяются пищею псамъ и вранамъ! Великъ Господь нашъ Богъ въ милостяхъ и во гнѣвѣ Своемъ!“

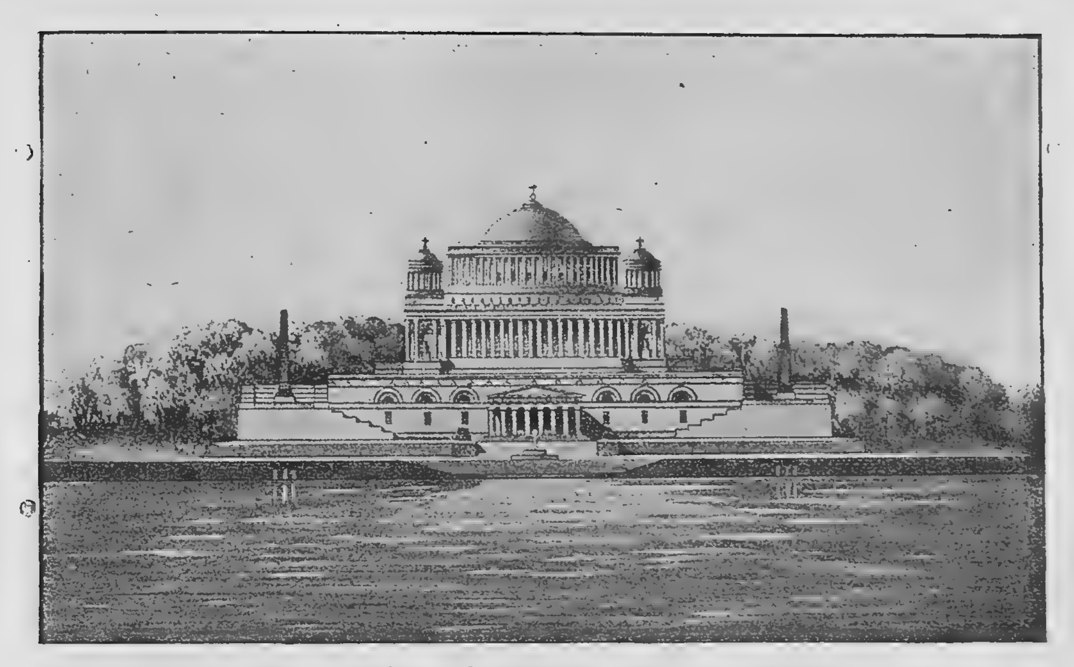
Заключенное въ государственный документъ смиренное признаніе Русскаго царя, что все величіе достигнутыхъ въ войнѣ результатовъ есть дѣло Божіе, составляетъ безпримѣрный, единственный актъ во Всемірной Исторіи.

Въ другомъ манифестѣ своемъ, подписанномъ въ Вильнѣ, 25 декабря 1812 года, государь говорилъ: „Въ сохраненіе вѣчной памяти того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ россійскій и въ ознаменованіе благодарности нашей къ Промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились мы въ первопрестольномъ городѣ нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа“.

Тѣ же чувства глубоко проникали душу царя, когда онъ, послѣ взятія Парижа и низложенія Наполеона, прибылъ 13 іюля 1814 года въ Петербургъ. Народъ, давно уже не видавшій царя, былъ охваченъ чрезвычайнымъ энтузіазмомъ, а высшія государственныя учрежденія постановили поднести государю титулъ „Благословеннаго“ и воздвигнуть ему памятникъ при жизни. Отвѣтъ Александра I былъ проникнутъ также глубочайшимъ смиреніемъ и гласилъ: „Да соорудится мнѣ памятникъ въ сердцахъ вашихъ, да благословляетъ меня народъ мой, да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надъ нею и надо мною благословеніе Божіе“...

Но возвратимся назадъ.

Въ приказѣ государя по арміи, 25 декабря 1812 года, говорилось:

Храмъ Христа Спасителя по проекту Витберга.

„Воины! Храбрость и терпѣніе ваши вознаграждены славою, которая не умретъ въ потомствѣ. Имена и дѣла ваши будутъ переходить изъ устъ въ уста, отъ сыновъ ко внукамъ и правнукамъ вашимъ до самыхъ позднихъ родовъ. Хвала Всевышнему! Рука Господня съ нами и не оставитъ насъ. Уже нѣтъ ни одного непріятеля на лицѣ земли нашей. Вы по трупамъ и костямъ ихъ пришли къ предѣламъ имперіи“.

Россіи предстоитъ чрезъ два года, въ 1912 году, праздновать столѣтіе Отечественной войны 1812 года. Надѣемся, что это празднованіе будетъ соотвѣтствовать ея величію и тѣмъ глубоко важнымъ послѣдствіямъ, какія имѣла она въ нашей государственной и народной жизни. Въ ряду начавшихся уже приготовленій къ этому великому юбилею, особенно симпатичнымъ является устройство двухъ музеевъ 1812 года въ Петербургѣ и Москвѣ, привлекающихъ уже множество пожертвованій и деньгами и вещественными памятниками этой достославной эпохи. Въ связи съ выработкой плановъ для московскаго музея у насъ въ Историческомъ музеѣ весною 1909 года была устроена чрезвычайно любопытная выставка двѣнадцатаго года, давшая, въ своихъ портретахъ и батальныхъ картинахъ, не мало матеріаловъ для иллюстрированія нашего настоящаго изданія.

VII.

Рѣшеніе Александра I вести борьбу съ Наполеономъ за границей.— Малодушіе Пруссіи, отказывавшейся отъ союза съ Россіей.— Страхъ предъ Наполеономъ Австріи.— Съ большимъ трудомъ Александру удалось составить коалицію противъ Наполеона.— Заграничный походъ русскихъ.— Лейпцигская битва.— Взятіе Парижа.— Настроеніе Александра I въ столицѣ Франціи.— Вѣнскій конгрессъ.— Возвращеніе Наполеона и окончательное паденіе его.— Священный союзъ и конгрессы.— Греческое возстаніе.

Императору Александру, въ концѣ 12-го года, предлежалъ вопросъ: удовольствоваться ли изгнаніемъ непріятеля изъ Россіи, или же преслѣдовать его за нашими границами и освободить отъ Наполеона Европу? Князь Кутузовъ и многіе другіе были того мнѣнія, что Наполеонъ болѣе не опасенъ для Россіи, и даже полезенъ, чтобы держать въ страхѣ Англію и другихъ завистниковъ Россіи, а европейскія державы пусть сами заботятся о своей свободѣ. Но государь не былъ съ этимъ согласенъ; говоря: „Наполеонъ или я, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ“, онъ думалъ, что стоитъ только оправиться ненасытному завоевателю, и онъ не оставитъ въ покоѣ не только Западную Европу, но и Россію и ея царя. Вотъ почему, по высочайшему приказу, 1 января 1813 года, наши войска перешли русскую границу. По этому случаю, въ приказѣ по арміи государь говорилъ: „Пора положить конецъ нестерпимому киченію, которое, несмотря на собственную свою и другихъ земель пагубу, хочетъ рѣками крови и грудами костей человѣческихъ утвердить господство надъ всѣми державами... Мы стоимъ за вѣру противъ безвѣрія, за свободу противъ властолюбія, за человѣчество противъ звѣрства. Богъ видитъ нашу правду. Онъ покоритъ подъ

ноги наши гордаго врага и посрамитъ ползающихъ къ стыду человѣчества предъ нимъ рабовъ".

Но наши расчеты, что Пруссія и Австрія, столь обездоленныя и опозоренныя Наполеономъ, скоро присоединятся къ намъ, оказались ошибочными. Прусскій король все еще трепеталъ Наполеона, и когда его генералъ Іоркъ, по собственной волѣ, отложился отъ французовъ и заключилъ соглашеніе съ русскими, прусское правительство предало было его суду. И нужно было энергическое воздѣйствіе русскаго царя на прусскаго короля, чтобы спасти Іорка и чтобы король заключилъ съ нами союзъ противъ Наполеона. Но народъ и войско прусскіе, горѣвшіе желаніемъ отомстить за униженіе своего отечества, привѣтствовали русскихъ съ восторгомъ: Кутузова они называли „добрымъ дѣдушкой своимъ", Александра — своимъ спасителемъ. Австрія же еще долго и упорно держалась союза съ Франціей.

Исполнивъ то, что считалъ своимъ назначеніемъ, Кутузовъ скончался въ Пруссіи. Такъ окончилъ свою доблестную жизнь

Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ;
Сей остальной изъ стаи славной,
Екатерининскихъ орловъ.

Государь трогательно писалъ овдовѣвшей княгинѣ фельдмаршала, имя котораго „блещетъ средь народа священной памятью двѣнадцатаго года": „Въ честь покойнаго воздвигнется памятникъ, которымъ каждый русскій, смотря на изваянный образъ его, будетъ гордиться, а чужестранецъ—уважать землю, рождающую столь великихъ людей. Не вы однѣ проливаете о немъ слезы, съ вами плачу я, и плачетъ вся Россія". Кутузова сначала смѣнилъ Витгенштейнъ, а потомъ Барклай-де-Толли. Между тѣмъ, Наполеонъ, собравъ войска, двинулся противъ союзниковъ и нанесъ имъ два пораженія (при Люценѣ и Бауценѣ), и тѣ поспѣшили заключить съ нимъ, кратковременное, впрочемъ, перемиріе. Однако въ это время императору Александру удалось-таки привлечь къ союзу и императора австрійскаго и короля шведскаго и возобновить войну. Этимъ затишьемъ воспользовались обѣ воюющія стороны для новыхъ огромныхъ приготовленій. Наполеонъ опять явился въ Германію и одержалъ побѣду надъ союзниками при Дрезденѣ, но и тѣ одержали нѣсколько побѣдъ надъ его маршалами. Самъ императоръ Александръ, начальствуя своими гвардейцами, разбилъ въ Богеміи при Кульмѣ корпусъ Вандама и взялъ въ плѣнъ этого маршала. Наполеонъ же отошелъ къ Лейпцигу, и сюда съ трехъ сторонъ подошли три союзныхъ

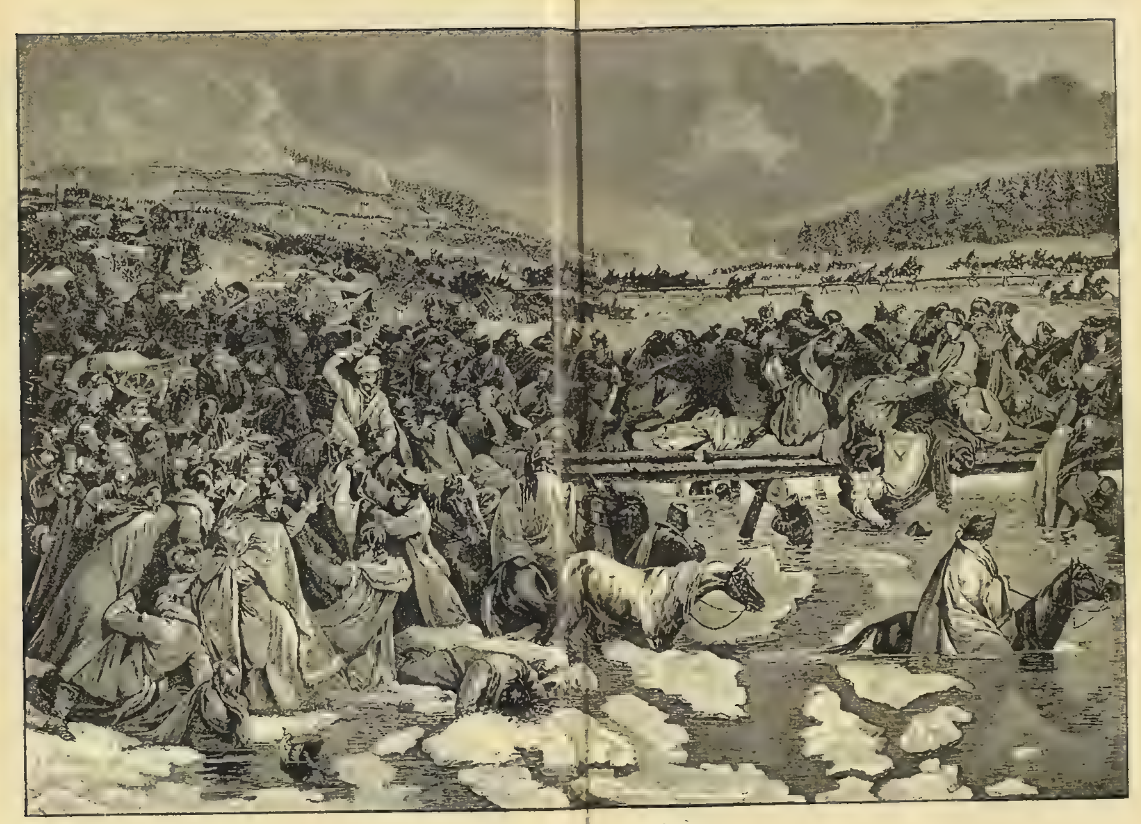
Сдача Вандама подъ Кульмомъ.

Казакъ гаситъ щипцами Наполеона. Современная карикатура.

арміи. Здѣсь 4, 5 и 6 октября произошла трехдневная битва названная, битвой народовъ. У Наполеона было болѣе 200 тысячъ войска, у союзниковъ—300 тысячъ. Несмотря на все свое искусство, Наполеонъ былъ разбитъ и поспѣшно отступилъ во Францію. Союзники императора Александра въ ту пору склонялись къ заключенію мира. Но Русскій царь энергически настоялъ двинуться во Францію, куда съ неохотою вступили союзныя войска. Онъ говорилъ союзникамъ: „Если желаете мира надежнаго, то его надо подписать

Александръ I и его союзники на Лейпцигскомъ полѣ.

Переправа черезъ Березину.

въ Парижѣ". Наполеонъ не безъ успѣха нѣсколько разъ задерживалъ ихъ движенія во Францію, но, потерпѣвъ неудачу при Арси, не пошелъ въ Парижъ, куда, подъ давленіемъ Александра, двинулись союзники. Нашъ государь въ это время руководилъ всѣми военными ихъ дѣйствіями. Маршалы Мармонъ и Мортье дали имъ сраженіе на высотахъ у самаго Парижа, но были разбиты и должны были сдать столицу Франціи на капитуляцію. Великодушный Александръ позволилъ наполеоновскимъ войскамъ выйти изъ Парижа. Русскіе же солдаты, вступая въ знаменитый городъ, говорили: *Пришлось батюшкѣ-Парижу расплатиться за матушку-Москву.* Вступая въ столицу, Александръ представилъ, однако, совершенный контрастъ съ Наполеономъ въ моментъ его вступленія въ нашу Москву. Не думалъ государь нашъ мстить Парижу за разрушенную столицу Россіи. Онъ велѣлъ объявить парижанамъ, что ручается за безопасность ихъ, что ведетъ войну не противъ Франціи и французовъ, а противъ Наполеона. Одинъ изъ современниковъ, называя такое отношеніе Александра I къ Парижу „неслыханнымъ въ исторіи великодушіемъ", говоритъ: „Покореніе Парижа явилось необходимымъ дополненіемъ нашихъ лѣтописей: русскіе не могли бы безъ стыда раскрыть славной книги своей исторіи, если бы за страницей, на которой Наполеонъ изображенъ стоящимъ среди пылающей Москвы, не слѣдовала страница, гдѣ Александръ является среди покореннаго Парижа". Но нашего государя озаряли въ покоренной столицѣ Франціи не пожары и разрушеніе, а его великодушіе и энтузіазмъ населенія. Восторженнымъ оваціямъ въ честь благороднѣйшаго изъ побѣдителей не было конца. Французы говорили ему: „Царствуйте надъ нами, или дайте намъ государя".

Что думалъ и чувствовалъ Александръ Благословенный въ Парижѣ, на вершинѣ своей славы, прекрасно рисуетъ намъ его собственный разсказъ министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, князю А. Н. Голицыну.

„Наше вступленіе въ Парижъ было великолѣпное,— разсказывалъ государь своему собесѣднику.— Все спѣшило обнимать мои колѣна, все стремилось прикасаться ко мнѣ; народъ бросался цѣловать мои руки, ноги; хватались даже за стремена моего коня; оглашали воздухъ радостными криками, поздравленіями. Но душа моя ощущала въ себѣ другую радость. Она, такъ сказать, таяла въ безпредѣльной благодарности Господу, сотворившему чудо своего милосердія; душа моя жаждала уединенія, жаждала субботствованія; сердце мое порывалось пролить предъ Господомъ всѣ чувствованія

мои. Словомъ, мнѣ хотѣлось говѣть и пріобщиться Св. Тайнъ; но въ Парижѣ не было русской церкви. Милующій Промыслъ, когда начинаетъ благодѣтельствовать, тогда бываетъ всегда безмѣренъ

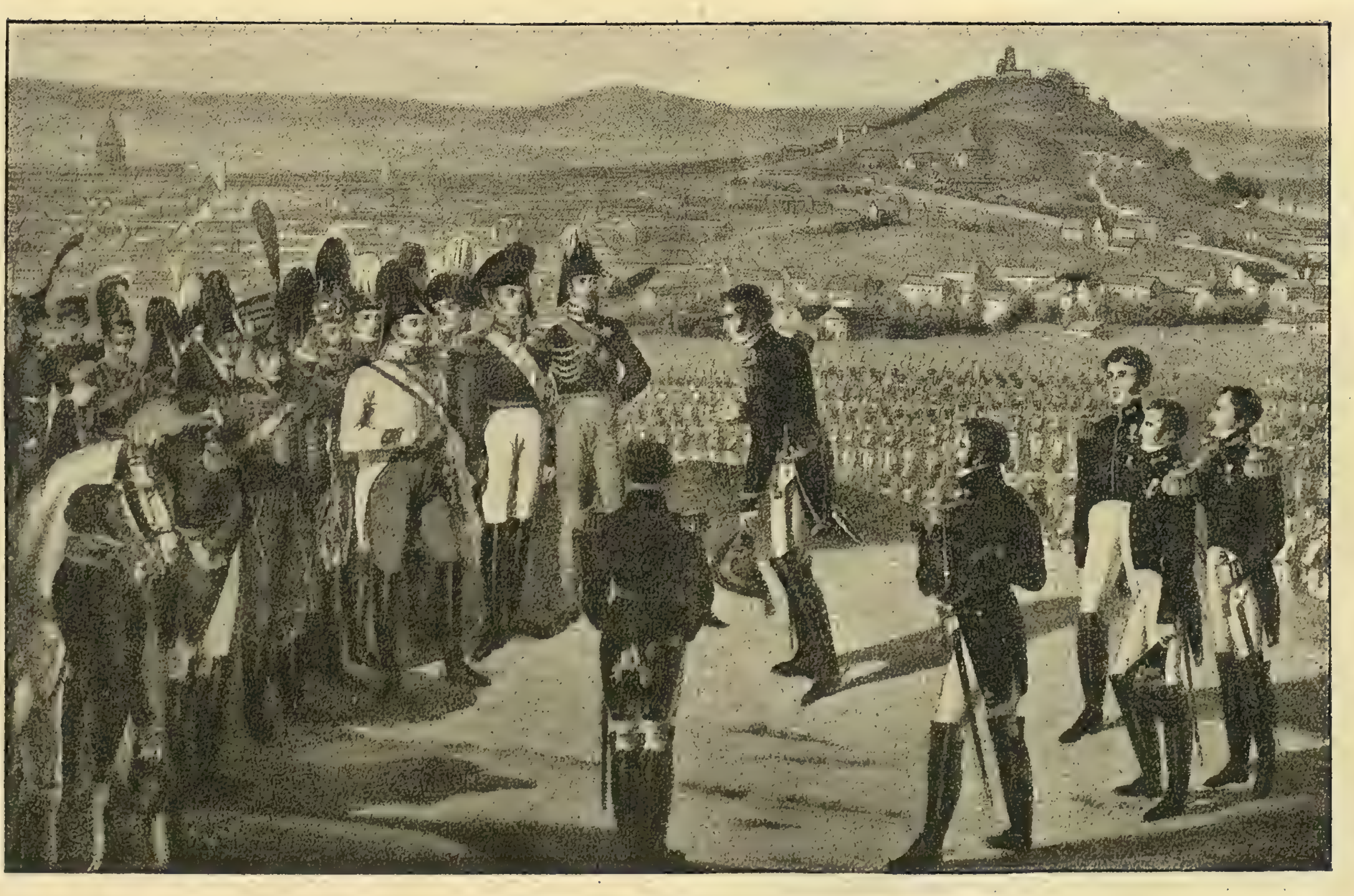
Подъ Парижемъ.

въ своемъ милосердіи; и вотъ, къ крайнему моему изумленію, вдругъ приходятъ ко мнѣ съ донесеніемъ, что столь желанная мною русская церковь явилась въ Парижѣ: послѣдній нашъ посолъ, выѣзжая изъ столицы Франціи, передалъ свою посольскую церковь на сохра-

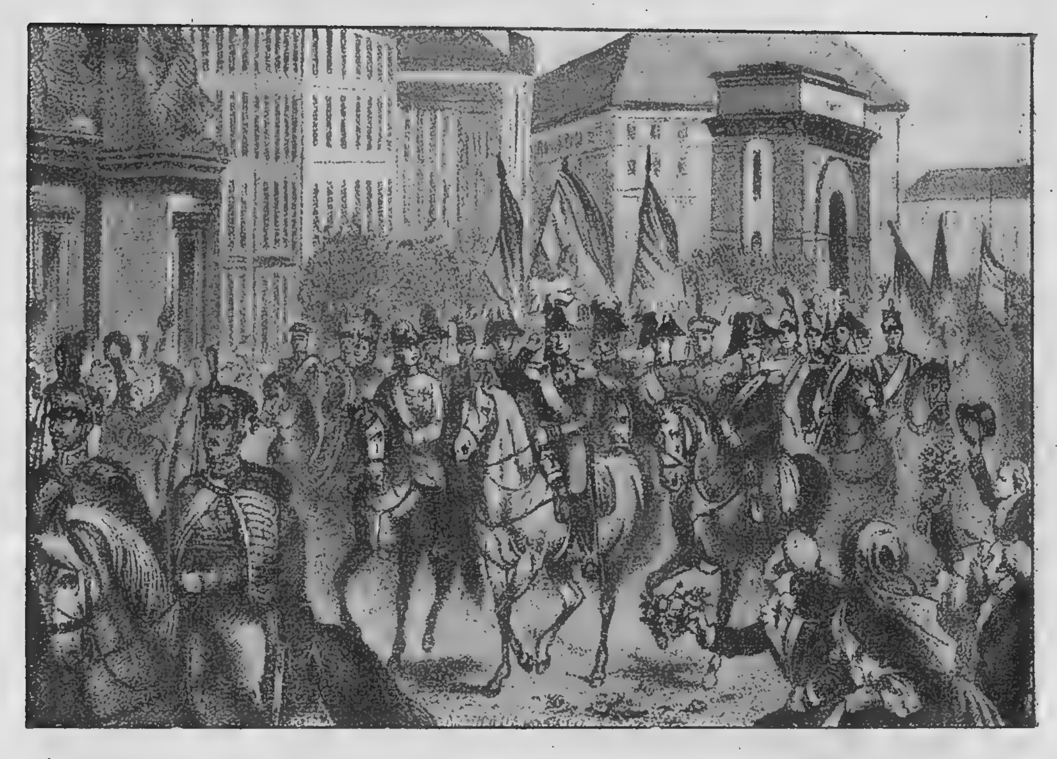
неніе въ домъ американскаго посланника. И вотъ, сейчасъ же, насупротивъ меня, французы наняли чей-то домъ, и церковь русская была быстро устроена; а отъ дома моего, въ которомъ я жилъ уединенно, французы сдѣлали переходъ для удобнаго посѣщенія церкви. Французское правительство, узнавшее о моемъ намѣреніи исполнить религіозную обязанность, приняло мѣры, чтобы по той улицѣ никакіе экипажи не ѣздили. И ничто уже мнѣ не мѣшало исполнить мою обязанность предъ Господомъ. Бывало, всякій день хожу въ церковь. Но, идучи туда и возвращаясь обратно въ домъ, не могъ я, однакожъ, сохранять всегда чувствованія своего ничтожества, котораго требуетъ святая наша, православная Церковь въ подвигѣ покаянія: какъ, бывало, только покажусь на улицу, такъ густѣйшая толпа, что есть только лучшаго въ парижскомъ обществѣ, тѣсно обступитъ и смотритъ на меня съ одушевленіемъ признательнаго чувства, съ доброжелательствомъ. Но прежде, чѣмъ я приступилъ къ Святымъ Тайнамъ, душа моя была не безъ смущенія: мнѣ извѣстно стало, что грозныя еще своимъ отчаяніемъ полчища Наполеоновы стягивались въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Фонтенебло; слѣдовательно, союзныя арміи, такъ недавно вступившія въ стѣны столицы, должны были вновь готовиться не для одного отдыха; мнѣ скоро надлежало выводить ихъ для новаго боя, можетъ-быть, отчаяннѣйшаго, чѣмъ всѣ прежніе; мнѣ надлежало также принять всевозможныя мѣры, чтобы сдерживать и буйную чернь парижскую, легко могущую зажигаться и волноваться, даже и отъ малѣйшаго успѣха Наполеонова. Какъ же мнѣ, говорю, было спокойно говѣть, когда надлежало, можетъ-быть, въ скорѣйшее время, выводить войска изъ Парижа. Но я и здѣсь повторяю то же, что, если кого милующій Промыслъ начнетъ миловать, тогда бываетъ безмѣренъ въ божественной своей изобрѣтательности. И вотъ во время моего говѣнія добровольное отреченіе Наполеона отъ престола, какъ будто, нарочно поспѣшило въ радостномъ для меня благовѣстіи, чтобъ совершенно уже успокоить меня и доставить мнѣ всѣ средства продолжать мое говѣнье и причаститься Святыхъ Таинъ".

Императоръ Александръ пожелалъ также, чтобы говѣли войска; послѣдовалъ приказъ, воспрещавшій офицерамъ и солдатамъ посѣщеніе на это время театровъ, шумныхъ народныхъ собраній и всякихъ публичныхъ увеселеній.

Въ день Свѣтлаго Воскресенія Христова, 29 марта, парижское населеніе было свидѣтелемъ совершенно новаго для него торжества.

Капитуляція Парижа.

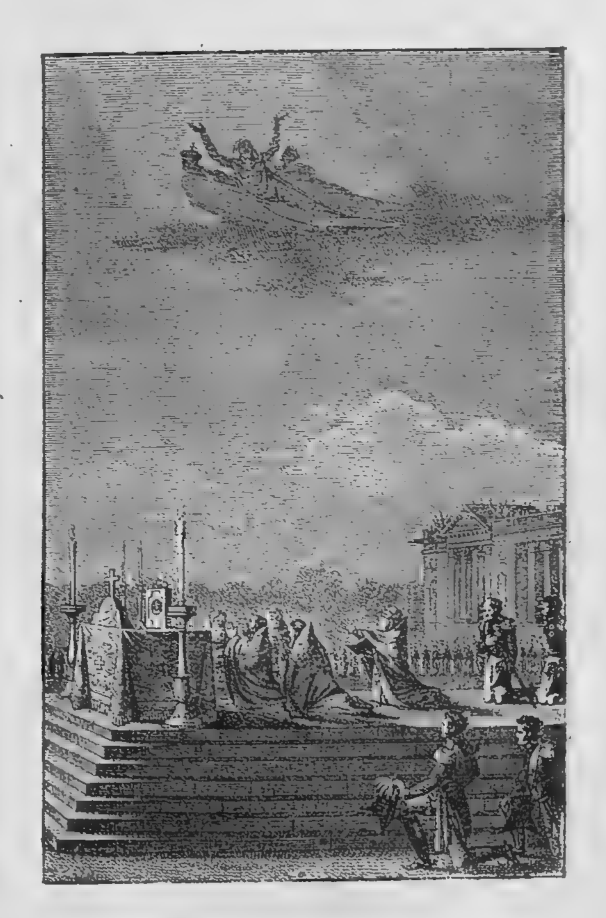

Въѣздъ Александра I въ Парижъ.

Событіе этого дня также послужило императору Александру предметомъ для его бесѣды съ княземъ А. Н. Голицынымъ. „Еще скажу тебѣ о новой и отрадной для меня минутѣ въ моей жизни,—промолвилъ государь,—я живо тогда ощущалъ, такъ сказать, апоѳеозъ русской славы между иноплеменниками; даже ихъ самихъ увлекъ и заставилъ раздѣлить съ нами національное православное торжество наше. Это вотъ какъ случилось. На то мѣсто, гдѣ палъ кроткій и добрый король Франціи, Людовикъ XVI, я привелъ и поставилъ своихъ воиновъ; по моему приказанію, сдѣланъ былъ амвонъ; созваны были всѣ русскіе священники, которыхъ только найти можно было; и вотъ, при безчисленныхъ толпахъ парижанъ всѣхъ состояній и возрастовъ, живая гекатомба (жертва) наша вдругъ огласилась громкимъ и стройнымъ русскимъ пѣніемъ... Все замолкло, все внимало... Торжественная была эта минута для моего сердца; умилителенъ, но страшенъ былъ для меня моментъ этотъ. Вотъ, думалъ я, по неисповѣдимой волѣ Провидѣнія, изъ холодной отчизны сѣвера привелъ я православное мое русское воинство для того, чтобы на землѣ иноплеменниковъ, столь недавно еще такъ нагло наступавшихъ на Россію, въ ихъ знаменитой столицѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пала царственная жертва отъ буйства мятежнаго, принести совокупную, очистительную и вмѣстѣ торже-

ственную молитву Господу. Сыны сѣвера совершали какъ бы тризну по королѣ французскомъ Людовикѣ XVI. Русскій царь по обряду православному всенародно молился вмѣстѣ со своимъ народомъ и тѣмъ какъ бы очищалъ окровавленное мѣсто растерзанной царственной жертвы. Духовное наше торжество въ полнотѣ достигло своей цѣли; оно невольно влило благоговѣніе и въ самыя сердца французовъ. Не могу не сказать тебѣ, Голицынъ, хотя это и неумѣстно въ теперешнемъ разсказѣ, что мнѣ даже было забавно тогда видѣть, какъ французскіе маршалы, многочисленная фаланга генераловъ французскихъ, тѣснились возлѣ русскаго православнаго креста и другъ друга толкали, чтобъ имѣть возможность скорѣе къ нему приложиться. Такъ обаяніе было повсемѣстно, такъ поражены были французы духовнымъ торжествомъ русскихъ"....

Одинъ изъ современниковъ Наполеона, французъ, говорилъ: „Мы о нашихъ непріятеляхъ можемъ судить только по ихъ дѣламъ... Ихъ жертва была велика, они принесли эту жертву безъ колебаній, безъ сожалѣній. И позже они не желали никакихъ возмездій и сохранили неприкосновенной столицу своихъ враговъ—Парижъ. Ихъ слава пребыла высокой и чистой".

Русскій молебенъ на площади въ Парижѣ.

Наполеонъ въ своемъ заточеніи говорилъ о русскихъ: „Да, эта нація коечего стоитъ. Вѣдь я велъ правильную войну съ Александромъ I. Но кто же могъ ожидать такого удара, какъ сожженіе Москвы? Это сдѣлало бы честь самому древнему Риму"...

Наполеонъ послѣ отреченія отъ престола былъ заточенъ на Эльбу, островъ Средиземнаго моря, вблизи западныхъ береговъ Италіи, а на престолъ Франціи былъ возведенъ братъ убитаго въ 1793 году короля, Людовикъ XVIII. Впрочемъ, онъ, всецѣло обя-

Медаль за взятіе Парижа.

занный своимъ возведеніемъ на престолъ русскому императору, при своихъ свиданіяхъ съ нимъ въ Парижѣ не только не высказалъ ему своей благодарности, но и не сумѣлъ держать себя съ подобающей благовоспитанностью....

Александръ довольно снисходительно отнесся къ этому и, увлекаемый своимъ великодушіемъ, расточалъ его въ Парижѣ рѣшительно всѣмъ, не только французамъ, коихъ защищалъ отъ хищности своихъ союзниковъ и для коихъ истребовалъ конституцію, но и полякамъ, изъ коихъ ласкалъ въ столицѣ Франціи и князя Адама Чарторыйскаго и даже Костюшку, увѣряя ихъ въ своемъ неизмѣнномъ расположеніи къ Польшѣ, невзирая на ея недавнюю измѣну великодушному монарху.

Изданные имъ въ Парижѣ манифестъ и приказъ по русской арміи были проникнуты идеальными заботами о другихъ народахъ и, въ отличіе отъ стремленій прочихъ державъ, не представляютъ ни единой черты національнаго своекорыстія Россіи. Въ первомъ говорилось: „Франція возжелала мира. Ей дарованъ (наперекоръ союзникамъ, замѣтимъ мы) онъ, великодушный и прочный. Миръ сей— залогъ частной каждаго народа безопасности, всеобщаго и продолжительнаго спокойствія, ограждающій независимость, утверждающій свободу, обѣщаваетъ благоденствіе Европѣ". Въ приказѣ по войскамъ государь *утѣшаетъ ихъ славой*, пріобрѣтенной ихъ подвигами: „Совершена война, для свободы народовъ и царствъ подъ-

ятая... Побѣда, сопровождавшая знамена ваши, водрузила ихъ на стѣнахъ Парижа. При самыхъ вратахъ его ударилъ громъ вашъ. Побѣжденный непріятель простеръ руку къ примиренію. Нѣтъ мщенія, нѣтъ вражды. Вы даровали ему миръ — залогъ мира вселенной“... Но это невиданное идеальное великодушіе мало было цѣнимо представителями своекорыстнаго Запада въ Парижѣ.

Собравшійся вскорѣ въ Вѣнѣ чрезвычайно блестящій конгрессъ развернулъ печальную картину неблагодарности къ идеалистическому, исполненному самоотверженія и самопожертвованія великодушію Русскаго императора.

Лѣтописи міра не знаютъ подобнаго блестящаго собранія царственныхъ особъ и дипломатовъ, какое состоялось въ Вѣнѣ въ 1815 году. Въ этомъ сонмѣ первенствовалъ въ почетѣ освободитель Европы, не только въ силу своихъ заслугъ, но и по высокимъ личнымъ качествамъ ума и сердца, ставившимъ его выше всѣхъ присутствовавшихъ. Но самыя умѣренныя требованія того монарха, который имѣлъ право, опираясь на русскія войска, продиктовать свою волю Западной Европѣ, встрѣчали своекорыстную и завистливую оппозицію со стороны почти всѣхъ союзныхъ державъ.

Нашъ государь, а никто другой повелъ всю Европу противъ Наполеона въ Парижъ и, можно сказать, буквально принудилъ ее слѣдовать за собою. Но только то, что онъ предлагалъ на конгрессѣ

Медаль въ память Вѣнскаго конгресса.

въ пользу своихъ союзниковъ, не встрѣчало противодѣйствія. Зато все, что хоть сколько-нибудь удовлетворяло Россію за ея громадныя пожертвованія въ интересахъ Европы и осуществляло законные виды Россіи, наталкивалось на грубо своекорыстное сопротивленіе Австріи, Англіи и Франціи возстановленныхъ русскимъ царемъ Бурбоновъ.

Требованія Александра I сводились къ тому, чтобы къ Россіи было присоединено Варшавское герцогство, которое онъ готовился въ ущербъ русскимъ интересамъ надѣлить самою широкою автономіей и конституціонными учрежденіями и провозгласить „королевствомъ польскимъ", подъ скипетромъ, впрочемъ, Всероссійскаго императора. Считая своимъ интересомъ и возвышеніе столь обездоленной Наполеономъ Пруссіи, онъ рѣшился вознаградить и ее присоединеніемъ къ ней, взамѣнъ отходившихъ польскихъ земель, владѣній саксонскаго короля, рабствовавшаго предъ Наполеономъ. Но противъ этихъ видовъ Александра коварно повели борьбу представители: Австріи — князь Меттернихъ, Франціи — Талейранъ и Англіи — лордъ Кэстльри. Подъ предлогомъ законности (легитимности) и интересовъ Европы, эти дипломаты вели коварную интригу противъ Россіи, выставляя законное осуществленіе ея видовъ нарушеніемъ европейскаго равновѣсія и даже порабощеніемъ Европы. Они, вопреки состоявшемуся еще во Франціи соглашенію союзниковъ, не только начали дипломатическія пререканія съ русскими дипломатами, но и втайнѣ отъ конгресса, по предложенію Талейрана, организовали изъ Австріи, Англіи и Франціи коалицію противъ Россіи и Пруссіи, долженствовавшую силою оружія противиться вышеуказаннымъ видамъ Александра I. Вѣна сдѣлалась штабомъ военнаго лагеря.

Историкъ войнъ того времени Михайловскій-Данилевскій, бывшій въ то время въ Вѣнѣ, писалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: „Слухи о несогласіи державъ, участвующихъ въ конгрессѣ, усиливаются ежедневно; и уже начинаютъ говорить о войнѣ, которая должна возгорѣться скоро между ними. Тайны дипломатовъ непроницаемы, но извѣстно, что многія державы вооружаются противъ Россіи, въ особенности англичане. Они, стараясь всѣми способами присвоить себѣ деспотическую власть въ Европѣ и въ прочихъ частяхъ свѣта, утверждаютъ, что не слѣдуетъ уступать намъ Польши, потому что Россія, требуя этотъ край, обнаруживаетъ намѣреніе занять въ политической системѣ Европы мѣсто Наполена. Кажется, что Россія въ дипломатическихъ переговорахъ лишилась той поверхности, которую она пріобрѣла великими пожертвованіями въ послѣдніе три

похода, и которая всѣми державами единодушно ей была уступлена въ Парижѣ. Дипломаты наши не поддержали того, что куплено кровью нашихъ военныхъ. Я считаю одною изъ причинъ, по которой мы не сохранили на Вѣнскомъ конгрессѣ дѣйствительнаго первенства, то, что мы тогда отложили на нѣсколько мѣсяцевъ заключеніе мира и утвержденіе статей, составляющихъ теперь предметъ переговоровъ, и не занялись этимъ въ бытность нашу въ столицѣ Франціи. Восхитительно было видѣть знамя русское, развѣвающееся на высотахъ Монмартра, но побѣда только тогда совершенна, когда увѣнчана блистательнымъ миромъ. Въ Парижѣ никто не смѣлъ возставать противъ первенства русскихъ, но оттуда императоръ поѣхалъ съ министрами въ Лондонъ, какъ будто принимать поздравленіе въ счастливомъ окончаніи войны отъ надменныхъ англичанъ, которые вмѣнили посѣщеніе союзныхъ государей въ должную имъ дань признательности за денежныя имъ вспоможенія. Изъ Лондона его величество отправился чрезъ Голландію и нѣмецкія земли въ Петербургъ, а затѣмъ уже, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, — въ Вѣну. Итакъ, со дня отбытія изъ Парижа до дня пріѣзда въ Вѣну прошло два съ половиною мѣсяца, въ теченіе которыхъ съ нашей стороны ничего не было сдѣлано для удержанія поверхности, пріобрѣтенной нами надъ всѣми кабинетами. Между тѣмъ, англичане, австрійцы, пруссаки и французы употребляли всѣ усилія, чтобы во мнѣніи народовъ и дворовъ уменьшить вліяніе Россіи и представить пожертвованія наши и подвиги нашихъ войскъ по возможности ничтожными, доказывая, что вліяніе Россіи на политическія дѣла Европы должно быть пагубнымъ для просвѣщенія и даже для самой независимости державъ... Едва мы представили на конгрессѣ требованія насчетъ Польши, какъ всѣ возстали противъ насъ и грозили войною, утверждая, что Россія желаетъ присвоить себѣ диктаторскую власть... Менѣе, чѣмъ въ три мѣсяца, мы завоевали Францію и Парижъ, но въ такое же время мы не можемъ кончить дѣлъ конгресса"... То, что по слухамъ и толкамъ угадывалъ чутко русскій офицеръ, облекалось уже въ коалиціонный договоръ: въ декабрѣ 1814 года интриги, направленныя противъ Россіи, созрѣли настолько, что Талейранъ нашелъ возможнымъ предложить англійскому уполномоченному Кэстльри подписать вмѣстѣ съ Австріей „маленькую конвенцію". „Вы предлагаете союзъ?" спросилъ англичанинъ. „Изъ этого можетъ выйти союзъ, если онъ того пожелаетъ", отвѣтилъ лукавый дипломатъ, и скоро представители трехъ державъ подписали *маленькую конвенцію*, по которой

Австрія, Англія и Франція обязывались выставить противъ Россіи по 150.000 войска каждая, въ случаѣ войны взаимно условиться насчетъ выбора главнокомандующаго и не иначе заключить миръ, какъ съ общаго согласія. Положено, сверхъ того, пригласить къ участію въ союзѣ Баварію, Виртембергъ и Нидерланды.

Посылая Людовику XVIII конвенцію для ратификаціи, Талейранъ умолялъ его о скорѣйшемъ подписаніи договора, прося для этой работы употребить людей, самыхъ испытанныхъ насчетъ тайны. „Теперь коалиція,—писалъ этотъ измѣнившій Наполеону министръ,— разстроена и это навсегда. Не только Франція не изолирована болѣе въ Европѣ, но и располагаетъ такою федеративною системою, что, кажется, и 50 лѣтъ переговоровъ не могли бы доставить ее Франціи“. Между тѣмъ, какъ въ Вѣнѣ продолжались блестящіе праздники въ честь союзниковъ и ихъ дипломатическіе переговоры, австрійскій фельдмаршалъ Шварценбергъ уже составлялъ планъ предстоящей войны съ Россіей, а дипломаты пытались привлечь къ союзу Швецію, Турцію и даже колеблющуюся Пруссію, чтобы въ предстоящемъ военномъ столкновеніи мы остались безусловно одинокими, какъ въ 1812 году.

Но судъ исторіи уничтожилъ этотъ безчестный заговоръ и разоблачилъ это коварнѣйшее двуличіе и чудовищную неблагодарность. Наполеонъ отплылъ съ острова Эльбы во Францію, гдѣ измѣнчивая нація встрѣтила его съ большимъ сочувствіемъ и откуда бѣжалъ Людовикъ XVIII. Нашъ прежній тильзитскій союзникъ нашелъ въ кабинетѣ французскаго короля текстъ названнаго секретнаго договора союзниковъ и отправилъ его къ императору Александру. Но раньше полученія имъ этого характернаго документа, союзники уже бросились къ нему, и онъ безъ колебаній объявилъ Меттерниху, что готовъ къ соотвѣтствующимъ дѣйствіямъ. Гнѣвавшійся на него нашъ государь явилъ опять и при этомъ случаѣ безпримѣрное великодушіе; уладивъ дѣло, онъ сказалъ: „Наша святая вѣра заповѣдуетъ намъ прощать обиды; обнимемъ другъ друга, и пусть все будетъ предано забвенію“...

Когда былъ доставленъ Наполеономъ самый документъ договора, разоблачившій всю низость его союзниковъ, нашъ государь, въ присутствіи прусскаго министра Штейна, спросилъ приглашеннаго по этому поводу Меттерниха, извѣстенъ ли ему этотъ документъ, а тотъ, придумывая оправданіе, сконфуженно молчалъ. Государь прервалъ тягостную паузу словами: „Меттернихъ, пока мы оба живы, объ этомъ предметѣ никогда не должно быть разговора между нами. Теперь

намъ предстоятъ другія дѣла. Наполеонъ возвратился, а поэтому нашъ союзъ долженъ быть теперь крѣпче, нежели когда-либо". Съ этими словами Александръ бросилъ секретный трактатъ въ пылавшій подлѣ него каминъ...

13 марта 1815 года 8 державъ издали декларацію, объявившую Наполеона, какъ врага и нарушителя общаго спокойствія, стоящимъ

Наполеонъ.

внѣ покровительства законовъ, а Россія, Австрія, Англія и Пруссія обязались каждая выставить по 150.000 войска и не прежде прекратить военныя дѣйствія, какъ лишивъ Наполеона возможности возмущать спокойствіе Европы. Сверхъ того, Англія обязалась доставить союзнымъ державамъ 5.000.000 фунтовъ стерлинговъ.

Императоръ Александръ двинулъ противъ Наполеона 167 тысячъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ фельдмаршала графа Барклая-

де-Толли. Но русскія войска еще не успѣли подойти къ границамъ Франціи, какъ участь Наполеона была рѣшена пораженіемъ его при Ватерлоо въ Бельгіи отъ англо-прусской арміи Веллингтона и Блюхера. Побѣжденный Наполеонъ былъ заточенъ англичанами на отдаленный островъ св. Елены на Атлантическомъ океанѣ, а на престолъ Франціи возвращенъ былъ Людовикъ XVIII.

Вѣнскій конгрессъ подписалъ, наконецъ, уступку Россіи Варшавскаго герцогства, но безъ Познани, Торна и Бромберга, отданныхъ Пруссіи, и безъ Кракова, объявленнаго вольнымъ городомъ, а также безъ соляныхъ копей Велички и принадлежавшаго намъ съ 1809 года Тарнопольскаго округа, которые были возвращены Австріи.

Но и эта уступка вызвана была только страхомъ предъ Наполеономъ, который безъ Александра I владычествовалъ бы во Франціи не сто дней.

Заслуживаетъ особаго вниманія, что, по рѣшенію Вѣнскаго конгресса, Россія, главнѣйшая виновница низверженія Наполеона увеличила свою территорію пространствомъ около 2.100 квадратныхъ миль съ населеніемъ въ 3.000.000 человѣкъ, тогда какъ Австрія получила 2.300 квадратныхъ миль съ 10.000.000 населенія, а Пруссія — 2.217 квадратныхъ миль съ 5.362.000 населенія. Такимъ образомъ союзницы, сдѣлавшія наименьшія пожертвованія на борьбу за освобожденіе Европы, получили наибольшее вознагражденіе.

Императоръ Александръ I, въ сопровожденіи императора австрійскаго и короля прусскаго и союзныхъ войскъ, вторично вступилъ въ Парижъ и здѣсь закрѣпилъ снова то, что было установлено въ интересахъ западныхъ державъ на Вѣнскомъ конгрессѣ.

Но, несмотря на тяжкія разочарованія со стороны грубаго своекорыстія союзныхъ державъ, онъ, слѣдуя внушеніямъ своего идеализма, получавшаго болѣе и болѣе религіозный характеръ, рѣшился внести во внѣшнюю и внутреннюю политику Западной Европы начала христіанской нравственности. Его не остановило отъ этого не только то, что Европа раздѣлена была между тремя исповѣданіями: католическимъ, православнымъ и протестантскимъ, но и въ своихъ правящихъ кругахъ была въ значительной степени заражена, съ XVIII вѣка, а особенно со времени французской революціи, антихристіанскимъ раціонализмомъ.

Глубоко охваченный, со времени сожженія Москвы, религіознымъ настроеніемъ, онъ къ политическому союзу первенствующихъ державъ рѣшилъ присоединить еще священный или религіозный, ко-

торый бы объединялъ ихъ и началами ученія Христа Спасителя возвѣщенными въ Евангеліи.

Незадолго до своего отъѣзда изъ Парижа, государь сказалъ госпожѣ Крюднеръ, которая много разъ вела съ нимъ религіозныя бесѣды: „Я покидаю Францію, но до своего отъѣзда хочу публичнымъ актомъ воздать Богу Отцу, Сыну и Святому Духу хвалу, которою мы обязаны Ему за оказанное намъ покровительство и призвать народы въ повиновеніе Евангелію... Я желаю, чтобы императоръ австрійскій и король прусскій соединились со мною въ этомъ актѣ богопочитанія, чтобы люди видѣли, что мы, какъ восточные волхвы, признаемъ Верховную Власть Бога Спасителя“.

Не глубоко проникнутый отличіями нашего восточнаго православія, онъ не смущался привлечь въ этотъ союзъ католика австрійскаго императора и протестанта короля прусскаго и поручилъ своимъ дипломатамъ привлекать къ своему религіозному союзу даже и тѣ державы, которыя въ политикѣ дѣйствовали прямо по-антихристіански, по-язычески.

Александръ собственноручно начерталъ актъ священнаго союза. Въ немъ союзники обязывались: 1) пребывать соединенными, неразрывными узами христіанской братской дружбы, оказывать другъ другу помощь и содѣйствіе, управлять своими подданными въ томъ же духѣ братства для охраненія правды и мира; 2) почитать себя членами единаго христіанскаго народа, поставленными Провидѣніемъ для управленія тремя отраслями одного и того же семейства и 3) пригласить всѣ державы къ признанію этихъ правилъ и ко вступленію въ этотъ союзъ. Вообще же государи обязывались, какъ въ управленіи собственными подданными, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ правительствамъ, руководствоваться заповѣдями св. Евангелія, которыя, не ограничиваясь приложеніемъ своимъ къ одной частной жизни, должны непосредственно управлять волей царей и ихъ дѣяніями.

Нужно было имѣть слишкомъ много высокаго и чистаго идеализма и поспѣшности перенести проявленное русскимъ народомъ глубочайшее религіозное одушевленіе и дѣтскую преданность своему монарху въ великую годину двѣнадцатаго года на черствые народы Запада, чтобы призывать ихъ не проповѣдью, а юридическимъ актомъ въ одну христіанскую семью, подъ отеческою властью своихъ государей. Нужно было быть человѣкомъ „не отъ міра сего“, чтобы показавшихъ себя способными на іезуитскія измѣны поляковъ, на коварные подвохи австріяковъ, на революціонныя вспышки францу-

зовъ, на грубо своекорыстное дѣйствіе пруссаковъ и, наконецъ, на безпощадную меркантильность англичанъ вовлекать въ такую идеалистическую организацію державы, посредствомъ зыбкихъ обязательствъ международнаго права.

Австрійцы первые показали всю свою противоположность идеальному энтузіазму Александра I: Францъ отнесся съ холодной сдержанностью и даже подозрительностью къ священному союзу. Но Меттернихъ съ цинической грубостью увѣрялъ императора, что этотъ актъ—безобидная болтовня и, пользуясь имъ впослѣдствіи въ корыстныхъ интересахъ Австріи, называлъ его памятникомъ пустозвоннымъ (vide et sonore). Англійское же правительство, выразивъ лицемѣрное сочувствіе къ принципамъ союза, отказалось отъ вступленія въ него подъ предлогомъ, что таковое не утвердитъ парламентъ.

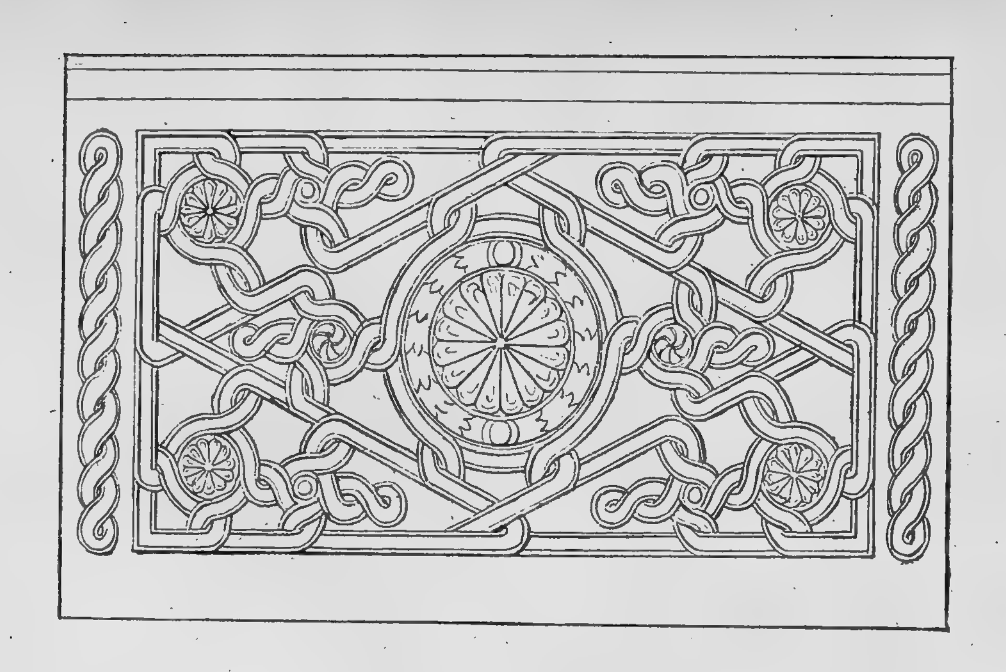
Выгоды отъ сохраненія установленнаго въ Европѣ на Вѣнскомъ конгрессѣ порядка болѣе всѣхъ извлекала Австрія. Россія же въ ея рукахъ стала орудіемъ для подавленія не только революціонныхъ движеній въ Италіи, на Пиренейскомъ полуостровѣ и другихъ странахъ, но и не имѣющихъ ничего общаго съ революціей національныхъ движеній. Для подавленія таковыхъ собирались конгрессы государей и ихъ представителей въ Ахенѣ(1818), Троппау (1820), Лайбахѣ (1821) и Веронѣ (1822).

Особенно печальнымъ для Россіи было то, что она въ силу новыхъ обязательствъ была поставлена въ необходимость оставлять безъ помощи движенія единовѣрныхъ намъ грековъ и единоплеменныхъ славянъ.

Въ началѣ XIX вѣка среди грековъ, угнетаемыхъ магометанскимъ фанатизмомъ турокъ, возникло не революціонное, а національно-религіозное движеніе къ освобожденію отъ турецкаго ига. Образованные греки въ разныхъ городахъ Западной Европы и въ Россіи организовали патріотическія общества (гетеріи), стремившіяся къ достиженію указанной цѣли. Въ числѣ руководителей этого движенія стояли бывшіе на русской службѣ дипломатъ графъ Каподистріа и генералъ-адъютантъ Ипсиланти, сынъ молдавскаго господаря. Онъ, покинувъ нашу службу, поднялъ возстаніе грековъ противъ турокъ въ находившейся со времени бухарестскаго мира подъ покровительствомъ Россіи, Молдавіи, это вызвало соотвѣтствующее движеніе и въ самой Греціи и на островахъ Архипелага. Кровавой рукою турки стали подавлять стремленія грековъ. Разбитый Ипсиланти бѣжалъ въ Австрію и тамъ былъ заключенъ въ крѣпость. Въ са-

момъ Константинополѣ въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія турки распяли греческаго патріарха Григорія, а въ Адріанополѣ— двухъ епископовъ. Но Россія ограничилась въ это время только протестомъ противъ такого возмутительнаго насилія турокъ со стороны нашего посланника, барона Строганова, и разрывомъ дипломатическихъ сношеній съ Оттоманскою портою, соединеннымъ съ отъѣздомъ его изъ Турціи. Активную же помощь освобожденію Греціи, какъ и зашевелившейся въ то время Сербіи, Россіи суждено было оказать только въ слѣдующее царствованіе императора Николая I, ставшаго твердо на почву національныхъ интересовъ Россіи.

VIII.

Внутреннее управленіе императора Александра I и отраженіе въ немъ перемѣнъ въ его воззрѣніяхъ.—Его совѣтники въ первое время его царствованія и послѣдующія эпохи.—Первоначальный планъ преобразованій, учрежденіе Государственнаго Совѣта и министерствъ.—Сперанскій и окончательная организація этихъ учрежденій.—Карамзинъ и его воззрѣнія.—Паденіе Сперанскаго и характеръ правленія съ 1815 года.—Просвѣтительныя учрежденія этого царствованія.—Тайныя общества.—Кончина государя.

Если царствованіе Павла I во многомъ опредѣлялось противоположностью правленію императрицы Екатерины II, то и разсматриваемое царствованіе представляетъ не мало, по крайней мѣрѣ, въ первую свою пору, контрастовъ предшествующему.

Вступивъ на престолъ на 25-мъ году своей жизни, Александръ I былъ, вслѣдствіе условій своего воспитанія, проникнутъ либеральными и космополитическими стремленіями, столь чуждыми его родителю. Обнародованный при восшествіи на престолъ манифестъ гласилъ, что новый государь будетъ царствовать по законамъ и по сердцу бабки своей Екатерины II. Но онъ готовъ былъ въ своихъ преобразованіяхъ итти гораздо дальше ея въ духѣ идей XVIII вѣка.

Каждый почти день приносилъ ту или другую отмѣну мѣръ Павла I. Сперва были возвращены на службу офицеры и чиновники, лишенные правъ и должностей въ предшествующее царствованіе; затѣмъ были освобождены нѣсколько сотъ человѣкъ, содержавшихся въ Петропавловской крѣпости; объявленъ былъ свободный проѣздъ изъ Россіи за границу; отмѣнено запрещеніе ввозить

къ намъ заграничныя книги; распечатаны были закрытыя типографіи и въ 1804 году изданъ былъ довольно льготный для печати цензурный уставъ; уничтожена была учрежденная Екатериной II и являвшаяся возстановленіемъ Преображенскаго приказа экспедиція тайныхъ дѣлъ, вѣдавшая политическія преступленія, переданныя теперь въ сенатъ; духовенство и дворянство были освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній. Возстановлена была въ полномъ объемѣ жалованная грамота дворянству; запрещено было печатать въ газетахъ объявленія о продажѣ крѣпостныхъ крестьянъ безъ земли; прекращена раздача населенныхъ крестьянами государственныхъ земель; разрѣшено было помѣщикамъ отпускать на волю крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землею за извѣстный выкупъ или отбываніе повинностей (они составили классъ *обязанныхъ* крестьянъ). Потомки Сусанина надѣлены были землями и освобождены отъ податей, составивъ особую группу такъ называемыхъ бѣлопашцевъ. Впослѣдствіи утверждено было положеніе объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости (безъ надѣленія, однако, землею) крестьянъ въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ.

„Всѣ,—говоритъ современникъ,—чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды у всѣхъ сдѣлались благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе“... Но кроткій и человѣколюбивый государь, характеръ котораго, по выраженію одной современницы (Сталь), является лучшею конституціей, а совѣсть—наилучшею ея гарантіей, не думалъ ограничиться только отмѣной суровыхъ мѣръ прежняго режима,—онъ мечталъ о преобразованіяхъ самыхъ широкихъ и глубокихъ.

Исполненный мечтательныхъ идей XVIII вѣка, онъ нерѣдко до того отрывался отъ исторической дѣйствительности, не только своей Россіи, но и государствъ Запада, что, въ порывахъ вражды къ деспотизму и поклоненія политической свободѣ, не довольствовался

симпатіями къ ограниченной конституціонно-парламентской монархіи, но и готовъ былъ питать въ себѣ стремленія къ республиканскому народоправству. Приближенные имъ къ себѣ сверстники его юности Новосильцевъ, Строгановъ, графъ Кочубей и Адамъ Чарторижскій, увлекавшіеся передовыми учрежденіями и идеями Запада, конечно, не были склонны сдерживать эти увлеченія. Особенно это не было въ ви-

Великій князь Александръ Павловичъ въ юности.
Съ портрета *Лампи*.

дахъ названнаго польскаго патріота, стремившагося использовать идеализмъ Александра для возстановленія Польскаго королевства руками Русскаго самодержца [1]). Вокругъ молодого государя господствовала

[1]) Въ юношескіе годы свои Александръ Павловичъ являлся сентиментальнымъ мечтателемъ и, какъ говоритъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ князь Адамъ Чарторижскій, гуляя съ нимъ въ окрестностяхъ Петербурга, рисовалъ картины, какъ было бы хорошо вмѣстѣ съ другомъ своего сердца построить гдѣ-нибудь хижину и тутъ провести въ тихомъ уединеніи свой вѣкъ, отказавшись отъ тяжести цар-

чрезвычайно либеральная атмосфера. Вызванный въ Россію республиканецъ Лагарпъ считалъ, однако, нужнымъ воздѣйствовать на Александра въ томъ смыслѣ, что монархъ человѣколюбивый можетъ дѣлать много добра своимъ подданнымъ, что не слѣдуетъ спѣшить крутыми перемѣнами въ управленіи государствомъ, а проводить ихъ постепенно, не ломая сразу старыхъ порядковъ. Онъ совѣтовалъ подготовлять даже освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости постепенно, безъ шума и тревоги, а главное—безъ малѣйшаго посягательства на права собственности. Видя чрезвычайно простое и даже застѣнчивое обращеніе со всѣми Александра Павловича, такой демократъ, какъ Лагарпъ, совѣтовалъ ему держаться безъ застѣнчивости и съ подобающимъ его власти величіемъ.

Елисавета Алексѣевна.

Но совѣты Лагарпа не были постоянными; болѣе непрерывное вліяніе имѣли на молодого государя, до начала войны съ Наполеономъ, въ которомъ онъ увидалъ измѣнника французской республикѣ и новаго деспота, названные выше друзья. Изъ нихъ государь

скаго вѣнца. Въ этихъ дружественныхъ разговорахъ увлекающійся юноша нерѣдко впадалъ въ утопіи идеологовъ XVIII вѣка, разоблаченныхъ не только критикой, но и самой исторической жизнью Запада. „Его мнѣнія,—говоритъ тотъ же Чарторижскій,—были мнѣніями юноши 1789 года, который хотѣлъ бы повсюду видѣть республику и считаетъ эту форму правленія единственно сообразной съ желаніями и правами человѣчества... Онъ говорилъ, что верховная власть должна быть ввѣряема не по случайности рожденія, а по подачѣ голосовъ націей, которая сумѣетъ де выбрать наиболѣе способнаго управлять ею“. Конечно, польскій патріотъ, мечтавшій о возстановленіи избирательнаго королевства въ Рѣчи Посполитой, не считалъ нужнымъ разубѣждать своего собесѣдника... Страннымъ является только то, что нѣкоторые русскіе историки готовы укорять Александра Павловича за то, что онъ не сохранилъ всю жизнь, наперекоръ Русской исторіи, желаніямъ своего народа и реальному движенію современной нашей и западно-европейской жизни, этихъ мечтательныхъ воззрѣній на государственность.

составилъ негласный или неофиціальный комитетъ для обсужденія широкихъ преобразованій. Чтобы не возбуждать о нихъ толковъ при дворѣ и въ правительственныхъ кругахъ, члены этого комитета приглашались къ царскому столу. По окончаніи обѣда государь, поговоривъ со всѣми присутствовавшими за столомъ, удалялся въ свои внутренніе покои. Когда же расходились всѣ другіе приглашенные, члены комитета удалялись чрезъ особый входъ въ небольшую комнату, смежную съ покоями государя; скоро являлся сюда и онъ, и начинались преобразовательныя разсужденія. Здѣсь говорили не только объ освобожденіи крестьянъ и распространеніи просвѣщенія въ низшихъ классахъ народа, не только о такихъ новыхъ учрежденіяхъ, какъ министерства и Государственный Совѣтъ, но и о коренномъ преобразованіи всего національно-историческаго строя Россіи, съ ограниченіемъ въ ней самодержавія и введеніемъ въ ней конституціонно-парламентскихъ учрежденій, по образцу Англіи, или Франціи. Государь не скрывалъ отъ своихъ собесѣдниковъ намѣренія отречься, послѣ введенія преобразованій, отъ престола и удалиться въ частную жизнь.

Но начавшіяся войны съ Наполеономъ отвлекли государя отъ слишкомъ широкихъ преобразованій. Однакоже и эта пора дала намъ важныя учрежденія: Государственный Совѣтъ и министерства, хотя и безъ упраздненія самодержавія, безъ новой организаціи нашей Верховной власти.

Александръ I на медали.

Въ 1801 году былъ открытъ подъ предсѣдательствомъ самого императора Государственный Совѣтъ, первоначально состоявшій изъ 12 членовъ; къ нему отошла отъ петровскаго сената выработка законодательныхъ предположеній.

Въ слѣдующемъ 1802 году взамѣнъ петровскихъ коллегій учреждено было 8 министерствъ: 1) военныхъ и сухопутныхъ силъ, 2) морскихъ, 3) иностранныхъ дѣлъ, 4) юстиціи, 5) внутреннихъ дѣлъ, 6) финан-

совъ, 7) коммерціи и 8) народнаго просвѣщенія. Единоличная власть и отвѣтственность въ министерствахъ, взамѣнъ коллегіальной организаціи, привели къ тому, что правительственная дѣятельность пошла быстрѣе и успѣшнѣе прежняго.

Во время войны 1805—1807 гг. прекратились и преобразованія и существованіе негласнаго комитета. Только съ заключенія мира и союза съ Наполеономъ въ Тильзитѣ опять возобновилась реформаціонная дѣятельность, душою которой съ этого времени сдѣлался Сперанскій.

Этотъ даровитый государственный дѣятель происходилъ изъ духовнаго званія и получилъ классическое образованіе. Не удовлетворяясь профессорской службой въ Петербургской духовной академіи, онъ поступилъ въ царствованіе Павла I въ секретари генералъ-прокурора сената князя Куракина, при которомъ обратилъ на себя вниманіе способностью работать много, быстро и умѣло. При учрежденіи Государственнаго Совѣта Сперанскій былъ переведенъ въ его канцелярію, гдѣ съ выдающимся успѣхомъ принималъ участіе въ составленіи и редактированіи новыхъ законовъ. Членъ негласнаго комитета — графъ Кочубей, сдѣлавшись министромъ внутреннихъ дѣлъ, пригласилъ его на должность директора департамента въ своемъ министерствѣ. Въ это время его блестящія работы сдѣлались извѣстными государю. Въ 1806 году Кочубей заболѣлъ и послалъ Сперанскаго съ очереднымъ докладомъ къ государю. Онъ такъ удачно сдѣлалъ этотъ докладъ, такъ краснорѣчиво объяснилъ его основанія и такъ быстро и мѣтко угадывалъ смыслъ каждаго государева замѣчанія, что заинтересовалъ Александра Павловича, который сталъ нерѣдко призывать къ себѣ Сперанскаго по разнымъ государственнымъ дѣламъ. Въ 1807 году, отправляясь на свиданіе съ Наполеономъ въ Пруссію, государь взялъ съ собою Сперанскаго. Человѣкъ преобразовательнаго направленія, онъ съ этого времени еще болѣе увлекся законодательствомъ Наполеона и поставилъ наши реформы всей этой поры союза съ нимъ подъ французское вліяніе. Государь еще за границей спросилъ Сперанскаго, какъ ему нравятся чужіе края по сравненію съ отечествомъ? Сперанскій отвѣчалъ: „У насъ—люди лучше, но здѣсь лучше установленія“.—„Это и моя мысль,—отвѣчалъ государь,—мы еще поговоримъ, когда воротимся“.

По возвращеніи въ Петербургъ, Сперанскій былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи, но на самомъ дѣлѣ сталъ по части преобразованій самымъ довѣреннымъ лицомъ государя, который

много бесѣдовалъ съ нимъ, но довольно секретно. Онъ передалъ своему новому сотруднику начатыя, но неоконченныя работы неофиціальнаго комитета, поручилъ привести ихъ въ порядокъ и составить планъ широкого преобразованія государства до введенія народнаго представительства включительно [1]). Къ 1809 году эта работа реформатора-западника была готова и получила одобреніе Александра Павловича, рѣшившаго, однако, проводить реформы по частямъ. Многое изъ нихъ было осуществлено, но главное, что пролагало въ Россіи путь къ конституціи, осталось безъ исполненія. Причины этого заключались въ томъ, что въ достопамятный 1812 годъ произошла сильная перемѣна въ самомъ государѣ и въ окружающихъ его лицахъ въ духѣ національно-историческаго направленія, что въ значительной степени способствовало паденію Сперанскаго, увлекав-

---

1) Доктринерство Сперанскаго всего ярче сказалось въ его проектахъ 1809 года, носящихъ на себѣ признаки французскаго конституціонализма, который будто бы приведетъ нашъ „образъ правленія въ соразмѣрность съ той степенью гражданскаго образованія, на которой стоитъ государство“. Онъ находилъ, что для конституціи „современная ему Россія какъ разъ достигла надлежащей степени зрѣлости“. Онъ не прочь былъ попугать тѣхъ, кто были иного, чѣмъ онъ, мнѣнія, слѣдующими разсужденіями. „Никакое правительство, съ духомъ времени несообразное, противъ всемогущаго его дѣйствія устоять не можетъ“. Онъ рекомендуетъ „правительствамъ державъ точнѣе наблюдать движеніе общественнаго духа, сообразоваться съ нимъ въ началахъ политической системы и не народъ приспособлять къ правленію, а правленіе—къ народу“.

Сперанскій такъ „думалъ приспособить къ русскому народу наше правленіе“. Необходимо ограничить самодержавіе и создать у насъ конституціонную монархію. Государственная власть, по ученію Монтескьё, должна быть раздѣляема на судебную, исполнительную и законодательную. Власть законодательная должна быть вручена представителямъ народа, исполнительная—министрамъ. „Но поелику сія власть исполнительная, распоряженіями своими, подъ видомъ исполненія закона, не только могла бы обезобразить его, но и совсѣмъ уничтожить, то должно поставить ее въ отвѣтственность передъ властью законодательной“. Независимая судебная власть должна находиться въ рукахъ выборныхъ людей. Самое народное представительство Сперанскій проектируетъ въ видѣ цѣлаго ряда ступеней, начиная съ волостной думы и кончая государственной. Но и самъ Сперанскій полагалъ, что конституціонный образъ правленія трудно устроить въ той странѣ, гдѣ половина населенія находится въ крѣпостной зависимости... Впослѣдствіи (въ 1819 г.) Н. И. Тургеневъ, при всемъ его передовомъ направленіи, высказывалъ опасеніе, что крестьянство послѣ введенія у насъ конституціи можетъ остаться въ крѣпостномъ состояніи, и говорилъ: „Самодержавная власть—якорь спасенія для нашей страны. Только отъ этой власти мы можемъ ожидать уничтоженія рабства“. Это и оправдалось въ царствованіе императора Александра II, который самодержавною рукой освободилъ крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землей, чего не было ни въ одномъ конституціонномъ государствѣ.

Александръ I въ началѣ царствованія.

шагося французскимъ законодательствомъ и въ особенности кодексомъ Наполеона и его учрежденіями.

Изъ ряда предначертанныхъ реформъ получили утвержденіе слѣдующія: въ 1809 году изданы были законы, касавшіеся придворныхъ и чиновниковъ, сильно раздражавшіе эти элементы и вызывавшіе большое неудовольствіе противъ Сперанскаго. Придворныя званія камеръ-юнкеровъ, камергеровъ и проч. получали многіе изъ высшаго сословія, несостоявшіе на дѣйствительной службѣ, и чрезъ то пользовались большими правами и преимуществами. По новому же закону, придворныя званія эти уже не давали никакихъ особыхъ правъ лицамъ, несостоящимъ на дѣйствительной службѣ, что заставило многихъ изъ придворныхъ работать на служебныхъ должностяхъ. По другому закону отъ всѣхъ чиновниковъ, желающихъ получить производство въ дальнѣйшій чинъ, требовалось свидѣтельство объ окончаніи университетскаго курса, или же выдержать въ университетѣ экзаменъ по особой программѣ, тогда какъ въ прежнее время повышеніе въ чинахъ получалось простою выслугою лѣтъ. Этотъ законъ создалъ Сперанскому много враговъ въ чиновничествѣ.

Менѣе неудовольствій вызвало переустройство Государственнаго Совѣта и министерствъ. 1 января 1810 года подъ предсѣдатель-

ствомъ Александра Павловича было открыто засѣданіе реорганизованнаго Сперанскимъ Государственнаго Совѣта. Онъ состоялъ изъ 35 членовъ, назначенныхъ государемъ, и имѣлъ общее собраніе и четыре департамента: 1) законовъ, 2) военныхъ дѣлъ, 3) гражданскихъ и духовныхъ и 4) государственной экономіи. При Совѣтѣ учреждена была канцелярія, подчиненная государственному секретарю, докладывающему дѣла общему собранію и представляющему его постановленія на Высочайшее рѣшеніе. Въ случаѣ отсутствія государя предсѣдательствовалъ одинъ изъ членовъ Совѣта по назначенію государя на одинъ годъ. Первымъ государственнымъ секретаремъ былъ Сперанскій. Подъ его предсѣдательствомъ была учреждена при Совѣтѣ комиссія для составленія и изданія свода законовъ. Въ кругъ занятій Государственнаго Совѣта, кромѣ разсмотрѣнія и обсужденія новыхъ законовъ, присоединены были еще и слѣдующія задачи: разъясненіе смысла прежде существовавшихъ законовъ, разсмотрѣніе смѣтъ государственныхъ доходовъ и расходовъ и отчетовъ министерствъ по дѣламъ ихъ управленія.

Реорганизація Сперанскимъ министерствъ заключалась въ слѣдующемъ: учреждено было вновь министерство полиціи, министерство коммерціи было упразднено, и его функціи распредѣлены между министерствомъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, къ первому присоединенъ былъ государственный контроль; созданы были главныя управленія путей сообщенія и духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

Министерства точнѣе были раздѣлены на департаменты, были организованы совѣты министровъ изъ директоровъ департаментовъ и приглашаемыхъ свѣдущихъ лицъ; ясно опредѣлена была власть министровъ и ихъ отвѣтственность. Тѣ дѣла, которыя касаются вѣдѣнія нѣсколькихъ министерствъ, должны были рѣшаться въ комитетѣ министровъ.

Сперанскій составилъ еще проекты преобразованія Сената, въ видахъ точнаго раздѣленія въ немъ дѣлъ правительственныхъ и судебныхъ и реорганизаціи губернскаго и уѣзднаго управленія, но пока они ждали своего утвержденія Сперанскому пришлось много работать по организаціи управленія вновь присоединенной Финляндіи, по польскимъ и прибалтійскимъ дѣламъ и по приведенію въ порядокъ разстроенныхъ въ ту пору государственныхъ финансовъ. На 1812 годъ государственные доходы исчислены были въ 127 милліоновъ, между тѣмъ какъ расходовъ предполагалось 193 милліона, въ составъ коихъ не вошли тѣ, кои скоро потребовала отечественная война.

Кромѣ того, въ виду чрезмѣрнаго выпуска ассигнацій, доходившихъ до полумилліарда, цѣнность ассигнаціоннаго рубля понизилась до 33 коп. Сперанскій предложилъ для покрытія дефицита повысить налоги, а для подъема цѣнности бумажныхъ денегъ прекратить дальнѣйшій выпускъ ассигнацій и начать изъятіе изъ обращенія старыхъ. Налоги въ 1812 году были повышены, одни вдвое, другіе втрое, что вызывало ропотъ противъ Сперанскаго и въ народѣ. Напр., подушная подать увеличена была съ рубля на два; цѣна пуда соли съ 40 коп. поднялась до рубля. Объявленъ былъ налогъ на земли дворянъ-помѣщиковъ. Но и финансовыя мѣры Сперанскаго не всѣ были исполнены вслѣдствіе его паденія, которое условливалось многими причинами.

Это паденіе подготовлялось и завистью къ огромному вліянію реформатора на государственныя дѣла и недовольствомъ его преобразованіями со стороны придворныхъ, чиновниковъ и даже простого народа. Но, несомнѣнно, что, кромѣ проявлявшихся въ этомъ дѣлѣ корыстныхъ антипатій разныхъ затронутыхъ преобразованіями общественныхъ элементовъ, большое значеніе имѣлъ и принципіальный антагонизмъ противъ Сперанскаго, какъ бюрократа-проводника западническаго, антирусскаго направленія въ законодательствѣ Россіи и ея управленіи.

Уже начавшаяся въ XVIII вѣкѣ борьба противъ западничества въ защиту національно-историческихъ особенностей русскаго государства и русскаго народа, стала въ XIX вѣкѣ проявляться сильнѣе и рѣшительнѣе и не оставалась у порога сознанія, какъ нѣчто темное, инстинктивное: она нашла себѣ не только яркое, но и научное выраженіе въ сферѣ національно-историческаго самосознанія. Наши историки еще недостаточно оцѣнили начальную стадію борьбы нашей съ Западомъ, еще до 1812 года, когда въ Россію пожаловала Западная Европа въ лицѣ полчищъ Наполеона и показала смиренной Россіи множество глубоко-отрицательныхъ и даже отталкивающихъ сторонъ своей культуры.

Высокую и вмѣстѣ глубокую важность въ этотъ моментъ борьбы нашей съ духовнымъ владычествомъ у насъ Запада имѣетъ „Записка о древней и новой Россіи“ Карамзина и начатая имъ еще до отечественной войны „Исторія Государства Россійскаго“. Въ нихъ дошли до самосознанія тѣ національныя начала, при увлеченіяхъ всѣмъ западнымъ: французскимъ и нѣмецкимъ, столь долго презираемыя и такъ несправедливо подавляемыя. Мы не будемъ искать здѣсь антагонизма носителей національнаго самосознанія только съ либе-

ральнымъ западникомъ-бюрократомъ Сперанскимъ, здѣсь мы увидимъ борьбу съ болѣе крупными силами и ранѣе развившимися теченіями.

Самою характерною личностью въ этой борьбѣ является Н. М. Карамзинъ. Въ царствованіе Екатерины онъ былъ масономъ и космополитомъ, не чуждымъ идей Руссо и энциклопедистовъ; въ „Письмахъ русскаго путешественника" онъ былъ полонъ благоговѣнія предъ западно-европейскою культурою и являлся поклонникомъ общечеловѣческаго развитія. „Все народное—ничто предъ человѣческимъ,—писалъ онъ въ 1790 году изъ Парижа.—Главное дѣло быть людьми, а не славянами.—Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ, и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы людей, то—мое, ибо я—человѣкъ". Но и въ это время онъ уже не могъ всецѣло быть гражданиномъ земного шара, или французомъ, или другимъ какимъ-либо иноземцемъ. Уже тогда, посѣтивъ Францію въ разгаръ революціи, онъ своимъ проницательнымъ взоромъ увидѣлъ всю ложь этого революціоннаго движенія и осудилъ его въ своихъ „Письмахъ". Въ его воспріимчивой и глубокой душѣ жила любовь къ Русскому отечеству и къ своему народу, которая приходила до нѣкоторой степени къ сознанію уже и въ царствованіе Екатерины II въ такихъ людяхъ, какъ историки Щербатовъ и Болтинъ, писатели Фонвизинъ, Новиковъ и др. Занявшись сперва всеобщей исторіей, онъ въ первые годы XIX столѣтія, начинаетъ увлекаться Русскою исторіей и въ 1800 году пишетъ Дмитріеву, что „по уши влѣзъ въ Русскую исторію; сплю и вижу Никона съ Несторомъ". Основавъ въ Москвѣ въ 1802 году новый журналъ „Вѣстникъ Европы", имѣвшій большой успѣхъ, онъ, вопреки его заглавію, начинаетъ печатать въ немъ статьи русскаго національнаго направленія и дѣлаетъ, какъ выразился одинъ современникъ, пробы пера по Русской исторіи. Въ 1803 году онъ пишетъ брату своему: „Мнѣ хочется до того времени выдавать журналъ, пока у меня не будетъ столько денегъ, чтобы жить безъ нужды; а тамъ хотѣлось бы приняться за трудъ важнѣйшій,—за Русскую исторію, чтобы оставить по себѣ отечеству недурной памятникъ", написать „непостыдную, достойную величія Русскаго народа исторію". И вотъ „Вѣстникъ Европы" сталъ постепенно обращаться въ своего рода русскій вѣстникъ,—въ журналъ, посвященный Русской Исторіи. Здѣсь онъ печатаетъ свое примѣчательное разсужденіе „О любви къ отечеству и народной гордости". Въ своихъ журнальныхъ статьяхъ онъ менѣе прежняго восхищается реформами Петра I и болѣе симпатій выражаетъ къ старой самобытной Руси, что

Н. М. Карамзинъ.

свѣтится въ его „Историческихъ воспоминаніяхъ по пути къ Троицѣ", въ повѣсти „Марѳа Посадница", въ статьѣ „О случаяхъ и характерахъ въ Россійской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ". Съ чувствомъ живой симпатіи говоритъ онъ въ статьѣ „О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича" о величайшей крѣпости единенія царя съ народомъ въ древней Руси, когда этотъ царь съ кремлевской площади говорилъ съ народомъ и самой своей кроткой и любящей душой покорилъ сердца бунтовщиковъ. При этомъ, наперекоръ тогдашнимъ поклонникамъ революціи, указываетъ на чисто-русскія особенности нашего народа. Онъ говорилъ о нихъ: „Исторія нашего отечества, подобно другимъ, описывая жестокія войны и гибельные раздоры, рѣдко упоминаетъ о бунтахъ противъ властей законныхъ, что служитъ къ великой чести народа русскаго. Онъ всегда чувствовалъ необходимость повиновенія, и ту истину, что своевольная управа гражданъ есть, во всякомъ случаѣ, великое бѣдствіе для государства. Такимъ образомъ народъ московскій великодушно терпѣлъ всѣ ужасы временъ царя Ивана Васильевича, всѣ

неистовства его опричниковъ. Граждане смиренно приносили жалобы, не находили защиты, безмолвствовали и только въ храмахъ Царя царей молили небо тронуть, смягчить жестокое сердце Іоанна". „Кто изъ насъ,—говоритъ нѣсколько раньше онъ въ повѣсти *Наталья, боярская дочь*,—не любитъ тѣхъ временъ, когда русскіе были русскими, когда они въ собственное платье одѣвались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ и по своему сердцу, какъ думали? По крайней мѣрѣ, я люблю сіи времена, люблю... подъ сѣнью старинныхъ вязовъ искать бородатыхъ моихъ предковъ, бесѣдовать съ ними о приключеніяхъ древности, о характерѣ славнаго народа русскаго... Мнѣ кажется, что я вижу, какъ народная гордость и славолюбіе возрастаютъ въ Россіи съ новыми поколѣніями... А тѣ холодные люди, которые смѣются надъ патріотизмомъ, достойны ли отвѣта? Не отъ нихъ отечество ожидаетъ великаго и славнаго, не они рождены сдѣлать намъ русское имя еще дороже". Подъ вліяніемъ съ увлеченіемъ изучаемой исторіи, Карамзинъ начинаетъ скептически смотрѣть на быстрыя, западническія преобразованія въ государственномъ строѣ и говоритъ (въ пору негласнаго комитета): „Время подвигаетъ разумъ народовъ, но тихо и медленно. Бѣда законодателю облетѣть его. Мудрый идетъ шагъ за шагомъ... Я не вѣрю той любви къ отечеству, которая презираетъ его лѣтописи или не занимается ими. Надобно знать, чтобы любить настоящее, а чтобы знать настоящее, должно имѣть свѣдѣнія о прошедшемъ..." Все, очевидно, предвѣщало, что блестящій беллетристъ и журналистъ скоро превратится въ примѣчательнаго историка своего отечества, который будетъ авторитетно требовать, чтобы государство шло въ связи съ его историческимъ прошедшимъ, сообразжалось съ нимъ, чтобы „правители государствъ справлялись съ исторіей, какъ мореплаватели смотрятъ на морскія карты и компасъ".

Въ 1803 году онъ отказывается отъ издательства „Вѣстника Европы", дававшаго при его скудныхъ средствахъ 6000 руб. въ годъ и чрезъ товарища министра народнаго просвѣщенія М. Н. Муравьева доводитъ до свѣдѣнія государя, что онъ желаетъ работать надъ Русскою исторіею, „которая занимаетъ всю его душу, изъявляя намѣреніе написать исторію не варварскую и не постыдную для его царствованія". Государь, несмотря на то, что еще не остылъ въ своихъ западническихъ увлеченіяхъ, далъ ему возможность приняться за это дѣло, назначивъ ему изъ своего кабинета содержаніе въ 2 тысячи руб. и званіе исторіографа. Карамзинъ отрекся не

Милостивый Государь!

Принявъ съ благоговѣнiемъ Знакъ Монаршей Милости, спѣшу изъявить вамъ; какъ ея Исполнителю, сердечную мою признательность. Милостивый Государь! я чувствую цѣну того, что вамъ угодно было сдѣлать для меня. Естьли подлинно имѣю какой нибудь талантъ, то отнынѣ еще съ большею ревностiю посвящу его нашему любезному Отечеству, котораго слава неразлучна со славою Монарха. Исторiя Россiи будетъ предметомъ усердныхъ трудовъ моихъ. Сколь щастливымъ почту себя, естьли Судьба дозволитъ мнѣ описать послѣ вѣка Екатерины Великой, и то всеобщее радостное чувство, съ которымъ Россiяне увидѣли на тронѣ Александра, и всѣ ихъ надежды, и щастливое исполненiе сихъ надеждъ!
Съ вѣчною благодарностiю и съ истиннымъ высокопочитанiемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь!
Вашъ покорнѣйшiй слуга
Николай Карамзинъ

Москва,
8 Апрѣля, 1801.

Автографъ Н. М. Карамзина. Письмо къ М. Н. Муравьеву.

только отъ журналистики и литературы, но, казалось, и отъ мiра, чтобы всецѣло отдаться своей задачѣ, ставшей подвигомъ его жизни: онъ работалъ не покладая рукъ надъ первоисточниками Русской исторiи, ея лѣтописями, грамотами и другими документами и надъ ихъ обработкой (въ Москвѣ и близъ нея въ сельцѣ Астафьевѣ). Чѣмъ болѣе онъ погружался въ наше отечественное прошлое, тѣмъ болѣе отрѣшался отъ своихъ западническихъ увлеченiй и выяснялъ свое нацiоналистическое мiросозерцанiе, ставившее его въ рѣзкое противорѣчiе съ господствовавшимъ тогда реформацiоннымъ направленiемъ,

противъ коего онъ началъ, какъ знаемъ мы, высказываться еще въ пору неофиціальнаго комитета, а послѣ онъ открыто уже выразилъ свой антагонизмъ противъ преобразованій Сперанскаго.

Съ большимъ гражданскимъ мужествомъ, какъ вѣрный подданный, онъ домогался довести до свѣдѣнія государя о своихъ воззрѣніяхъ. Въ этомъ ему помогла сестра государева Екатерина Павловна, бывшая замужемъ за принцемъ Ольденбургскимъ и проживавшая въ то время въ Твери. Сочувствуя убѣжденіямъ Карамзина, она представила здѣсь исторіографа своему царственному брату, доставила ему возможность прочитать нѣсколько главъ изъ „Исторіи Государства Россійскаго“, очень понравившихся государю, и представить ему „Записку о древней и новой России“, рѣзко и принципіально направленную противъ тогдашнихъ реформъ. Александръ Павловичъ цѣлый вечеръ бесѣдовалъ о ней съ Карамзинымъ, а на другой день историкъ приглашенъ былъ къ царскому столу. Если государь и не согласился со всѣми взглядами Карамзина, то онъ увидѣлъ въ нихъ выраженіе настроенія и стремленій значительной части русскихъ образованныхъ людей и, несомнѣнно, не безъ этого вліянія, охладѣлъ къ Сперанскому и его реформамъ.

Въ своей „Запискѣ“ Карамзинъ прямо возстаетъ противъ всякихъ реформъ, несогласныхъ съ духомъ народа, и не обинуясь называетъ ихъ насиліемъ. „Духъ народа, по его выраженію, составляетъ нравственное могущество государства... Сей духъ спасалъ Россію... Онъ есть не что иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству. Любовь къ отечеству питается народными особенностями, безгрѣшными въ глазахъ космополита, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго. Государство можетъ заимствовать отъ другого разныя полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть эти обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе“. Такимъ насиліемъ историкъ признаетъ и реформы Петра I, осуждая въ нихъ почти все, до созданія имъ новой столицы на негостепріимныхъ берегахъ Невы включительно. Въ этомъ отношеніи онъ рѣшительно отказывается отъ тѣхъ взглядовъ на Петра, какихъ держался въ Екатерининскія времена. Осуждая реформы Сперанскаго, онъ въ разрѣзъ съ нимъ утверждаетъ, что хорошее гражданское устройство зависитъ не отъ учрежденій, а отъ личности правителей.

Что касается древней Руси, то онъ видитъ идеалъ русскаго государя въ Іоаннѣ III, который, создавая могущество Россіи и входя

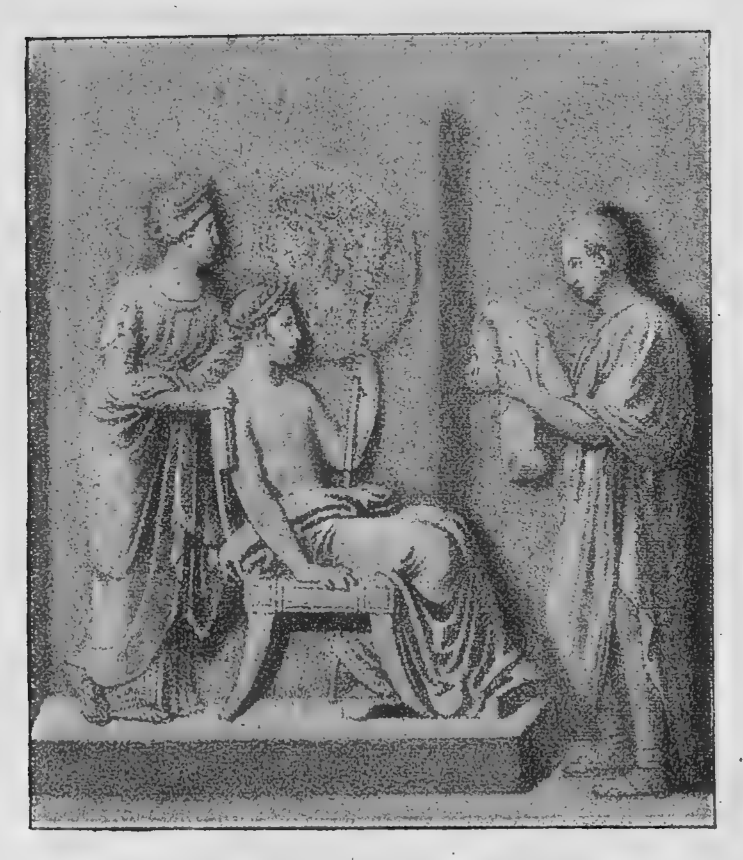
въ сношенія съ другими государствами, не затрогивалъ самобытности своего народа.

Основная же идея его „Записки“, какъ и всей „Исторіи Государства Россійскаго“, выражается въ слѣдующей формулѣ: „Россія основалась единовластіемъ, гибла отъ разновластія и спасалась мудрымъ самодержавіемъ“. Особенно характерна у историка постановка вопроса объ обязательности для послѣдующихъ временъ народной русской воли, выразившейся въ избраніи Михаила Ѳеодоровича на

Домъ въ Астафьевѣ.

царство. „Никогда народъ,—говоритъ историкъ,—не дѣйствовалъ торжественнѣе и свободнѣе, никогда не имѣлъ побужденій святѣйшихъ; всѣ хотѣли одного—цѣлости, блага Россіи. Бѣдствія мятежной аристократіи просвѣтили гражданъ и самихъ аристократовъ; тѣ и другіе единогласно и единодушно наименовали Михаила самодержцемъ, монархомъ неограниченнымъ... Написали хартію и положили оную на престолъ; сія грамста, внушенная мудростью опытовъ, утвержденная волею бояръ и народа, есть священнѣйшая изъ всѣхъ государственныхъ хартій Князья московскіе учредили самодержавіе, отечество даровало оное Романовымъ Самодержавіе есть

Барельефъ на памятникѣ въ Симбирскѣ [1]).

палладіумъ Россіи. Цѣлость его необходима для ея счастія..." Такая горячая и сильная защита самодержавія не могла не повліять на императора Александра I сдерживающимъ образомъ по отношенію къ конституціоннымъ проектамъ Сперанскаго. Но нельзя не признать и того, что она не уничтожила въ государѣ сочувствія къ представительному строю: уже въ 1818 году, спустя шесть лѣтъ послѣ паденія Сперанскаго, онъ не только далъ Польшѣ конституцію, но и открывая сеймъ въ Варшавѣ, далъ понять въ своей тронной рѣчи, что подобныя политическія учрежденія будутъ распространены и на Россію. Однако вліяніе Карамзина на государя и на правящіе круги, особенно съ выходомъ въ свѣтъ въ 1818 году его величаваго труда, „Исторіи Государства Россійскаго", столь содѣйствовавшей подъему у насъ національнаго самосознанія и скептическому отношенію къ западно-европейской исторіи и созданнымъ ею учрежденіямъ было въ ряду другихъ одною изъ важнѣйшихъ при-

[1]) На барельефѣ изображенъ Карамзинъ, читающій императору Александру отрывки изъ своей Исторіи Государства Россійскаго.

чинъ того, что конституція все же не была у насъ введена, а направленіе царствованія значительно измѣнилось.

Самое паденіе Сперанскаго не можетъ, конечно, быть приписано одному вліянію Карамзина: многочисленные враги перваго, не руководимые въ своемъ антагонизмѣ идейными и принципіальными побужденіями исторіографа, сосредоточили предъ нашествіемъ Наполеона на Россію вокругъ имени бюрократа-реформатора слишкомъ большую агитацію: они обвиняли его не только въ дурныхъ отношеніяхъ къ возвысившему его государю, не только осуждали за поклонничество предъ кодексомъ Наполеона, но и распространили молву, что онъ находится въ прямыхъ измѣнническихъ сношеніяхъ съ нимъ. При этихъ условіяхъ государю нельзя было оставить при себѣ Сперанскаго, что сильно бы задѣвало поднимавшееся національно-патріотическое настроеніе населенія. Видимо, притомъ, государь повѣрилъ нѣкоторымъ обвиненіямъ противъ Сперанскаго, потому что онъ не ограничился его отставкой, а приказалъ выслать его изъ Петербурга подъ особый надзоръ.

Явившаяся въ 1812 году въ Россію Западная Европа въ лицѣ Наполеона и его полчищъ весьма многихъ поколебала и разочаровала въ ихъ слѣпомъ западничествѣ и подняла значеніе національно-историческихъ преданій, до преданій объ Авраамія Палицынѣ, князѣ Пожарскомъ, Мининѣ и Сусанинѣ включительно. Въ государѣ и вокругъ него стали господствовать, вмѣсто идей и людей раціоналистическихъ, космополитическихъ и либеральныхъ, идеи и люди совсѣмъ другого, національнаго направленія, въ немъ стали проясняться самодержавныя воззрѣнія и стремленія. Самъ государь сталъ очень религіозенъ и сближался съ религіозными людьми даже инославныхъ исповѣданій, не чуждаясь и представителей православія, начиная отъ митрополита Филарета до архимандрита Фотія и схимниковъ Невской и Кіево-Печерской лавры, съ которыми любилъ бесѣдовать, и покровительствовалъ дѣятельности Библейскаго Общества. Напрасно тенденціозные историки хотятъ видѣть въ этомъ проявленіе какого-то мрачнаго реакціонерства. Ничего страннаго не представляетъ и то, что въ ту пору и въ Западной Европѣ государь болѣе сближался съ элементами консервативными, а не прогрессивно-либеральными.

Еще страннѣе, что историки усматриваютъ мрачное реакціонерство, а не свѣтлый прогрессъ въ душѣ Александра I, въ томъ, что онъ послѣ войны 1812 года все болѣе высказывалъ любовь къ своему народу, уваженіе къ его исторіи, сочувствіе къ его историческимъ учрежденіямъ. Въ ту пору онъ много заботъ посвящалъ

возстановленію разрушенной Москвы и ея историческихъ памятниковъ и, по справедливости, можетъ быть названъ третьимъ ея основателемъ, вслѣдъ за первыми Юріемъ Долгорукимъ и Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Романовымъ. Онъ украсилъ нашу Красную площадь прекраснымъ памятникомъ Минину и Пожарскому.

Въ 1816 году, при посѣщеніи Москвы, государь, принимая московское дворянство, сказалъ ему знаменательныя, звучавшія русскимъ національнымъ чувствомъ, слова, которыя, разумѣется, не могли быть сказаны въ пору его увлеченія западничествомъ: „Конечно, мы прославились предъ всѣми народами. Съ Россіей вмѣстѣ мы спасли и Европу. Впрочемъ, мы не должны это присваивать себѣ. Одинъ Богъ силенъ былъ сдѣлать, что мы превзошли всѣхъ славой. Нашему примѣру послѣдовала Европа, но *не могла сравняться съ тѣмъ духомъ и съ тою твердостью, которыя я видѣлъ въ васъ*... Однакожъ... мы не можемъ утверждаться на семъ возвышеніи безъ исполненія закона Божія... Я много обозрѣлъ государствъ—и самъ очевидный вамъ свидѣтель, что—такое народъ, исполненный вѣры, и каковъ тотъ, который безъ закона Божественнаго. Вы знаете, какія тамъ отъ того слѣдствія произошли...“

Еще раньше въ манифестѣ, изъявлявшемъ Россійскому народу благодарность за спасеніе отечества въ 1812 году, государь съ глубокимъ уваженіемъ къ русскому патріотизму говорилъ: „Всеобщимъ рвеніемъ, усердіемъ (нашихъ вѣрноподданныхъ, какъ истинныхъ сыновъ отечества) доведены непріятельскія силы до крайняго истощенія и или истреблены, или въ полонъ взяты. Всѣ единодушно въ томъ содѣйствовали, храбрыя войска наши всегда поражали и низлагали врага. Доблестное дворянство не пощадило ничего къ умноженію государственныхъ силъ. Почтенное купечество ознаменовало себя всякаго рода пожертвованіями. Вѣрный народъ, мѣщанство и крестьяне показали такіе опыты вѣрности и любви къ отечеству, какіе одному только русскому народу свойственны. Они, вступая охотно и добровольно въ опол-

Графъ Сперанскій.

ченія, въ самомъ скоромъ времени собранныя, явили въ себѣ мужество и крѣпость пріученныхъ къ бранямъ воиновъ. Твердая грудь и смѣлая рука съ такою же неустрашимостью расторгала полки непріятелей, съ какою за нѣсколько предъ тѣмъ недѣль раздирала плугомъ поля... Во многихъ губерніяхъ поселяне сами собою ополчались, избирали изъ себя предводителей и не только никакими прельщеніями враговъ не были уловлены, но съ мученическою твердостью претерпѣвали всѣ наносимые имъ удары... Многія селенія скрывали въ лѣсахъ семейства свои и малолѣтнихъ дѣтей, а сами, вооружась и поклявшись предъ святымъ Евангеліемъ не выдавать другъ друга, съ невѣроятнымъ мужествомъ оборонялись и нападали на нападающаго непріятеля, такъ что многія тысячи истреблены и взяты въ плѣнъ крестьянами и даже руками женщинъ, будучи жизнью своею обязаны человѣколюбію тѣхъ, которыхъ они приходили жечь и грабить. Столь великій духъ и непоколебимая твердость всего народа приносятъ незабвенную славу, достойную сохраниться въ памяти потомства... Почитаемъ за долгъ и обязанность симъ нашимъ всенароднымъ объявленіемъ изъявить предъ цѣлымъ свѣтомъ благодарность нашу и отдать должную справедливость храброму, вѣрному и благочестивому народу Россійскому".

Одно только сознаніе величія этихъ подвиговъ народа нашего въ такую тяжкую годину безо всякихъ иныхъ воздѣйствій, внушало Русскому царю уваженіе къ прошлому и къ историческимъ условіямъ Русскаго народа, быту нашему и къ укладу всей русской жизни, о чемъ говорилъ ему Карамзинъ съ другими русскими патріотами.

Находясь и заграницей, государь въ бесѣдѣ своей съ однимъ иностранцемъ, рѣшительно утверждалъ, что несправедливо Россію считаютъ страною варварскою, и говорилъ: „Высшія сословія весьма образованы и утонченнѣе, чѣмъ нужно. Среднее сословіе живетъ въ довольствѣ, народъ хорошъ, проникнутъ здравымъ духомъ, добродушенъ, счастливъ въ своемъ патріархальномъ образѣ жизни. Старинные обычаи можно сравнить съ древними сосудами, въ которыхъ содержатся сердечность и простота, о чемъ современный міръ ничего не знаетъ и знать не хочетъ, хотя онъ отъ этого нисколько не счастливѣе. Государство обширно, и въ отдаленныхъ областяхъ народонаселеніе малочисленно. *Что для другихъ странъ годится и является потребностью, того по одному этому еще нельзя считать полезнымъ и нужнымъ для Россіи: она не должна утратить свою народность, въ которой столько хорошаго*". Въ этомъ убѣжденіи, выработанномъ и собственнымъ тяжкимъ царственнымъ опытомъ,—

убѣжденiи, столь противоположномъ утопiямъ XVIII вѣка, заключаются причины глубокой перемѣны во внутренней политикѣ Александра I во вторую половину его царствованiя, а совсѣмъ не въ нашоптыванiяхъ одной реакцiи, не въ раздутой историками аракчеевщинѣ, не въ воздѣйствiяхъ Меттерниха.... Правда, и при совершившемся внутреннемъ переворотѣ, были замѣтны колебанiя въ сторону идей прежняго времени; равнымъ образомъ нельзя отрицать и того, что люди того времени, утрируя новыя воззрѣнiя государя и пользуясь его чрезмѣрнымъ переутомленiемъ отъ сверхсильныхъ напряженiй, придавали правительственнымъ актамъ того времени чрезчуръ рѣзко-реакцiонный характеръ (какъ Аракчеевъ, архимандритъ Фотiй, Магницкiй, Руничъ и т. п.); но Александръ I, послѣ народной войны 1812 года, уже не могъ ни внутри, ни внѣ себя, въ дѣлахъ правленiя, оставаться тѣмъ, какимъ былъ до этой, перевернувшей и его самаго, и Россiю, и всю Европу эпохи.

Историки слишкомъ много занимаются Аракчеевымъ и очень преувеличиваютъ влiянiе этого любимца императора Александра на дѣла его правленiя. Малообразованный гатчинецъ, онъ съ любовью и преданностью прошелъ суровую до мелочей воинскую службу Павла I и всю жизнь остался олицетворенiемъ крутой дисциплины и безпрекословнаго повиновенiя. Среди развинченныхъ по этой части людей того бурнаго, взбаломученнаго времени, онъ представлялъ рѣзкое и рѣдкое исключенiе и при расположенiи къ нему Александра Павловича былъ очень пригоденъ ему, какъ вѣрное и послушное орудiе. Самъ Аракчеевъ отлично понималъ, что онъ не подготовленъ для вопросовъ внѣшней и внутренней политики, для рѣшенiя образовательныхъ задачъ и тому подобнаго и воздерживался отъ вмѣшательства въ эти дѣла. Знатокъ военной службы, особенно артиллерiйскаго дѣла, онъ готовъ былъ заниматься исключительно ими, но, не чувствуя въ себѣ боевыхъ способностей, уклонялся отъ участiя въ войнахъ того времени. Къ тому же государь поручилъ ему огромное новое дѣло, иницiатива котораго всецѣло принадлежала самому Александру Павловичу, именно устройство военныхъ поселенiй. Пользуясь мыслью одного военнаго французскаго генерала, государь задумалъ сократить военные расходы и облегчить народу отбыванiе воинской повинности, посредствомъ устройства военныхъ поселенiй; онъ желалъ не отрывать солдатъ въ мирное время отъ земледѣлiя и ихъ семействъ и часть полковъ поселилъ на особо отведенныхъ земляхъ, а часть крестьянъ обратилъ въ полки и заставилъ ихъ одновременно и нести воинскую службу и заниматься

Графъ Аракчеевъ.

земледѣліемъ въ военныхъ поселеніяхъ. Устройство таковыхъ и поручено было Аракчееву. Они заведены были на сѣверѣ, западѣ и югѣ Россіи и составили огромное и сложное предпріятіе, поглощавшее много вниманія и заботъ самого государя и особенно Аракчеева. Вызванное искреннимъ желаніемъ блага народу и войску, учрежденіе это оказалось, однако, въ высшей степени неудачнымъ на практикѣ. Суровой дисциплиной и тяжкими наказаніями пришлось Аракчееву обращать крестьянъ въ солдатъ и солдатъ—въ крестьянъ, но и его тяжелой желѣзной рукѣ не удавалось удерживать новыхъ военныхъ поселенцевъ отъ волненій и открытыхъ бунтовъ. Однакоже ни инициаторъ, ни исполнитель этой идеи не думали отступиться отъ нея, и, должно признаться, она затемнила имъ многое. Государь же, занятый поѣздками на конгрессы и переутомленный дѣлами правленія, уже не могъ вникнуть въ это сложное дѣло, какъ нужно для того, чтобы или поставить его иначе, или совсѣмъ отъ него отказаться.

Вліяніе же Аракчеева на общій ходъ дѣлъ заключалось не въ томъ, что онъ давалъ имъ направленіе, а въ томъ, что, когда государь пересталъ почти принимать доклады, министры и высшіе сановники должны были передавать ихъ ему чрезъ Аракчеева.

Человѣкъ старыхъ крутыхъ взглядовъ, онъ не давалъ ходу новому и чрезъ то, именно,до нѣкоторой степени, и придавалъ правленію реакціонный характеръ. Даже такія лица, какъ Карамзинъ, чтобы попасть къ Александру Павловичу, должны были добиваться благосклонности получившаго могущество человѣка, который, однако, самъ не рѣшалъ дѣлъ, не составлявшихъ его спеціальности.

Сокращеніе занятій государя внутренними дѣлами вело къ тому, что въ разныхъ отрасляхъ государственной жизни его собственныя идеи, по произволу разныхъ исполнителей, осуществлялись не въ томъ видѣ и не въ той силѣ, въ какой бы было угодно ему самому. Несомнѣнно, что императоръ Александръ, сильно покровительствовавшій русскому просвѣщенію, желалъ освободить его отъ антирелигіозныхъ и антихристіанскихъ вліяній и стремился христіанизировать наше образованіе, для чего и были соединены религіозныя и образовательныя дѣла въ одномъ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, которое было отдано въ управленіе религіозно-настроеннаго князя А. Н. Голицына. Но то, что дѣлали въ школахъ тогдашняго времени люди крайне консервативнаго направленія, какими былъ Магницкій и Руничъ, конечно, не нашло бы одобренія въ государѣ, если бы онъ подробно и точно зналъ все, что они дѣлали. Тѣмъ не менѣе это царствованіе принесло чрезвычайно много пользы развитію у насъ образованія.

Особенно много было сдѣлано въ министерство графа Завадовскаго. Въ эту пору выработано положеніе объ устройствѣ учебныхъ заведеній въ Россіи. На основаніи его сна должна была покрыться сѣтью училищъ четырехъ типовъ, возвышающихся одинъ надъ другимъ такъ, чтобы окончившіе курсъ въ одномъ училищѣ могли переходить въ другое, высшаго разряда.

Первую ступень составляли приходскія школы, которыми завѣдывало духовенство. Малыя народныя училища Екатерины II были переименованы въ уѣздныя училища, заведенныя во всѣхъ городахъ, а рѣдкія прежде главныя училища основаны были во всѣхъ губернскихъ городахъ подъ именемъ гимназій, какъ приготовительныя школы къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ были учреждены для подготовки учителей педагогическіе институты. Университеты въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ были преобразованы на основаніи новаго устава и учреждены были три новыхъ университета — въ Казани, Харьковѣ и Петербургѣ. Въ Царскомъ Селѣ былъ основанъ лицей, давшій намъ Пушкина и другихъ выдающихся писателей и дѣятелей.

Просвѣтительная дѣятельность правительства вызывала пожертвованія частныхъ лицъ на образовательное дѣло. Такъ, богачъ Демидовъ пожертвовалъ болѣе милліона на устройство въ Ярославлѣ лицея, графъ Безбородко пожертвовалъ капиталъ и землю на учрежденіе лицея въ Нѣжинѣ, харьковскіе и екатеринославскіе дворяне сдѣлали щедрыя пожертвованія на Харьковскій университетъ. Правительство усилило средства на содержаніе Академій наукъ и художества, выстроило зданіе для публичной библіотеки въ Петербургѣ; тамъ же были учреждены на государственный счетъ институтъ корпуса путей сообщенія и лѣсной институтъ. Медико-хирургическая коллегія преобразована въ медико-хирургическую академію. Для женскаго образованія заведенъ былъ новый институтъ патріотическаго общества. Комиссія духовныхъ училищъ организовала по новымъ уставамъ духовныя академіи, семинаріи и училища.

Въ это царствованіе начинается необыкновенный расцвѣтъ русской литературы, достигшій полнаго своего развитія при императорѣ Николаѣ. На смѣну Державину и Фонвизину выступаютъ Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Жуковскій, Батюшковъ, князь Вяземскій и во всемъ блескѣ развиваетъ свой національно-русскій талантъ Крыловъ. Правда, въ литературѣ нашей въ эту пору было много элементовъ подражанія Западу, въ видѣ сантиментальнаго и романтическаго направленія. Но русская національная стихія начинаетъ проявляться въ литературѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ XVIII столѣтіи. Въ этомъ отношеніи имѣетъ огромное значеніе Отечественная война 1812 года и немалое вліяніе то, что сдѣлалъ Карамзинъ своей „Исторіей Государства Россійскаго“ для развитія въ образованномъ обществѣ историческаго національнаго самосознанія. Отсюда идутъ чисто-русскіе мотивы въ произведеніяхъ писателей даже западническаго направленія (напримѣръ, у Жуковскаго „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“ „Молитва за царя“ и проч.). Справедливо также вспомнить и о національномъ направленіи и второстепенныхъ писателей. Таковыми были адмиралъ Шишковъ, который сильно ратовалъ противъ поклоненія иноземщинѣ и даже, будучи единомышленникомъ въ основныхъ идеяхъ Карамзина, нападалъ на его стиль, какъ носившій слѣды французскаго вліянія. Онъ былъ душою кружка единомышленниковъ, извѣстнаго подъ именемъ „Бесѣды любителей россійскаго слова“. Глинка, основавшій въ 1808 году въ Москвѣ журналъ „Русскій Вѣстникъ“, подготовлялъ русскихъ людей къ борьбѣ съ Наполеономъ, первымъ вступилъ въ московское ополченіе 1812 года,

и много сдѣлалъ для развитія и распространенія патріотизма. „Русскій Вѣстникъ“ его выходилъ подъ слѣдующимъ девизомъ взятымъ изъ Державина:

Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ,
Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ.

Въ томъ же духѣ писалъ и Ѳ. В. Ростопчинъ, впослѣдствіи московскій главнокомандующій, особенно въ своей статьѣ: „Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ“, проникнутой рѣзкою враждой къ иноземнымъ вліяніямъ. Въ этомъ же направленіи дѣйствовалъ на общество въ своихъ трагедіяхъ, особенно въ „Дмитріи Донскомъ“, Озеровъ. Въ это царствованіе началъ выступать съ своими театральными пьесами Загоскинъ, въ слѣдующее царствованіе писавшій такія свои патріотическія повѣсти, какъ „Юрій Милославскій“ и друг.

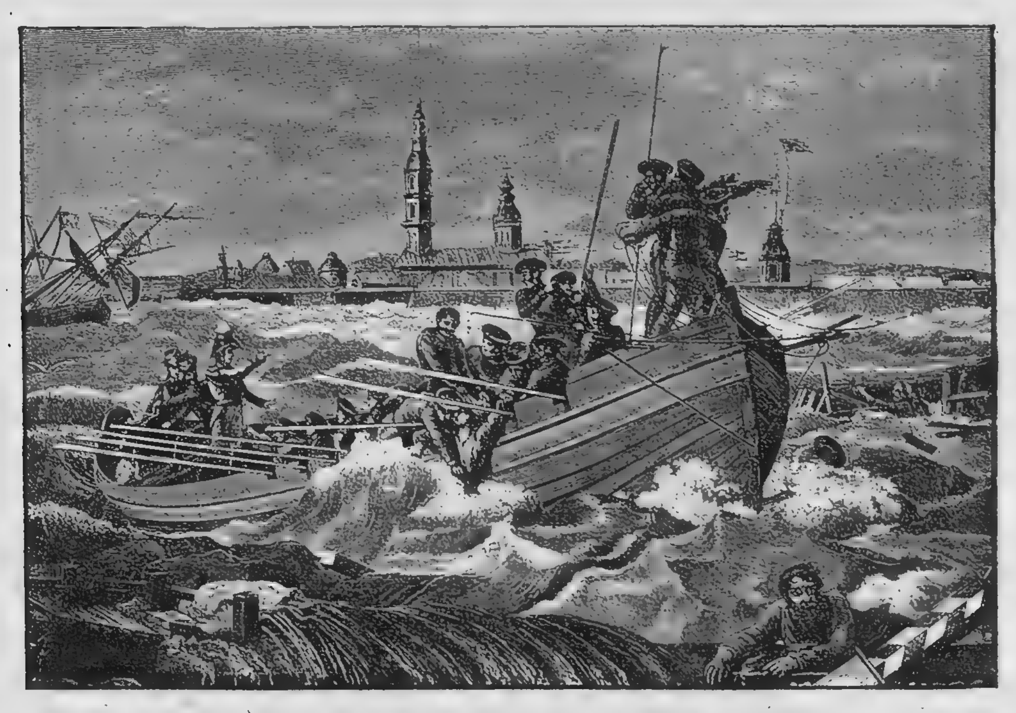
Патріотическое направленіе литературы соотвѣтствовало консервативному направленію государя во вторую половину его царствованія, но оно не уничтожало существованія въ обществѣ космополитическихъ и западническихъ стремленій, которыя, помимо литературы нашли себѣ радикальное выраженіе въ тайныхъ обществахъ, организовавшихся среди офицеровъ гвардіи и арміи, послѣ возвращенія ихъ изъ заграничныхъ походовъ, во время которыхъ они увлекались западными идеями и учрежденіями. Еще недостаточно разработаны вопросы о томъ, какое вліяніе на эти общества имѣли масоны [1]) и поляки. Слишкомъ либеральное отношеніе Александра I къ Польшѣ оказывало также немалое вліяніе на нашу молодежь. Упомянутая выше рѣчь его при открытіи въ 1818 году польскаго конституціоннаго сейма, въ коей онъ говорилъ, что „надѣется дарованныя Польшѣ либеральныя учрежденія распространить на всѣ страны, его попеченію ввѣренныя“, по словамъ Карамзина, „сильно отозвалась въ молодыхъ сердцахъ: у насъ, говорилъ историкъ, спятъ и видятъ конституцію“. Въ томъ же году государь поручилъ Новосильцеву разработать проектъ конституціи для Россіи.

Если люди русскаго направленія, какъ И. Ѳ. Паскевичъ и другіе, видя заносчивость ласкаемыхъ Александромъ Павловичемъ поляковъ

[1]) Въ рядахъ послѣдующихъ декабристовъ было много людей, которые участвовали въ масонскихъ ложахъ. Онѣ были закрыты лишь въ 1822 году, когда окрѣпла уже организація конспиративныхъ обществъ въ войскѣ. Изъ признаній нѣкоторыхъ заговорщиковъ оказалось, что они поддерживали связь съ тайными обществами въ Польшѣ, стремившимися къ отдѣленію Польши отъ Россіи и возстановленію прежняго Польскаго Королевства. Декабристы же прямо обѣщали отдѣленіе Польши отъ Россіи.

и раздражаясь наносимыми ими оскорбленіями нашему національному чувству, предвидѣли, что скоро намъ придется штурмовать конституціонную Варшаву, то молодежь, видя, что конституціонныя учрежденія еще не вводятся у насъ, стали замышлять дать ихъ Россіи посредствомъ заговоровъ и насильственнаго государственнаго переворота.

Въ 1816 году въ Петербургѣ былъ основанъ „Союзъ спасенія", сначала говорившій только объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и о превращеніи Россіи въ конституціонную монархію, но уже въ 1817 году въ немъ заговорили о революціи въ Россіи и договорились даже до цареубійства. Въ слѣдующемъ году онъ превратился въ Союзъ благоденствія, сначала прикрывавшійся гуманитарными цѣлями борьбы съ злоупотребленіями, безнравственностью, невѣжествомъ, крѣпостнымъ правомъ и т. п., но уже нечуждый крайняго религіознаго, политическаго и соціальнаго вольномыслія. Въ 1821 году члены этого союза закрыли его и основали двѣ еще болѣе радикальныя организаціи: „Сѣверное" и „Южное" общества. Оба они одинаково шли противъ самодержавія; но первое готово было удовлетвориться ограниченною монархіею, на основаніи конституціи Никиты Муравьева, которая имѣла въ виду вручить законодательную власть двумъ палатамъ и обратить Россію въ фе-

Наводненіе въ Петербургѣ.

дерацію, съ уничтоженіемъ въ ней сословій и равенствомъ всѣхъ предъ закономъ. Южное же общество (въ арміи, стоявшей на турецкихъ границахъ) стремилось къ болѣе радикальному перевороту, на основаніи сочиненной Пестелемъ „Русской Правды". Будучи противникомъ федерализма и сторонникомъ централизма, онъ былъ, однако, принципіальнымъ противникомъ монархизма, поклонникомъ республиканскаго строя, какъ осуществляющаго де верховенство народа.

Общества эти дѣйствовали, главнымъ образомъ, среди офицеровъ, хотя и старались вовлечь въ свою среду учащуюся молодежь и даже помышляли и о народѣ, но пропаганда ихъ не шла широко. Это обстоятельство, а также надежда, что молодежь со временемъ сама образумится, побуждали государя снисходительно относиться къ этимъ конспираціямъ, свѣдѣнія о коихъ у него имѣлись. Только незадолго до своей кончины онъ далъ оставшееся неисполненнымъ распоряженіе арестовать главныхъ заговорщиковъ. Утверждаютъ, будто Александръ Павловичъ однажды сказалъ: „Не мнѣ подобаетъ карать ихъ. Съ начала своего царствованія я раздѣлялъ и поощрялъ ихъ иллюзіи и ихъ ошибки"...

Чрезмѣрное напряженіе силъ и длинный рядъ нравственныхъ потрясеній и разочарованій истощили крѣпкій отъ природы организмъ государя и заставляли его подумывать даже объ отреченіи отъ престола и о передачѣ его въ другія руки. Это дѣло усложнилось тѣмъ, что за его бездѣтностью бывшій престолонаслѣдникомъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, тоже не имѣвшій дѣтей, не чувствуя себя способнымъ царствовать, особенно послѣ вступленія во второй бракъ съ полькой—графиней Жанной Грудзинской, получившей титулъ княгини Ловичъ, отрекся отъ престола. Государь, на основаніи закона о престолонаслѣдіи, подписалъ манифестъ о переходѣ послѣ своей смерти престола ко второму брату своему, великому князю Николаю Павловичу. Этотъ манифестъ не былъ, однако, обнародованъ, а въ запечатанномъ пакетѣ съ подписью: „Вскрыть по моей смерти ранѣе всѣхъ другихъ дѣлъ" положенъ былъ въ серебряномъ ковчегѣ на престолъ въ Успенскомъ соборѣ. Списки съ него въ пакетахъ съ такою же надписью хранились въ Сенатѣ, Синодѣ и Государственномъ Совѣтѣ. Но государь не посвятилъ великаго князя Николая Павловича въ важныя подробности этого дѣла. Многое уже предвѣщало скорый конецъ Александра I. Самыя физическія силы его начинали слабѣть. На лицѣ его выражались задумчивость и грусть, смѣнившія его чарующую улыбку.

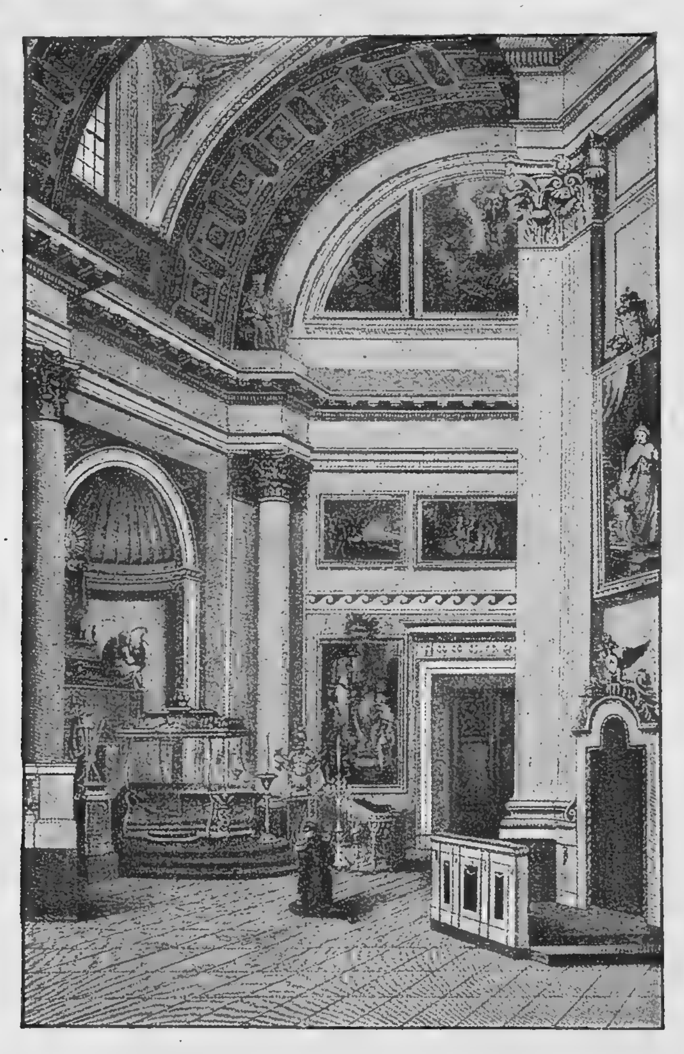

Наводненіе у памятника Петру Великому.

Вредное вліяніе на здоровье государя имѣло случившееся 7 ноября 1824 года громадное наводненіе въ Петербургѣ. При страшной бурѣ почти вся столица была такъ залита водой, что лодки могли подъѣзжать къ балкону второго этажа въ Зимнемъ дворцѣ. Множество деревянныхъ домовъ унесено было въ море; бѣднота населенія лишилась всего своего имущества; множество людей потонуло въ своихъ квартирахъ или на улицахъ. Государь двинулъ на лодкахъ все, что было можно, на помощь погибавшимъ; самъ со своею свитою на лодкѣ объѣзжалъ залитыя водою улицы и площади и былъ свидѣтелемъ потрясающихъ душу сценъ. На его глазахъ, близъ казеннаго литейнаго завода, порывомъ бури унесены были въ море жилища рабочихъ, гдѣ находились ихъ семьи. Съ отчаяніемъ бросились рабочіе спасать ихъ, но это было напрасно...

Глубоко потрясенный этимъ, государь говорилъ о катастрофѣ: „Я бывалъ во многихъ кровопролитныхъ сраженіяхъ, видалъ поля битвъ, покрытыя трупами убитыхъ, слыхалъ стоны раненыхъ, но это—неизбѣжный жребій войны, а тутъ я увидѣлъ людей, вдругъ осиротѣвшихъ, лишившихся въ одну минуту всего, что для нихъ дороже жизни. Это ни съ чѣмъ сравниться не можетъ“. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что эти ужасныя впечатлѣнія оставили разрушительные слѣды въ надломленныхъ силахъ государя.

Въ слѣдующемъ, 1825, году стала тяжело болѣть императрица Елисавета Алексѣевна. Для поправленія ея здоровья, по предписанію врачей, она должна была провести зиму на югѣ Россіи, для чего былъ намѣченъ Таганрогъ. За нѣсколько дней до ея отъѣзда государь отправился туда, чтобы осмотрѣть и на пути и въ названномъ городѣ, все ли приготовлено для удобства больной. Онъ думалъ провести съ нею часть зимы.

Александръ I у мощей св. Александра Невскаго.

На разсвѣтѣ 1 сентября на тройкѣ выѣхалъ государь изъ Зимняго дворца и направился въ Александро-Невскую лавру. У воротъ обители встрѣтили государя въ полныхъ облаченіяхъ митрополитъ Серафимъ съ крестомъ и монахи. Приложившись ко кресту, онъ прошелъ въ соборную церковь и сталъ на колѣни предъ гробницей св. Александра Невскаго и съ особымъ напряженіемъ духа молился

за молебномъ и много плакалъ. Зашедши къ митрополиту, онъ посѣтилъ келью схимника.

Тускло освѣщала лампада жилище отшельника. Онъ палъ на колѣни предъ висѣвшимъ на стѣнѣ распятіемъ и сказалъ: „Государь, молись". И царь, ставъ на колѣни, началъ съ нимъ молиться. Старецъ-инокъ осѣнилъ его крестомъ. Государь, бесѣдуя съ митрополитомъ, сказалъ: „Я не вижу постели. Гдѣ же онъ спитъ?" Схимникъ повелъ его за перегородку: тамъ на столѣ стоялъ черный гробъ, въ которомъ лежали схима, свѣчи и все нужное для погребенія. „Смотри— вотъ постель моя, и не моя только, а постель всѣхъ насъ: въ ней всѣ мы, государь, ляжемъ и будемъ спать долго". Когда погрузившійся въ размышленіе царь отошелъ отъ гроба, схимникъ сказалъ ему: „Я—человѣкъ старый и многое видѣлъ на свѣтѣ; благоволи, государь, выслушать мои слова. До великой чумы въ Москвѣ нравы были чище, народъ набожнѣе, но послѣ чумы нравы испортились. Въ 1812 году наступило время исправленія и набожности; но, по окончаніи войны сей, нравы еще болѣе испортились. Ты—государь нашъ и долженъ бдѣть надъ нравами. Ты — сынъ православной Церкви и долженъ любить и охранять ее. Такъ хощетъ Господь Богъ нашъ". —„Жалѣю,—сказалъ Александръ,—что я давно не познакомился съ тобою". Уѣзжая изъ лавры, государь сказалъ митрополиту и братіи: „Помолитесь обо мнѣ и о женѣ моей". И ѣхалъ черезъ лавру съ открытой головой и часто оборачивался, крестился и кланялся. Выѣхавъ за заставу Петербурга, онъ остановилъ коляску, привсталъ въ ней, и въ задумчивости нѣсколько минутъ глядѣлъ на свою столицу. Прощался ли онъ съ нею, или его заботила какая-либо другая мысль, — сказать, конечно, трудно...

Въ Таганрогѣ здоровье императрицы стало поправляться, и государь счелъ возможнымъ проѣхать въ область Войска Донского и въ Крымъ. Но поѣздка въ послѣдній имѣла роковое значеніе. Здѣсь свирѣпствовали лихорадка и тифъ, и была очень дурная сырая погода. Объѣхавъ значительную часть Крыма, государь прибылъ въ Севастополь и отсюда, безъ свиты, съ фельдшеромъ и татариномъ-проводникомъ, поѣхалъ верхомъ въ Георгіевскій монастырь. Въ эту поѣздку, вечеромъ, государя захватилъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ и пронизывающій холодъ. Въ Севастополь онъ возвратился сильно простуженнымъ, но, скрывая свою болѣзнь, ѣздилъ отсюда въ Бахчисарай и Маріуполь. Болѣзнь взяла уже такую силу, что лейбъ-медикъ Вилліе настаивалъ, чтобы государь отказался продолжать путь и легъ здѣсь же въ постель. Но онъ, не желая обез-

Памятникъ Александру I въ Петербургѣ [1]).

покоить императрицу, уже ожидавшую его въ Таганрогѣ, перемогая себя, прибылъ туда 5 ноября и на слѣдующій день слегъ и болѣе не вставалъ съ постели. Сильный тифъ быстро истощалъ силы больного, впадавшаго нерѣдко въ безсознательное состояніе. 15 ноября государь причащался Святыхъ Таинъ. Вошедшему къ нему съ Святыми Дарами священнику онъ сказалъ: „Прошу исповѣдать меня, не какъ императора, а какъ простого мірянина". Послѣ причастія онъ сказалъ императрицѣ: „Я никогда не испытывалъ большей радости". 17 числа больной на время почувствовалъ себя лучше, и когда, по его просьбѣ, подняли шторы въ комнатѣ и въ нее ворвались снопы солнечныхъ лучей, проговорилъ: „Какъ хорошо!" Проблескъ надежды оживилъ было измученную императрицу... Но 19 ноября въ 11 часовъ утра императоръ Александръ Благо-

[1] Поставленъ въ 1834 году.

словенный, устремляя глаза то на распятіе, то на государыню, тихо скончался.

Митрополитъ Филаретъ, въ надгробной проповѣди, при погребеніи государя, примѣнилъ къ нему библейскія слова: „Вотъ царь, о которомъ должны плакать народы и рыдать цари и пророки“.

Карамзинъ, не сочувствовавшій преобладанію въ Александрѣ I космополитическихъ идей и его непроникнутымъ національнымъ духомъ преобразованіямъ, назвалъ его, по кончинѣ его, *великимъ монархомъ*, коего царствованіе, ознаменованное дѣлами безпримѣрной славы для отечества, вѣчно будетъ сіять въ нашихъ и всемірныхъ лѣтописяхъ, какъ царствованіе спасителя Россіи, избавителя Европы, благотворителя побѣжденныхъ, умирителя народовъ, друга правды и человѣчества.

„Справедливость требуетъ сказать,—писалъ одинъ англійскій дипломатъ того времени,—что если европейскій континентъ былъ проклятъ въ Наполеонѣ, то онъ получилъ *благословеніе* въ Александрѣ,—этомъ освободителѣ человѣчества“...

Его царствованіе, что ни говорили бы объ его, присущихъ всему человѣческому, недостаткахъ, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ и достославнѣйшихъ страницъ Русской Исторіи.

Могила Александра I.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Царствованіе императора Павла I и его законодательство.—Законъ о престолонаслѣдіи и особахъ царствующаго дома. — Императрица Марія Ѳеодоровна. — Перемѣны въ административныхъ и сословныхъ учрежденіяхъ императрицы Екатерины II.—Ограниченіе крѣпостного права.—Мѣропріятія относительно просвѣщенія, духовенства и войска.—Первоначальная внѣшняя политика Павла I, воздержаніе его отъ войнъ и отношеніе къ Французской республикѣ въ пору директоріи и консульства Наполеона. Причины вступленія Павла I въ коалицію противъ Франціи 5

2. Павелъ I, по просьбѣ императора Германскаго, назначаетъ главнокомандующимъ австро-русскихъ войскъ въ Италіи Суворова.—Отъѣздъ его изъ села Кончанскаго къ дѣйствующей арміи.—Итальянскій походъ Суворова: Адда, Требія и Нови.—Устройство австрійцами западни для Суворова въ Швейцаріи.—Альпійскій его походъ.—Битвы на Сенъ-Готардѣ и у Чортова моста.—Переходъ черезъ Роштокъ и Мутенская долина.—Перевалъ чрезъ Паниксеръ.—Непримиримый гнѣвъ Павла I на своихъ союзниковъ—австрійцевъ и англичанъ.—Походъ на Индію.—Смерть Суворова и Павла I. . . . 20

3. Царствованіе императора Александра I. — Его воспитаніе и характеръ. — Два періода въ его царствованіи. — Иностранная политика и война до начала народной войны 1812 года. Причины, вызвавшія эту войну. . . 52

4. Война 1812 года. — Приготовленіе къ ней Наполеона и Россіи. — Какъ смотрѣли на нее онъ и Александръ I? — Быстрое и рѣшительное измѣненіе взглядовъ послѣдняго на предстоящую борьбу. — Вступленіе западныхъ полчищъ въ русскіе предѣлы. — Прокламація Наполеона и манифестъ Александра I. — Созывъ народныхъ ополченій. — Русскія войска и ихъ предводители, Барклай-де-Толли и Багратіонъ. — Русскій царь въ Москвѣ и необычайный подъемъ народнаго духа.—Отступленіе войскъ и ихъ соединеніе подъ Смоленскомъ и его защита 72

5. Назначеніе Голенищева-Кутузова главнокомандующимъ всѣхъ армій и ополченій. — Прибытіе его къ войску и отступленіе къ Можайску. — Битва при Бородинѣ и ея главнѣйшіе моменты и исходъ. — Совѣтъ на Филяхъ и оставленіе Москвы.—Вступленіе въ нее Наполеоновскихъ полчищъ.—Пожаръ Москвы и его громадное значеніе для императоровъ Александра и Наполеона и для обѣихъ борющихся сторонъ. — Выходъ непріятелей изъ разрушенной столицы 85

6. Тарутинскій лагерь и битва съ Мюратомъ. — Малая война и предводители партизановъ. — Живое участіе въ войнѣ самого русскаго народа.—Битва при Малоярославцѣ, Вязьмѣ и Красномъ. — Бѣгство „великой арміи“.—Переправа черезъ Березину. — Конецъ народной войны. — Какъ отразилось ея значеніе въ манифестахъ императора Александра I? 129

7. Рѣшеніе Александра вести борьбу съ Наполеономъ за границей.—Малодушіе Пруссіи, отказывавшейся отъ союза съ Россіей. — Страхъ предъ Наполеономъ Австріи. — Съ большимъ трудомъ Александру удалось составить коалицію противъ Наполеона. — Заграничный походъ русскихъ. —

Стр.

Лейпцигская битва. — Взятіе Парижа. — Настроеніе Александра I въ столицѣ Франціи. — Вѣнскій конгрессъ. — Возвращеніе Наполеона и окончательное паденіе его.—Священный союзъ и конгрессы.— Греческое возстаніе. 148

8. Внутреннее управленіе императора Александра I и отраженіе въ немъ перемѣнъ въ его воззрѣніяхъ. — Его совѣтники въ первое время его царствованія и послѣдующія эпохи. — Первоначальный планъ преобразованій, учрежденіе Государственнаго Совѣта и министерствъ. — Сперанскій и окончательная организація этихъ учрежденій. — Карамзинъ и его воззрѣнія. — Паденіе Сперанскаго и характеръ правленія съ 1815 года. — Просвѣтительныя учрежденія этого царствованія. — Тайныя общества.— Кончина государя 170

СПИСОКЪ

световыхъ картинъ къ чтеніямъ объ императорѣ Павлѣ и походахъ Суворова.

1. Портреты Павла I:
   а) — 1797 годъ.
   б) — 1798 годъ.
   в) — работы Боровиковскаго.
2. Портретъ императрицы Маріи Ѳеодоровны.
3. Другіе ея потреты.
4. Монеты императора Павла I.
5. Видъ Гатчинскаго дворца.
6. Михайловскій замокъ въ Петербургѣ.
7. Мальтійскій крестъ и десница Іоанна Крестителя.
8. Парадъ въ Гатчинѣ.
9. Портретъ А. В. Суворова.
10. Наполеонъ — первый консулъ Франціи.
11. Храмъ и домикъ въ селѣ Кончанскомъ.
12. Отъѣздъ Суворова изъ деревни.
13. Битва на рѣкѣ Аддѣ.
14. Суворовъ на Альпахъ.
15. Штурмъ С.-Готарда.
16. Странноприимный домъ на С.-Готардѣ.
17. Видъ нынѣшняго и прежняго Суворовскаго Чортова моста.
18. Битва у Чортова моста. Съ французской гравюры.
19. То же, съ картины Коцебу.
20. Памятникъ русскимъ воинамъ, павшимъ на Альпахъ.
21. Могила Суворова въ Невской лаврѣ.
22. Памятникъ ему въ Петербургѣ.

СПИСОКЪ

свѣтовыхъ картинъ къ чтеніямъ о царствованіи императора Александра I.

1. Портретъ императора Александра I въ концѣ его царствованія.
2. Портретъ императора Александра I въ юности.
3. Портретъ императора Александра I въ началѣ царствованія.
4. Императрица Елисавета Алексѣевна.
5. Медаль въ память войны 1812 года.
6. Наперсный крестъ 1812 года.
7. Голенищевъ-Кутузовъ.
8. Князь Багратіонъ.
9. Барклай-де-Толли.
10. Графъ Милорадовичъ.
11. Ермоловъ.
12. Императоръ Наполеонъ.
13. Свиданіе въ Тильзитѣ.
14. Переходъ „великой арміи" чрезъ Нѣманъ.
15. Битва подъ Смоленскомъ.
16. Планъ Бородинскаго сраженія.
17. Общій видъ Бородинскаго поля.
18. Крестный ходъ съ иконой Смоленской Богоматери.
19. Бой у Багратіоновыхъ флешей.
20. Бой у батареи Раевскаго.
21. Бой у деревни Горки.
22. Кавалерійская схватка.
23. Шевардинскій редутъ.
24. Наполеонъ на Бородинскомъ полѣ.
25. Бородинскій монастырь.
26. Памятникъ на Бородинскомъ полѣ.
27. Совѣтъ на Филяхъ.
28. Графъ Ростопчинъ.
29. Его афишка.
30. Наполеонъ на Поклонной горѣ.
31. Вступленіе его арміи въ Москву.
32. Французы въ Кремлѣ.
33. Пожаръ въ Москвѣ.
34. То же, французская гравюра.

35. Наполеонъ на Кремлевской стѣнѣ.
36. Отъѣздъ Наполеона изъ Москвы.
37. Взрывъ Никольской башни.
38. Русскій отрядъ въ Кремлѣ.
39. Битва при Тарутинѣ.
40. Битва при Маломъ Ярославцѣ.
41. Битва при Вязьмѣ.
42. Битва подъ Краснымъ.
43. Витгенштейнъ.
44. Партизаны Фигнеръ, Давыдовъ, Сеславинъ.
45. Смерть Энгельгардта.
46. Великая армія въ Вильнѣ.
47. Старостиха Василиса и плѣнные.
48. Битва у Студянки.
49. Переправа чрезъ Березину.
50. Отъѣздъ Наполеона изъ Россіи.
51. Кульмская битва.
52. Лейпцигское сраженіе.
53. Битва у Парижа.
54. Капитуляція Парижа.
55. Въѣздъ Александра I въ столицу Франціи.
56. Русскій молебенъ въ Парижѣ.
57. Медаль за взятіе Парижа.
58. Тоже въ память Вѣнскаго конгресса.
59. Карамзинъ.
60. Сперанскій.
61. Аракчеевъ.
62. Наводненіе въ Петербургѣ.
63. Тоже у памятника Петра Великаго.
64. Александръ I у мощей св. Александра Невскаго.
65. Могила Александра Павловича.
66. Александровская колонна въ Петербургѣ.

